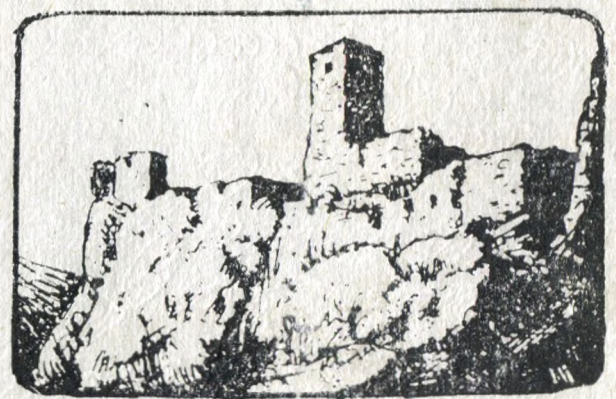

902.7 (Д,ар)

М-34

Материальная культура народов Дагестана в XIX-нач. XX в.

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

902.7 (Д,ар)

М-34

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сборник статей

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала 1988

Составитель

кандидат исторических наук С. А. Луцнев

Ответственный редактор

доктор исторических наук М. О. Османов

Рецензенты:

кандидаты исторических наук К. Б. Омаров, М.-Р. А. Ибрагимов

Настоящий сборник посвящен отдельным элементам материальной культуры ряда народов Дагестана. В нем впервые специально рассматриваются культурно-исторические и социально-культурные особенности развития поселений, компонентов жилищ, военно-оборонительных сооружений и одежды этих народов.

Сборник рассчитан на этнографов, историков, археологов, а также читателей, интересующихся историей и культурой народов Дагестана.

Материальная культура народов Дагестана, в частности, поселения и одежда, представленные в нашем сборнике, в определенной степени исследована и отражена значительной литературой.

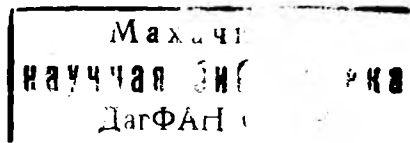
Однако по преимуществу это общедагестанские или сводные исследования, в которых поселения и одежда рассматриваются в масштабах всей области или целых народов в общем плане¹. Предлагаемый сборник включает в основном конкретные материалы и исследования, основанные на полевых материалах, полученных в процессе изучения традиционного быта и культуры малых народов Дагестана, хозяйственно-культурных типов, общественного быта, разработки историко-этнографического атласа Дагестана и др. Процесс дополнения общих исследований конкретными разработками, посвященными отдельным этносам или районам, новыми материалами вполне оправдан и должен продолжаться. Актуальность подобного дополняющего и уточняющего процесса исследования материальной культуры диктуется и таким немаловажным обстоятельством, как прогрессирующее исчезновение, выбывание элементов материальной культуры не только в производственной сфере, не только в активно функционирующих компонентах жизнеобеспечивающей сферы (по членению культуры Ю. И. Мкртумяна)², но и в нефункциональных (нефункциональных), слабофункциональных или долговечных элементах материальной культуры.

На современном этапе развития в советской этнографии признано, что «особое значение приобретает фиксация этнографами еще сохранившихся традиционных компонентов культуры. Это тем

¹ Наиболее значительные из них: *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960; *Ее же.* Кумыки. Историко-этногр. исслед. М.: Изд-во АН СССР, 1961; *Ее же.* Материальная культура ногайцев в XIX—нач. XX в. М.: Наука, 1976; *Ее же.* Одежда народов Дагестана. XIX—нач. XX в. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит. 1981; *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; *Ихлов М. М.* Народности лезгинской группы: Этногр. исслед. прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967; *Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин XIX—нач. XX в. М.: Наука, 1978; *Булатова А. Г.* Лакцы (XIX—нач. XX вв.) Историко-этногр. очерки. Махачкала, 1971 и др.

² *Мкртумян Ю. И.* Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1979. С. 42—46; *Арутюнов С. А.* Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры М.: Наука, 1985. С. 32—33.

140210

более необходимо, что в условиях НТР исчезновение многих из них приобретает лавинообразный характер»³.

Другая сторона дробного, конкретного исследования заключается в том, что оно позволит проследить специфические, свойственные небольшим этническим единицам или районам особенности материальной культуры, своеобразие их этнокультурного развития, проследить более четко вопросы конвергентного развития элементов культуры, с одной стороны, и степень этнических взаимодействий и взаимовлияний — с другой. Думается, что подобная конкретика будет бесполезной и для общих вопросов дагестанской этнографии, для обобщающих разработок и исследований по истории культуры Дагестана.

В отдельных случаях наши исследования являются и возвращением к уже изученному, описанному, но уже на новой основе, с привлечением и учетом новых материалов, последних достижений советской этнографической науки — это как бы попытка новых поисков и обобщений на новой источниковой, теоретической и методологической основе.

В частности, подобной попыткой является статья «Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии)», в которой уточняется и пересматривается типология дагестанских поселений XIX в., более четко разграничиваются виды поселений (результат анализа типа расселения — «материального оформления» общественного строя в местных условиях»⁴ и типов поселений, отражающих социально-экономическую природу, общественно-политическое содержание (суть) поселений.

Рассмотрению одноплановых вопросов соотношения поселения и сельской общины, с одной стороны, и поселения и тухума — с другой в районах Южного Дагестана посвящены статьи Б. Р. Рагимовой («Поселения и сельская община самурских лезгин в конце XVIII—XIX вв.») и С. А. Азизова («Территориальная локализация и экономическая организация южнодагестанского тухума в середине XIX—нач. XX вв.») Правда, можно было бы более обстоятельно и на большем материале осветить позицию община—поселение (Б. Р. Рагимова), в отношении же тухума — напротив, С. А. Азизов допускает известное преувеличение патронимического характера поселений, а в самом характере патронимии — ее родовых, большесемейных черт, в частности преувеличение экономической общности тухума.

Статьи Г. А. Гаджиева («Поселения чамалалов в XIX—XX вв.») и Б. М. Алимовой («Из истории поселения ботлихцев в XIX—нач. XX в.») ставят на новом материале более широкий круг вопросов истории и этнографии поселений (расселение, отчасти тип, форма поселения), но в применении к более узкому этническому феномену. Статье Г. А. Гаджиева можно было бы пожелать боль-

шей четкости и определенности, а Б. М. Алимовой — большей иллюстративности.

Оригинальный материал по сравнительно слабо исследованному компоненту материальной культуры представлен в статье Д. М. Магомедова «Оборонительные сооружения народов Юго-Западного Дагестана». Автор справедливо усматривает связь между особенностями общественно-политического развития района и развитием здесь оборонительных сооружений. И этой статье не помешала бы большая наглядность и документированность.

Статья А. И. Исламагомедова об отопительных и печных сооружениях представляет собой как бы новый, более высокий этап обобщения и систематизации новых материалов, накопившихся у автора за долгие годы полевых исследований. Статья насыщена материалом, который интерпретирован автором в динамике и в связи с эволюцией жилища и поселения.

Несколько статей сборника посвящены одежде, в них отражены в основном результаты изучения культуры малых народов Дагестана.

Особняком стоит среди них статья А. Г. Булатовой «Праздничная одежда народов горного Дагестана (XIX—нач. XX вв.)», представляющая собой одну из нечастых в дагестанской этнографии попыток описания специальных форм одежды (ритуальной, праздничной, детской и т. п.) и выявления истоков и закономерностей их развития.

Статьи С. А. Лугуева («Одежда дидойцев XIX—нач. XX вв.»), М. Ш. Ризахановой («Национальная одежда гунзибцев в XIX—нач. XX вв.») и М. К. Мусаевой («Одежда и украшения хваршинок в XIX—нач. XX вв.») объединяет и то, что они охватывают малые народы (это делает ценным их специфический местный материал) и то, что эти народы расположены в одном высокогорном районе (это дает возможность конвергентных сравнений), и то, что у них общее соседство с Грузией (это, в свою очередь, может дать материал об этнокультурных влияниях и взаимодействиях).

В целом в сборнике вводится в научный оборот много новых материалов, новых решений, и он явится определенным вкладом в дагестанскую, особенно конкретную этнографию.

³ Советская этнография в условиях перестройки // СЭ. 1987. № 4. С. 5.

⁴ Витов М. В. О классификации поселений // СЭ. 1953. № 3. С. 34.

ПОСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

(вопросы типологии)

Поселения, пожалуй, — один из наиболее изученных элементов материальной культуры народов Дагестана, хотя специальной монографии на исследуемую тему не имеется, перечень специальных статей (или разделов в книгах) довольно внушителен¹.

В общем-то представлялась решенной и проблема типологической классификации дагестанских поселений. Типологическая схема «селение—отселок», предложенная нами², была с определенными вариациями принята и другими исследователями (С. С. Агаширинова, А. И. Исламмагомедов, М. А. Агларов, А. Г. Булатова и др.).

Однако в процессе подготовки раздела «Поселения» историко-этнографического атласа народов Дагестана выявились определенные недочеты этой типологии.

Один из главных недостатков заключается, по нашему мнению, во-первых, в том, что четко не реализовано разграничение типа расселения и типа поселения. Во-вторых, в разработанной типологии не полностью соблюдено главное условие типологизации поселений — типы не представляют собой достаточно различающиеся социально-экономические разновидности поселений. И в-третьих,

¹ Основные из них: Калоев Б. А. Поселение и жилище агулов // КСИЭ. 1955. XXIII; Агаширинова С. С. Поселения лезгин в XIX—начале XX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1959. Т. 6; Ее же. Материальная культура лезгин во 2 половине XIX—начале XX в. М.: Наука, 1979; Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960; Ее же. Кумыки: Историко-этногр. исслед. М.: 1961; Ее же. Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX в. М.: Наука, 1976; Османов М. О. Поселения даргинцев в XIX—XX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1962. Т. X; Исламмагомедов А. И. Поселения аварцев в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. XII; Агларов М. А. Поселение и жилище андийской группы народов в XIX—начале XX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. XVI. Сер. обществ. наук; Сергеева Г. А. Арчинцы. М.: Наука, 1967; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев (в дальнейшем — Материальная культура даргинцев). Махачкала, 1967; Ихиллов М. М. Народности лезгинской группы: Этногр. исслед. прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; Булатова А. Г. Лакцы (XIX—нач. XX в.): Историко-этногр. очерки. Махачкала, 1971.

² Османов М. О. Указ. соч. С. 220—225.

при классификации (выделении) типов не соблюдено главное условие научной классификации, «необходимое требование типологизации», по выражению М. В. Крюкова, — «сохранение единого принципа деления для каждой классификационной задачи. Типология должна быть последовательно выдержана с точки зрения того признака, который в данном случае кладется исследователем в ее основу»³. В нашей же классификации это единство признака не было выдержано, более того, подобное требование и не ставилось во главу угла типологизации. Наша типология — формально-типологическая, типы в ней отличаются лишь исторически сложившимися наименованиями, отражающими этапы сложения поселений, которые далеко не всегда различались типологически и в социально-экономическом отношении (и «селение» и «отселок» во многих случаях представляли один типологический уровень, имели одно социально-экономическое лицо и содержание, и поэтому единственным критерием, их отличающим, оставался критерий «первородства» каждого из них, т. е. факт «вторичности», дочернего характера «отселка»).

Общезвестно, что поселение — тот элемент культуры, который обнаруживает наибольшую степень связи с социально-экономическим строем. Как говорит М. В. Витов, «поселение одно из материальных выражений социальной жизни»⁴. Социальная сторона поселений отражается прежде всего в типе расселения и типе поселения, материальная — в типе заселения и типе планировки (форме поселения). М. В. Витов отмечает, что тип поселения отражает его социально-экономическую природу, представленную определенными социально-экономическими разновидностями (напр., село, слобода, погост, хутор). Тип поселения, можно сказать, больше отражает формационное содержание объекта («производственные отношения и социальный строй являются основными факторами, определяющими характер поселений»⁵), а тип расселения — пространственно-материальное, или характер группировки поселений, степень взаимной сгруппированности на территории (напр., скученный, гнездовой, разбросанный).

В типе расселения исследователи подчеркивают его более вещный, материальный характер, связь с уровнем производительных сил, направлением хозяйства и даже с воздействием местных географических условий («тип расселения» — «материальное оформление» общественного строя в местных условиях)⁶. Подобных взглядов придерживается большинство исследователей:

³ Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ. 1986. № 3. С. 63.

⁴ Витов М. В. О классификации поселений // СЭ. 1953. № 3. С. 34.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // ТИЭ. М., 1956. Т. XXXI. С. 30, 33, 35, 37 и др.; Пименов В. В. К истории сложения типов поселения в Карелии // СЭ. 1964. № 2. С. 5, 7, 9, 12, 13, 17 и др.; Современные этнические процессы в СССР // Ред. Ю. В. Бромлей. М., 1975. С. 160—161.

Е. Э. Бломквист, В. В. Пименов и др.⁷, из кавказоведов — А. И. Робакидзе, В. П. Кобычев. А. И. Робакидзе под типом поселения подразумевает «уровень общественно-экономического развития»⁸. В работах А. И. Робакидзе и В. П. Кобычева в понятие типа поселения включено социально-экономическое, формационное содержание⁹.

В меньшей степени уделялось внимание разработке критериев типологии поселений, хотя можно отметить, что они намечены в работах М. В. Витова, А. И. Робакидзе, В. В. Пименова, В. П. Кобычева и др.¹⁰ Следует отметить также, что при отсутствии разработки системы критериев имеется, тем не менее, немало удачных разработок типологий применительно к поселениям отдельных регионов и народов¹¹.

В процессе работы над атласом Дагестана нам пришлось вплотную заняться этим вопросом, и предлагаемая статья в определенной степени отражает наши попытки разработать типологию поселений на базе сформулированных критериев.

В своих попытках формулировки комплекса критериев мы руководствовались имеющимися теоретическими разработками (М. В. Витов, М. В. Крюков и др.), конкретными типологиями отдельных народов, разработками и материалами дагестанских исследователей. При этом мы исходили из того, что процедура типологического исследования «заключается в выявлении сходств и различий явлений, формулировании критериев их сопоставления (дифференциальные переменные) и разделении множества на составляющие его компоненты»¹².

Приступая к описанию поселений, начнем, в соответствии с этнографической традицией, с «типа расселения».

Это целесообразно еще по той причине, что тип расселения как бы дает первоначально необходимые сведения, он более информативен, представляет собой как бы «введение» в поселение определенного народа или региона, района.

Тип расселения включает: 1) характер группирования (сгруппированности) отдельных поселений, плотность расселения региона (района), степень его скученности (в районе, но не в самом поселении) — скученность в расселении может сопровождаться свободной планировкой внутри поселения; 2) профиль хозяйства и землепользование: а) характер пользования земельным фондом общины, зависимость расселения от количественного и видового состава угодий и их расположения, от водных источников и их запасов; б) тип и направленность хозяйства; 3) структуру поселения: а) характер общины; б) поквартальное деление (кварталы, концы); в) фамильный (родовой, тухумный) состав кварталов (моно- и полигентильные); г) общественные места (кладбище, годекан, мечеть и др.).

Нетрудно заметить, что при дальнейшей характеристике поселения параметры подводят нас непосредственно к формационной оценке, в которой можно выделить: 1) социально-экономическую природу (характер) с включением форм землевладения и землепользования; 2) общественно-политический строй с включением структуры и характера аппарата власти и принуждения, т. е. это уже то, что относится исследователями к «типу поселения».

Исследовательский опыт (и результаты) советских этнографов, занимавшихся поселениями, в частности, М. В. Витова, В. В. Пименова, А. И. Робакидзе, В. П. Кобычева и др., показывает, что «тип расселения» и «тип поселения» крепко взаимосвязаны, представляют собой как бы разные, но переплетенные грани одной сущности (явления), и поэтому резкая граница между ними невозможна да и нежелательна.

Впрочем, перечень критериев (комплекс признаков) обоих «типов» представляет собой такое органическое единство, что мы можем говорить, по-видимому, о такой «типизации, целью которой, в отличие от классификации, является выработка представления об органическом единстве набора существенных признаков, образующих сущность вещи»¹³. Разумеется, при типизации следует иметь в виду и то, что явления, чтобы «быть типичными, должны обладать массой, быть не случайными и практически неизменными на определенном отрезке времени»¹⁴.

В то же время не будем забывать марксистско-ленинского положения о том, что в каждом явлении или системе помимо основных — функциональных — связей существуют еще генетические и трансформационные, отражающие факт сосуществования и взаимной связанности в явлении как элементов прошлого, так и элементов перехода к будущему»¹⁵.

⁷ Робакидзе А. И. Поселение как источник изучения общественного быта // VII МКАЭН. М., 1964. С. 2.

⁸ Кобычев В. П., Робакидзе А. И. Основы типологии и картографирования жилищ народов Кавказа // СЭ. 1967. № 2; Их же. Список карт по разделу «Поселение и жилище» Кавказского историко-этнографического атласа.

⁹ Витов М. В. О классификации поселений; Его же. Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения // КСИЭ. М., 1958. XXIX; Робакидзе А. И. К вопросу о форме поселения в Сванети // Там же; Пименов В. В. Указ. соч.; Кобычев В. П. Типология кавказского народного жилища // VII МКАЭН. М., 1964; Кобычев В. П., Робакидзе А. И. Основы типологии и картографирования жилищ народов Кавказа; Кобычев В. П. Города, селения, жилище // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.

¹⁰ Пименов В. В. Указ. соч.; Робакидзе А. И. К вопросу о форме поселения в Сванети; Гаджиева С. Ш. Кумыки; Кобычев В. П. Крестьянское жилище народов Азербайджана // КЭС. М.; Л., 1962. Вып. III; Сергеева Г. А. Указ. соч.; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин...

¹¹ Кузнецов А. И. Симпозиум по типологии явлений культуры // СЭ. 1979. № 2. С. 155.

¹³ Тульчинский Г. А., Светлов В. А. Логико-семантические основания классификации // Типы в культуре: Методол. пробл. классификации, систематики и типологии в социально-ист. и антропол. науках. Л., 1979. С. 26.

¹⁴ Кузнецов А. И. Указ. соч. С. 156.

¹⁵ Барг М. А. Структурный анализ в историческом исследовании // Вопр. философии. 1964. № 10. С. 87.

Тип расселения

Характеризовался преимущественно скученностью. Крупные селения, нередко заключающие в себе всю этническую (или диалектную) группу, составляли преобладающий вид¹⁶ поселений, представленный и вполне определенным видовым названием — аул (селение)¹⁷.

Другим видом поселений, отражающим тип расселения, таким же вполне четким и определенным, существующим издревле и имеющим собственное видовое название, является хутор¹⁸. Правда, строго говоря, его нельзя назвать хутором в обычном понимании, однако более близкого к содержанию предмета и точного наименования мы не нашли¹⁹. К тому же своеобразные хозяйственные базы или пункты, первоначально сезонного характера, со временем приобретают черты хутора. И еще одно: в источниках и литературе по Дагестану, в том числе специальной этнографической, они получили определение именно хуторов²⁰. Учитывая все это, мы сочли возможным квалифицировать его в качестве отдельного вида, принимая во внимание то существенное обстоятельство, что он все-таки нес поселенческие функции — пусть на первых порах его образования и сезонного характера (были хутора и круглогодичного функционирования).

В типе расселения дагестанских народов существенное место занимает еще один вид, связанный с обоими названными нами, занимающий промежуточное положение между ними. Это обстоятельство породило некоторую неопределенность его положения и терминологическую нечеткость. У отдельных народов Дагестана даже не было термина для его обозначения (терминологически он

¹⁶ Разновидности поселений, выделяемые на основе изучения типа расселения, мы решили назвать условно «видами». Термин «тип» уже имеется в формулировке («тип расселения»), он имеется и в понятии, характеризующем другую сторону поселения («тип поселения»); поэтому термин «вид» представляется нам более целесообразным и удобным.

¹⁷ В дальнейшем мы считаем целесообразным придерживаться термина «аул», поскольку наименование «селение» употребляется и в отношении сельского поселения вообще и напоминает типовое русское название «село». Кроме того, термин «аул» получил прочное место в дагестанской литературе.

¹⁸ Во избежание ассоциаций с русским «хутором» мы как вид будем называть его местным термином, распространенным почти у всех дагестанских народов, а именно — *махви*.

¹⁹ В этнографической литературе, посвященной формам хозяйства, подобный вид нередко называют «параллельной хозяйственной базой». См.: *Шамиладзе В. М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979. С. 61, 87, 167 и др. Однако ввиду некоторой громоздкости формулировки и подчеркивания в ней хозяйственного назначения мы сочли ее не совсем подходящей для работы по поселениям.

²⁰ *Динник Н. Я.* Путешествие по Закатальскому округу и Дагестану // Изв. КОИРГО. 1911. Т. XXI. С. 642; *Иоселиани П.* Путевые заметки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862. С. 41; *Марков Е.* Очерки Кавказа: Картины кавказ. жизни природы и истории. СПб.; М., 1887. С. 452—454, 460; *Хашаев Х. О.* Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959. С. 50; *Сергеева Г. А.* Указ. соч. С. 76; Современные этнические процессы в СССР. С. 161.

не отделялся от хутора), у других он выделен четче. В литературе он получил название отселка, иногда выселка.

Теперь остановимся на характеристике каждого из видов и попытаемся обосновать на основе комплекса критериев адекватность этой классификации, а также распространенность (удельный вес) всех видов.

Аул (*росо* — авар., *ши* — дарг., *хьур* — лезг., *юрт кент* — кум., *шар* — лак., *кьул* — табас., *гьор* — агул., *мулхь* — рутул., *хив* — цах.). Первый признак аула — многодворность, многолюдность, отражающая большую степень скученности расселения. В любом районе, любом этносе аулы подавляюще превосходили остальные виды по количеству дворов, даже в тех случаях, когда они были в единственном числе. Так, например, в обществе Акуша в середине века был один аул и свыше 40 хуторов и отселков, но большая часть хозяйств сосредоточивалась в материнском селении — в Акуша. Нередко аулы являлись центрами «вольных» обществ, феодальных владений, занимали важные в стратегическом и торгово-экономическом отношении места. Несмотря на последствия многочисленных военных столкновений XVIII—XIX вв., разоривших и опустошивших многие поселения, в Дагестане было 130 аулов с населением, превышавшим 1000 человек, причем многие из них имели от двух до восьми тысяч жителей²¹. Многие наблюдатели отмечали, что дагестанцы «живут большими селениями», «большими аулами»²².

Образование аула как вида относится к XI—XIV вв. До этого преобладали небольшие поселения родственного характера (тухумные), характеризовавшиеся расположением на недоступных, высотных, неудобных для жизни и хозяйственной деятельности местах, близко к горным пастбищам, разбросанностью, развитым террасным земледелием. В XI—XIV вв. ослабление родовых (тухумных) отношений, изменение зональной хозяйственной специализации (когда в горах наметился крен к специализации на скотоводстве — с XIII—XIV вв.) и связанное с этим изменение структуры сельскохозяйственных угодий, соответственное перераспределение фондов угодий (в т. ч. по их назначению) повлекли разложение и угасание тухумных поселений и изменение типа расселения²³. Этот период с XI в. является одновременно и периодом

²¹ *Комаров А. В.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник стат. сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. I. С. 10—26; *Заикин Г. М.* Населенные места Дагестана. Темир-Хан-Шура, 1917.

²² *Гене Ф. И.* Сведения о горном Дагестане // ИГЭД. С. 346; *Байерн Ф.* О древних сооружениях на Кавказе // ССК. Тифлис, 1871. Т. I. С. 300; См. также: *А. З. (Зиссерман).* 10 лет на Кавказе // Современник. 1854. Т. 48. № 11. С. 35; Воспоминания о службе на Кавказе. Отрывок из записок офицера // Москвитянин. 1851. Ч. 1. Кн. 4. С. 500; *Кузнецов Н. И.* В делях Дагестана // Изв. ИРГО. 1913. Т. XLIX. Вып. I—III. С. 132.

²³ Подробнее об этом см.: Материальная культура даргинцев. С. 83—89; Материальная культура аварцев. С. 112—131 (и др. работы, указанные в сноске № 1); *Османов М. О.* Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // Учен. зап. Махачкала, 1970. Т. XX. (Сер. обществ. наук). С. 291—293, 295—297.

возникновения сельской территориальной общины, хотя на первых порах еще ощущаются следы родственного расселения, выразившиеся в ее территориально-родственном характере (аул делился на территориальные единицы — кварталы, концы, но заселялись они потухумно). Однако в целом здесь приложима характеристика, данная А. И. Робакидзе для горной Грузии XIII в.: принцип родственной принадлежности уже не играл организующей роли и вообще носил уже вторичный характер»²⁴.

Как всякая сельская община аул представляет собой прежде всего известное территориальное единство со строгой определенностью назначения угодий и их регламентацией. Соседские (территориальные) связи аула охватывают связи социально-экономические, общественно-политические (управленческие), общественно-бытовые, связанные с исполнением семейной, гражданской и религиозной обрядности, общественно-бытовых, культурных, просветительских нужд и др.

Все отношения регулируются обычным правом (отчасти шариатом) и носят организованный, упорядоченный, регламентированный характер. Аул имеет свои органы власти и управления, которые в первоначальном виде, генетически (не «превращенные»²⁵) являются выборными и демократическими²⁶.

Таким образом, обязательным признаком аула является наличие крепкой сельской территориальной общины. В ауле с такой полнокровной общественной жизнью большое место должны были занимать общественные места. Прежде всего это место сельского схода, затем *джума* (соборная)-*мечеть*, свойственная именно аулу (настолько, что может служить отличительным признаком для аула по сравнению с махьи и отселком).

Другой четкий признак аула — сельское кладбище; в «отселке» или «махьи» заводить кладбище не разрешалось, что связано возможно со стремлением «аула» гасить центробежные тенденции (что угрожало потерей людского, военного и экономического потенциала) привязыванием к могилам предков.

Таким образом, основной тип поселений Дагестана «аул» характеризуют в первой половине XIX в. многодворность, отражающая скученность расселения; полный суверенитет над всем фондом общин для общества земельных угодий; крепкая сельская территориальная община (генетически с XI—XIV в. территориально-родственная), делящаяся на кварталы с пережитками родственного расселения, обязательное наличие места сельского схода, ис-

²⁴ Робакидзе А. И. К вопросу о форме поселения в Сванети. С. 57.

²⁵ О «превращенных» общественных формах см.: Лащук Л. П. Введение в историческую социологию. М.: Изд-во МГУ, 1977. Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. С. 23—26.

²⁶ Об особенностях дагестанской общины см.: Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 42—48; 69—73, 115—142; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 225—237; Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—начале XIX в.: Сб. статей. Махачкала, 1981.

ключительное право на обзаведение джума-мечетью и сельским кладбищем.

Махьи (хутор) (*мархью* — авар., *ая* — дарг.; *махьи* — авар., кум., лак., дарг., цах.; *михь*, *сувахулар* — агул.; *мехьи* — рутул.). Это — поселение, являющееся опорным пунктом для определенной хозяйственной микрзоны. Зарождаясь как хозяйственное поселение, оно в процессе хозяйственного освоения новых земель и роста населения становится при благоприятных условиях постоянным.

Г. А. Сергеева указывает, что махьи возникали «как правило, или на местах выпаса скота, или вблизи удобных земельных участков»²⁷.

В практике сущностное и терминологическое различие *махьи* и отселка незначительно. Одна из причин в том, что многие отселки в своем генезисе происходят от *махьи*.

Далее. Не существовало особых качественных различий между отселком, выросшим на иных основаниях (изгой, охрана земель, распад патриархальных семей и т. п.), и отселком, выросшим из хозяйственного хутора, не существовало резких переходов между ними, вчерашний хутор, сочетавший хозяйственные и частично поселенческие функции, мог перерасти в отселок, сохраняя еще свое видовое название.

Та невидимая граница, разделявшая хутор и отселок, была больше сущностной, качественной, чем формальной, лингвистически, терминологически оформленной. Различие заключалось в том, что отселок, в отличие от *махьи*, становится самостоятельной хозяйственной и общественной единицей.

Поэтому у многих народов в их обозначении наблюдается смешение (*кули* и *махьи* у аварцев, *махьи* и *ая* ударгинцев, один термин — *махьи* для хутора и отселка у цахуров и т. п.). Но и сквозь это смешение видно, что единый ряд трех видов (аул — *махьи* — отселок) существовал у всех народов Дагестана, правда, с меньшей определенностью малых видов. Менее четкой и устоявшейся выглядит терминология и сам ряд видов у кумыков, табасаранцев, лакцев, более — у аварцев, агулов, цахуров, даргинцев, лезгин, тиндалов и др.

Стаднало, с точки зрения социальной структуры, *махьи* в XIX в. — более точная структура, чем аул и отселок, ибо это чисто хозяйственное территориальное поселение, образованное выходцами из разных кварталов, тухумов, селений. Однако образование его прослеживается по меньшей мере со времени образования аула и одновременной зональной специализации хозяйства²⁸, а в качестве хозяйственной базы — еще раньше, практически со времени сложения производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства²⁹.

²⁷ Сергеева Г. А. Указ. соч. С. 74.

²⁸ Османов М. О. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана. С. 289—291.

²⁹ Гаджиев М. Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности в в средние века. М.: Наука, 1980. С. 12—13.

Поскольку в условиях зональной хозяйственной специализации необходимость внутрисельского отраслевого разделенного хозяйствования возникает постоянно, процесс образования *махьи* непрерывен. И в условиях ослабления общинных традиций, семейно-родственных отношений его поселенческая, морфологическая структура приобретает более поздний, современный характер. Не случайно именно *махьи* становится структурной основой сложившегося в конце XIX—начале XX в. в Дагестане полукапиталистического и капиталистического (кулацкого) хутора³⁰.

Далее, *махьи* отличается от отселка прежде всего тем, что это однодворное поселение, в отличие же от аула оно характеризуется разбросанным характером расселения³¹. Хутора одного аула бывают разбросаны фактически по всей территории общины, как на летних, так и на зимних угодьях. Население *махьи* не обладает никакими правами на земельные угодья, кроме как на собственный пахотный или покосный участок. Использование близлежащих угодий возможно только по общему распорядку и с санкции общины. Порою хозяин хутора даже не имеет полного права собственности на свои постройки, если они построены с разрешения общины на общественной земле (зимних пригревах); при неиспользовании им самим (если он там не живет) постройку может занять любой член общины.

Кроме того, здесь иной характер хозяйства: если в ауле преобладает тенденция использования всего комплекса угодий, в т. ч. разнородных, разнозональных (отгонные пастбища), то *махьи* — внутреннее хозяйство, стационар. Именно на хуторской системе базируется так называемое внутриальпийское горное скотоводство.

Далее, здесь нет никакой общины, каждый житель *махьи* — член общины аула со всеми вытекающими отсюда обязанностями

³⁰ Не случайно в наиболее быстро развивавшихся в пореформенный период в капиталистическом отношении двух равнинных участках Хасавюртовского округа (Хасавюртовском и Аксаевском), не отличавшихся до этого развитием хуторов, в 1886 г. было уже 56 хуторов капиталистического типа, в 1916 г. — 68 (к 1926 г. — 112). Характерно, что в этих участках в 1886 г. в то время как в среднем на одно хозяйство приходилось 7 дес. посевов и 5 голов крупного рогатого скота, в хуторах приходилось на хозяйство 36,7 дес. посевов и 9,9 гол. крупного рогатого скота, а в профилированных земельных хуторах — даже 100 дес. посевов и 12 гол. крупного рогатого скота. См.: Статистические таблицы населенных мест Терской области. Владикавказ, 1890. Т. II. Вып. I. Хасавюртовский округ. С. 6—53; Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г.: Терская область (Поселенные итоги). Владикавказ, 1919. С. 50—69; Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. по Дагестанской АССР. Махачкала, 1927. Вып. I. Список населенных мест Дагестанской АССР. С. XVII. Табл. № 2.

³¹ Конечно, в одном урочище могло быть несколько хуторов, могло быть и так, что к хутору одного хозяина подсеялось еще несколько дворов, но они не образовывали единой хозяйственной и поселенческой совокупности. Каждый из дворов хутора больше связан со своим хозяйством в ауле (или отселке), чем с хутором другого хозяина, расположенным рядом. Лишь став круглогодовыми, постоянными хуторами со своим комплексом земельных угодий и совместным севооборотом и выпасом скота, собравшиеся в одно место «однодворки» превращались в совокупность, одно поселение, обретали хозяйственно-поселенческое единство и из хуторов-однодворок превращались в один малодворный отселок.

(и правами). При этом община аула намеренно подчеркивала неполноту поселенческих функций хутора; так в отдельных обществах разжигание летом на хуторе огня (или света) категорически запрещалось и влекло строгие санкции.

Не было здесь, разумеется, и никакого места для сельского схода, как не было ни мечети, ни кладбища.

Отселок — (*кули* — авар., *махьи* — дарг., *казмаляр* — лезг., *отар*, *махьи* — кум., *маши* — лак., *сувахулар* — агул., *махьи* — цахур.).

Многие нити всевозможных связей пролегают между *махьи* и отселком, промежуточный между аулом и *махьи* вид поселения. Становление его как вида относится к XVII—XVIII вв. Отселок, даже выросший до размеров аула и более, отличается от него тем, что о нем известно, выходцами из какого аула он основан, а также связью с материнским селением рядом взаимоотношений хозяйственного и общественного характера, показывающих его определенную зависимость от этого селения.

Местная традиция, устная и письменная, называет в числе предпосылок образования отселков разрастание семей и необходимость расселения излишков населения для освоения новых угодий и охраны пограничных земель общин. Так, А. И. Алиев и З. А. Никольская пишут о разбросанных вокруг аулов выселках, «предназначенных для охраны земельных угодий основного селения» и получивших для себя «небольшой земельный надел»³².

Аналогичные высказывания с приведением конкретных примеров мы встречаем и у русских наблюдателей XIX в., и у современных исследователей, использующих местные рукописные источники³³. Более активен был этот процесс у аварцев (ср.: в XVII в. «в Аварии шел процесс образования выселков») и даргинцев (ср.: «в Даргинии в конце XVI в. существовали хутора-выселки»)³⁴.

Основные предпосылки (причины) образования отселков — развитие производительных сил, выразившееся в улучшении техники, методов и навыков хозяйствования, расширении запашки, увеличении и интенсификации овцеводства, росте сенокосов, в дальнейшей хозяйственной специализации по природно-экономическим зонам и отдельным обществам, в усилении торгово-экономических связей. Все это вызывало определенную перекройку расселения, образование новых поселений, захирение некоторых старых.

Процесс этот ускорился в связи с прогрессирующим распадом больших семей и общим увеличением народонаселения.

Относительно многолюдности отселок можно назвать малодвор-

³² Алиев А. И., Никольская З. А. Даргинцы // Народы Кавказа. М., 1955. I. С. 476. (Из серии «Народы мира. Этногр. очерки»).

³³ Комаров А. И. Указ. соч. С. 32; Хашаев Х. М., Саидов М.-С. Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957. С. 11.

³⁴ Айтберов Т. М. Недавно найденные адаты аварцев XVII в. // СЭ. 1978. № 6. С. 113, 116; Его же. Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 92.

ным, в отличие от однодворного махьи и многодворного аула. Вместе с совокупностью махьи одного или нескольких аулов отселки образуют разбросанный тип расселения, резко отличающийся от скученного аула.

Как указывалось выше, основной источник образования отселков — разросшиеся хутора. Русские наблюдатели, в частности А. Комаров, не раз указывают на это: «В местах особых удобств владельцы остаются на постоянное житье, но подчиняясь во всем управлению своего селения, до тех пор пока население хутора увеличилось до того, что строило у себя мечеть, выбирало старшин и картов и совершенно отделялось от коренного селения»³⁵. Но при этом «в большие праздники, во время уразы и по пятницам все мужчины обязаны собираться» в мечеть главного селения³⁶. Т. о. по Комарову «отселки — это хутора, на которых уже постоянно живут, но еще не отделившиеся от своих селений»³⁷. Тем самым он поставил довольно четкую границу между хутором и отселком, между последним и аулом.

Промежуточное положение отселка сказывается и в пользовании угодьями. Имея свои пахотные участки, он не всегда обладал покосами или пастбищами и пользовался ими из общего фонда общины наравне с жителями аула. В этом особенность отселка: хутор не оторван от аула, его угодья те, что есть у аула, сам аул сюзерен всех наличных угодий общества, а вот отселку не всегда удавалось получить долю общесельских угодий, особенно когда их у аула немного. Поэтому некоторые из них, отделившись от аула и приобретя статус самостоятельности, оказывались слабо обеспеченными теми или иными видами угодий. Отсюда и особенности профиля их хозяйства — земледелие, садоводство, промыслы, отгонное овцеводство.

Поэтому вопрос людности, роста числа дворов был более дифференцированным, зависимым конкретно от целого ряда факторов, в том числе таких, как возможность приращения угодий, взаимоотношения с материнским селением, резервы водного источника и др.

Поселенческая структура отселка значительно отличается от структуры аула. Поскольку они были опорными пунктами освоения земель, в их сложении и развитии большую роль играли хозяйственная и промысловая специализация, нежели тухумно-родственные связи. Сказывались и общие закономерности времени их генезиса и развития (XVII—XIX вв.), выражавшиеся в усилении значения хозяйственных и общественных факторов и падении тухумных, родственных. Частными проявлениями их являлись: распад больших семей, ослабление роли тухумов в жизни общины, хозяйственное происхождение кварталов (связывание квартального деления с удобностью для хозяйствования в общине).

³⁵ Комаров А. И. Указ. соч. С. 29—30.

³⁶ Там же. С. 72—73.

³⁷ Там же. С. 30.

Поэтому отселок являлся не территориально-родственным поселением (ввиду слабости родственных начал в генезисе и развитии), а территориальным, с разделением на соседские кварталы, с некоторыми несущественными признаками родственного расселения.

Учитывая особенности его общины, полноту прав и функций, неполные права землевладения, целесообразнее общину отселка именовать субобщиной, входящей в материнскую общину на правах квартальной общины.

По отношению к хутору поэтому еще одним различительным признаком отселка можно считать становление в нем общины, независимой в своих внутренних (хозяйственных и др.) делах от материнской (во внешних, и отчасти сюзеренных, главенство может остаться за материнским селением, особенно если оно является и центром союза обществ).

Общественные места отселка — также надежный отличительный признак. Сельского схода (и соответственно места его) не было, но стихийные сходы, обсуждавшие вопросы хозяйствования, были. В пору отделения от аула они становились регулярными, происходило своеобразное «митингование».

Есть в отселке и мечеть, даже по несколько в больших поселениях, но соборной мечети нет — не положена.

Как указывает А. Комаров относительно Куядинского общества, «кадий, сельское управление и главная мечеть, в которую должны по пятницам собираться жители со всех отселков, находятся в Куяде, которая поэтому и называется роса, т. е. селение».

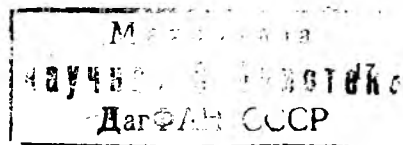
Кладбище отселку также не положено. По словам А. Комарова, «отселки, весьма значительные по числу дворов и имевшие по нескольку мечетей, не имели права хоронить мертвых иначе, как на кладбище главного селения»³⁸.

Т. п., признаками отселка являются: малодворность, разбросанное расселение (с элементами скученности), субобщина с ограниченными правами, определенная ограниченность земельных угодий, наличие мечети, отсутствие общего сельского схода, джума-мечети и кладбища.

Таковы три вида поселений, отражающих тип расселения народов Дагестана в первой половине XIX в. Однако для полноты и четкости представления о них необходимо, по видимому, охарактеризовать и картину распространения выявленных видов.

Распространение видов поселений. У всех народов Дагестана были представлены все три вида поселений, однако степень бытования их в разных районах неодинакова. Наиболее универсальный вид, представленный по всему Дагестану, охватывающий основную массу населения и земельных угодий, выступающий как средоточие не только основной массы земли и хозяйства, но и управления, политической власти, регулирования общественного быта — это аул. Можно найти отдельные общества без хуторов или отселков, но без аула — невозможно. Поэтому для определения группиров-

³⁸ Комаров А. Указ. соч. С. 55, 13.

ки поселений в отдельном районе, плотности расселения, скученности есть смысл рассматривать бытование видов поселений в комплексе, совокупности — аул, махьи, отселок, ибо каждый из них олицетворяет отличающийся тип группировки — скученный, разбросанный и слабо (относительно) разбросанный. Как говорилось, при генезисе аула расселение заключалось в сгруппировании, «скучивании» малых поселений в большие, процесс же образования махьи и отселков представлял собой обратное рассеивание, но уже под эгидой аула, в форме системы хуторов и отселков аула.

Необходимость комплексного рассмотрения диктуется имеющимся у нас статистическим материалом: в источниках хозяйства (дворы) отселков и *махьи* нередко приводятся в составе аула, под эгидой которого они состоят. Так, по источнику вслед за Темир-Хан-Шуриным округом почти вровень с ним по многодворности поселений идет Даргинский округ, но в первом было только 7 хуторов и отселков, а во втором — 189, и все дворы этих 189 поселений отнесены к аулам-патронам³⁹. Т. о. интенсивность образования хуторов и отселков определяет степень скученности или разбросанности расселения. После Даргинского по интенсивности идет Гунибский округ — 57 хуторов и отселков, затем Андийский — 46, Кайтаго-Табасаранский — 20, Казикумухский — 19, Аварский — 17, Самурский — 8, Кюринский — 6⁴⁰. Отметим, что картина эта далеко не полная, малых поселений было намного больше. Однако это не устраняет того обстоятельства, что подобное «распределение» хуторов и отселков должно было иметь свои предпосылки и закономерности. Отметим, что в лесных районах расселение более разбросанное, но аульное, процесс образования хуторов и отселков слабо развит (Кара-Кайтагский, частично Нижне-Кайтагский участки Кайтаго-Табасаранского округа, Дидойский — Андийского, Южно-Табасаранский — Кюринского и др.). Немалую роль в этом процессе играла профилированность хозяйства. Так, оказалось, что несмотря на связь генезиса хутора с животноводческой постройкой, сеть хуторов получила наибольшее развитие в районах с комплексным земледельческо-скотоводческим (или скотоводческо-земледельческим) хозяйством с большим удельным весом стационарного скотоводческого хозяйства, с зимним содержанием скота в собственной округе на комплексных хуторах. В районах же с развитым отгонным скотоводством, особенно трансюманса, хутора и отселки не получили особого развития (Самурский округ, Бохнадальский, Тлейсерухский участки Гунибского округа, Дидойский — Андийского, Курахский — Кюринского округов).

Важную роль в особенностях образования хуторов и отселков играли социальные факторы, в частности формы землевладения и землепользования. Например, на равнине передель общинных земель служили препятствием для образования комплексных хуто-

ров, «уходу на свой мулык», как выражались в горах (это практиковалось на феодальных землях, особенно в засулакской Кумынии, и здесь были поселения, выросшие из таких хуторов, но немногие). Наиболее развито было образование хуторов и отселков в обществах, не знавших ханской власти. С другой стороны, этот процесс незначителен на землях феодальных владений.

Наиболее развитую сеть хуторов и отселков имели бывшие независимые союзы обществ даргинцев — Акуша, Цудахар, Мекеги, Каба-Дарго, Сирха (Даргинский округ), центральной Аварии (без ханства) — Батлукский, Гидатлинский, Андалалский, Куядинский участки; андийцев (Каратинский, Тиндинский участки), западных аварцев — Анцухо-Капучинский участок. Слабо развита была система хуторов в Кайтагском удмийстве (Кайтаго-Табасаранский округ), Кюринском и Казикумухском ханствах, у агулов, рутульцев (Кюринский, Казикумухский округа, Ихрекский участок).

Таким образом, особенности расселения в Дагестане в первой половине XIX в. выразились в развитии трех видов поселений — аул, махьи, отселок. В основу этой классификации легли признаки, выделяемые на базе совокупности критериев социального и бытового порядка: характер группировки поселений; особенности землевладения и землепользования; профиль хозяйства; структура поселения (характер общины, структурное деление, общественные места).

В распространенности основных видов главную роль играли направление и характер хозяйствования района, особенности экологии, социальные факторы. Вариативность типа расселения от скученного до разбросанного определялась распространенностью в каждой местности совокупности всех трех видов поселений, причем ввиду всеобщей распространенности аула плотность расселения обуславливалась развитостью системы хуторов и отселков.

Рассмотрим тип поселения.

Тип поселения (типы поселений)

Выше мы говорили, что второй аспект социальной стороны (сущности) поселений отражают их типы. Как указывалось, типы передают главным образом формационное содержание объекта, хотя, впрочем, следует отметить тесную состыкованность обоих аспектов поселений (тип расселения и тип поселения) и их взаимопрошкимость, взаимозаменяемость в характеристике социальных параметров поселений. Это станет более очевидным, если мы вспомним содержание типа поселения: 1) социально-экономическая природа (характер) с формами землевладения; 2) общественно-политическое положение с акцентом на характер власти и аппарат принуждения, формы политического состояния, зависимости (или независимости).

При изучении видов расселения (аул, махьи, отселок) мы видели, что их невозможно различать или классифицировать в фор-

³⁹ Комаров А. Указ. соч. С. 6—26.

⁴⁰ Там же. С. 6—26, 28—50, 52—80; 84—123.

мационном отношении, они образуют в целом социально однородные совокупности (происходят один от другого, находятся один в составе другого, располагаются на территории одного политического объединения, образуют единый хозяйственно-экономический организм), и поэтому рассмотрение их социально-экономической природы и общественно-политического состояния должно происходить по совокупностям, объединенным в рамках определенной территории или политического образования.

В дагестанской историографии признано положение, что в XVIII—XIX вв. (и ранее) в Дагестане «ведущее место занимали феодальные отношения, опутанные пержитками родоплеменного строя»⁴¹. Правда, сходясь во мнении относительно того, что «в Дагестане в целом господствовали патриархально-феодальные отношения»⁴², историки отмечают «различия в степени зрелости этих отношений» в разных районах»⁴³. Но авторы в общем единодушны в том, что «в горной части Дагестана преобладают феодальные отношения, переплетавшиеся с пережитками патриархально-родовых отношений... а на равнине Дагестана — развитые феодальные отношения»⁴⁴. Вместе с тем мы склонны вслед за Р. М. Магомедовым, Л. И. Лавровым, В. Г. Гаджиевым и др. считать, что в Горном Дагестане следует различать социально-экономический строй ханств, зависимых союзов обществ и независимых союзов («вольных»).

Исходя из этого можно, на наш взгляд, выделить три ступени (уровня) развития феодальных отношений в разных районах Дагестана XVIII—XIX вв., непосредственным образом отражающиеся и на классификации социально-экономической природы дагестанских поселений: 1) раннефеодальное: поселения независимых «вольных» союзов обществ; 2) феодально-патриархальное: поселения зависимых союзов и часть поселений горных ханств; 3) феодальное: поселения феодальных владений. Один из главных критериев в этом делении — формы землевладения. В «вольных» обществах — неограниченный суверенитет общин на всю исторически сложившуюся территорию общества. Во второй группе (феодально-патриархальная) крестьянская мульковая собственность сочетается с феодальной на крупные массивы угодий, большей частью пастбищные и покосные. В третьей группе феодальная собственность преобладает, господствует.

Общественно-политическая характеристика обусловлена социально-экономическим содержанием: раннефеодальному типу соответствует свободное сельско-общинное поселение («вольных» обществ), независимое от феодалов, но со спонтанными процессами феодализации⁴⁵; феодально-патриархальному — сельско-об-

щинное поселение с определенными (иногда взаимообусловленными) формами зависимости поселения или союза обществ в целом от феодалов; феодальному же соответствует ханское (бекское) поселение, полностью зависящее от феодалов, с феодальными повинностями⁴⁶.

Эти три разновидности: раннефеодальное, сельско-общинное вольное, феодально-патриархальное, сельско-общинное, феодально-полузависимое, феодальное, ханское (бекское), зависимое поскольку они отражают социально-экономическую природу и общественно-политическое состояние поселений, могут быть определены как типы поселений.

Соотношение видов и типов поселений выглядит так: в пределах района или политического образования один тип поселения охватывает все три вида поселений, так как у всех них (аул, махьи, отселок) единые социально-экономическая сущность и политическое состояние. Однако тип поселения может влиять на сложение определенного типа (вида) расселения. Так, в районах господства типов зависимых и полузависимых слабо распространен разбросанный тип расселения (виды махьи и отселки). И с другой стороны, один и тот же вид поселений в зависимости от своего расположения (в независимых союзах или ханствах) может входить в разные типы поселений — вольный, полузависимый, зависимый (напр., аул Цудахар с совокупностью своих махьи и отселков — раннефеодальный, аул Рича — феодально-патриархальный, аул Кадар — феодальный).

Остановимся на районном распространении типов поселений.

К первому типу (раннефеодальный, сельско-общинный, независимый) относилась большая часть поселений нагорной Аварии и Даргинии, входивших в состав «вольных» обществ, подобных Андалальскому, Анцухскому, Тлейсерухскому (Гунибский округ), Акушинскому, Цудахарскому, Мекегинскому (Даргинский округ), часть поселений лезгин (союз Ахтыпара и др.) и т. д. При этом заметим, что многие «вольные» союзы прошли этап первоначального феодального развития и их последовавшее освобождение от феодалов и независимость были своеобразным результатом феодального раздробления⁴⁷.

Ко второму типу (феодально-патриархальный, сельско-общин-

классовой структурой. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 13—14. Сходное высказывание мы находим у В. Г. Гаджиева: «относительно независимые от посторонней власти раннефеодального типа сельские общины, объединенные в один союз вокруг крупного селения». См.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана. В XVIII—нач. XIX в. С. 25.

⁴⁶ В упомянутом нами выше «Списке карт по разделу «Поселение и жилище» В. П. Кобычева и А. И. Робакидзе предложен такой же принцип конструирования типов поселений: а) «сельско-общинные с элементами фамильно-родовых отношений, б) феодальные, в) капиталистического типа» (С. 1).

⁴⁷ Ср. у Л. И. Лаврова: «ряд «вольных» обществ» сперва подчинялся феодалам (своим или соседним), а затем при разных обстоятельствах освободился от их власти и учредил у себя демократические порядки». *Лавров Л. И.* Указ. соч. С. 14.

⁴¹ История Дагестана. В 4 т. М., 1968. Т. I. С. 316.

⁴² *Магомедов Р. М.* Указ. соч. С. 399.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. С. 128, 183.

⁴⁵ Л. И. Лавров так определяет «вольное общество»: «политически независимые союзы сельских общин — вольные общества — со слабо выраженной

ный, феодально-полузависимый) относится подавляющая часть поселений Дагестана: узденские селения Аварского, Казикумухского и Кюринского ханств (одноименные округа), уцмийства Кайтагского (Нижне-Кайтагский, Кара-Кайтагский участки), шамхальства Тарковского (Темир-Хан-Шуринский округ), значительная часть поселений союзов обществ Аварии (Куядинский союз, Салатавский, Каралальский и др.), большинство поселений лезгин, табасаранцев, агулов (Кюринский округ) и др. Зависимость в этом типе была самой разнообразной и многостепенной — от взаимообусловленных соглашений до прямых выплат, пахтовых сборов и свособразных поглачей. Сравнительно малочисленны поселения третьего типа (феодальный, зависимый). Для них характерна податная (нередко подворная) зависимость, сочетающаяся нередко с личной зависимостью вплоть до крепостного состояния. Сюда относятся и все так называемые райятские поселения, т. е. поселения лично зависимых крестьян. Естественно, они были в составе феодальных владений. Это, например, сс. Ках, Хиниб и др. в Аварском ханстве, Кадар, Халимбакаул и др. в шамхальстве, теркеменские селения в уцмийстве, Хосрех, Шара и др. в Казикумухском ханстве и т. д.

Таким образом, классификация поселений по социально-экономическому содержанию и общественно-политическому состоянию выявила в Дагестане первой половины XIX в. три типа поселений, имеющих общедагестанское распространение: 1) раннефеодальное, сельско-общинное, независимое («вольное»); 2) феодально-патриархальное, сельско-общинное, феодально-полузависимое; 3) феодальное, ханское (бекское) зависимое.

Названные типы обнаруживают как прагматические, так и причинно-следственные взаимосвязи и соотношения с видами поселений (аул, махьи, отселок), выявленных в результате исследования типа расселения.

Из последнего вытекает, среди прочих, вывод о необходимости взаимосвязанного исследования типа расселения (видов) и типа поселения (типов) для полноты изучения социально-экономического (формационного) содержания поселений.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЮЖНОДАГЕСТАНСКОГО ТУХУМА В СЕРЕДИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

В середине XIX—начале XX в. у лезгин, цахуров, рутульцев, табасаранцев и агулов в пределах соседских общин и селений преобладающим было общинно-квартильное расселение, однако здесь в пережиточной форме ещё сохранялись семейно-родственные (патронимические) кварталы¹. Такие кварталы (махалла, мехле, киче, уба) либо прямо носили патронимическое название (например, у лезгин или рутульцев), либо выделялись как-нибудь иначе, чаще всего по месту расположения — верхняя улица, нижняя улица (например, у цахуров).

Бывало, что в пределах одного и того же селения имели место оба принципа наименования кварталов. Так, в цахурском селении Мишлеш Рутульского района из трех его кварталов (уба) один — Калибымы-уба — назван по имени населявшего его тухума Калибымы, название другого — Тахайна-уба — населённого тухумом Хютбу, означает Нижний квартал, название третьего — Валимака, состоящего из членов патронимии Хамидер, — по имени местечка у реки Самур, на котором расположена эта часть селения.

В селении Цахур принцип наименования патронимических кварталов выдержан более четко: населявшие его семейно-родственные группы — Базер, Лулиар, Исакурур, Мусафурар и Крыалер — образовали кварталы Авгана, или Противоположный (патронимия Базер), Тахайна, или Нижний (патронимия Лулиар), и Алибно, или Верхний (патронимии Исакурур, Мусафурар и Крыалер).

Известные черты более тесного территориального единства ближайших родственников можно проследить и в пределах патронимических кварталов. Это естественным образом связано с иерархической структурой патронимической организации. Так, в названной патронимии селения Мишлеш — Калибымы выделяется несколько близкородственных групп: Джамаламу, Чиветваму, Кавхиваму, Панасаму. Их территориальная локализация зачастую ближе, чем территориальная локализация всей патронимии Калибымы.

¹ Данная статья основана главным образом на полевых материалах, собранных автором летом 1986 г. в селениях Южного Дагестана (Цахур, Мишлеш, Гельмец, Калаял, Джених, Койсун, Гдым, Фий, Куруш и др.), и только в небольшой степени пополнена литературными данными.

Дома одной патронимии не только тесно соседствовали в пределах одного квартала, но и часто сообщались между собой специальными проходами в стенах домов или перелазами в оградах усадеб. Такие проходы были особенно нужны в экстренных случаях, когда не было времени поспешить из дома в дом по улице. Подобные проходы в стенах домов, принадлежащих к одной патронимии, зафиксированы нами у лезгин, цахуров, рутульцев.

О территориальной локализации патронимий свидетельствует и наличие патронимических мест собраний — площадей (кум, хур). Так, в лезгинском селении Мискинджа имелось восемь площадей, на каждой из которых собирались члены определённой патронимии. Например, на Тамбулар-кум совещался тухум Караяр, на Шекар-хур — тухум Гылар, на Такасар-кум — тухумы Хартукар и Кситар, на какамар-кум — тухум Какамар, на Кандат-кум — тухум Бацар, на Месрияр-кум — тухум Каркарар, на Эхмедар-кум — тухум Эхмедар, на Уър-кум — тухум Зутурар. На Уър-кум совещалась и вся соседская община — джамаат. Патронимические площади есть и в лезгинских селениях Курах, Куруш и др. В селении Куруш эти площади назывались «ким».

У каждого тухума было также в селении свое кладбище (сурар) или место на кладбище, где хоронили только членов данной патронимии. У всех сколько-нибудь крупных патронимий была и своя мечеть с собственным муллой из числа патронимии, выучившимся в медресе на средства её членов.

Полевые материалы позволяют в какой-то степени проследить процесс территориальной делокализации патронимий. Некогда, если не все патронимии, то какая-то их часть, составляли особые поселения. Так, по преданиям, сохранившимся в памяти наших информаторов, все три тухума селения Мишлещ жили отдельными аулами. Затем посягательства цахурских беков на права и свободу тухумов заставили последних объединиться в одно поселение. Квартальное поселение патронимий хорошо фиксируется и полевой информацией, и его остатками, сохранившимися до наших дней. Однако лучше всего представлены сведения о дальнейшей делокализации патронимий, когда отдельные семьи и целые части патронимий переселялись на новые места в Дагестане и даже за его пределы, в частности в Азербайджан. Это объяснялось прежде всего сегментацией патронимий в результате их роста, малоземельем, не позволявшим заниматься дальше земледелием и скотоводством, а также насильственным изгнанием из селений за те или иные провинности. Так, в селении Мискинджа сохранились предания о прошлом происхождении ряда тухумов. О тухуме Караяр рассказывают, что 200 лет назад он жил в селении Усур; тухум Гылар пришел из селения Ухул, а тухум Зутурар — из селения Дустанр (Кусарский р-н АзССР). Члены этих тухумов сохранили связь со своими родственниками в этих селах. Членов тухума Бацар (Аха-алияр) в селении называют «яхулар», т. е. иноязычными. Предание гласит, что будто бы один человек со своей семьёй остановился в саду вблизи селения Мискинджа по-

обедать. Вблизи прогуливался мискинджинец. Увидев людей, он пригласил их в селение. Пришельцы остались в Мискинджа, и от них произошел тухум Бацар.

Многие жители цахурского селения Калял Рутульского р-на приблизительно 130 лет назад покинули свой аул из-за малоземелья. Однако впоследствии часть семей вернулась назад. За время своего странствия они побывали в Чародинском районе ДАССР, в Закатальском районе Азербайджана. В Закатальском районе есть селение Калял, которое образовали каляльцы Дагестана. Жители этих сел и сейчас поддерживают друг с другом родственные связи и отношения.

Как известно, одним из наказаний за убийство было изгнание общинный убийцы вместе с его семьёй из селения. В таких случаях изгнанная семья селилась, как правило, в соседнем районе, так как её тухум нередко продолжал поддерживать с ней хозяйственные и иные отношения. Однако ареал расселения членов тухума уже расширялся. В других случаях семьи, изгнанные из своего селения, теряли всякую связь с близкими и многие из них положили начало новым тухумам. Так, в лезгинском селении Гдым Ахтынского района тухум Цурухар был основан семьёй, изгнанной из селения Зрых за убийство одним из её членов односельчанина.

Вновь поселившиеся родственные группы не всегда имели те права, которыми пользовались коренные тухумы. Так, в селении Гдым семьи пришлых тухумов Газанар и Цурухар в отличие от других тухумов не имели пастибщных земель, так как община их не выделила. Мужчины этих патронимий не пользовались правом голоса на общесельских сходах. Но в подавляющем большинстве случаев местные и вновь поселившиеся тухумы пользовались равными правами и обязанностями.

Процесс делокализации тухумов продолжается в настоящее время, наиболее частой причиной расширения ареала проживания семей одного тухума является переселение из горных районов на равнину².

К середине XIX в. характер землевладения в Южном Дагестане не был единообразным. Земля могла принадлежать как отдельным семьям, так и соседской общине — джамаату; если же последняя состояла из нескольких патронимий, то и они в той или иной степени могли быть субъектом землевладения или землепользования. Разнообразие форм землевладения зависело и от того,

² Так, например, до 60-х годов XX в. тухум Мугалар в лезгинском селении Мака жил локализованно. Однако в начале 60-х годов семьи этого тухума переселились на равнину. Сейчас они проживают в нескольких селах. Это — Мака-Казмалар, Гарах, Койсун. Часть семей этого тухума переселилась в Азербайджан. В селении Койсун члены этого тухума занимают свою часть села, которая так и называется «макинская сторона».

Аналогичная картина наблюдается и у других народов Южного Дагестана. К примеру, у табасаранцев патронимия Этеги в селении Гюхряг имеет много родственников в селениях Мамедкала и Белиджи.

была ли это земля пахотная или пастбищная, использовалась ли она для выгона скота, для покосов, для посадки леса и т. д.

Земледелие в Южном Дагестане было развито очень давно; однако главенствующее место здесь занимало отгонное скотоводство. Отгонное скотоводство в большей степени, чем земледелие, способствовало сохранению патронимических связей в земледелии и землепользовании. М. О. Косвеню, видимо, правильно установлена общая закономерность: «когда патронимия составляла отдельные кварталы селения, владельцем всей обрабатываемой земли было селение, или соседская община, а кварталы-патронимии получали наделы, которые периодически переделывались...» и далее: «с течением времени коллективное владение землёй в пределах патронимии стало распадаться. Это, однако, коснулось сначала только пахотной земли, Она стала делиться по семьям»³.

Собранный нами полевой материал полностью подтверждает это положение.

В XIX—начале XX в., например, в цахурских селах встречались различные формы собственности на пахотную землю. В селении Цахур вся пахотная земля была поделена по семьям и передавалась по наследству. Пашни стоили очень дорого. Участки пашни продавали за такое количество овец, которое на них умещалось. Так же обстояло дело и в цахурских селениях Калял, Дженых, Сюют. В Каляле лучшие участки пахотной земли принадлежали семьям влиятельных тухумов.

В цахурском селении Мишлещ, где проживало три тухума, пашни распределялись по тухумам, а внутри них уже по семьям. Совет аксакалов тухумов никакого участия в распределении земель между семьями не принимал. Но так как земли было мало, встречались семьи, которые не получали земли. То есть семья 2—3 года могла иметь землю, а следующие 2—3 года она оставалась без неё.

Рутульцы, у которых скотоводство было более развито (селения Хнов, Ругул и др.), имели пахотные земли в личном владении. У лезгин, населявших плоскостную часть гор и предгорья и занимавшихся в основном земледелием, пашни принадлежали джамаату, который распределял их по тухумам (селение Мискинджа). У тех же лезгин, которые жили в горах и занимались в основном скотоводством, пахотные участки также либо были личными (селение Фий Ахтынского района), либо пахотное земледелие было настолько слабо развито, что об общинной форме (селение Гдым Ахтынского района) собственности на землю не могло быть и речи.

Пастбища, как правило, были владением джамаата. Джамаат распределял их либо между тухумами, либо между семьями, учитывая количество скота, которое они имели (селение Цахур). Различались пастбища для крупного рогатого скота и овец и пастбищные земли, где пасли лошадей для осенних работ (селение Цахур). Свободные от скота пастбища джамаат мог сдавать в аренду со-

седним сельским общинам (селение Мишлещ). В рутульском селении Хнов наряду с джамаатскими пастбищами имелись и пастбища, которые принадлежали богатым людям, имевшим большое количество овец (Гаджи-Кадир из тухума Убанейар имел до 5 тыс. голов мелкого рогатого скота, Гаджи-Аббас из тухума Гаджи-Аббасар — 2 тыс. голов скота). Этот пример ещё раз указывает на усиление классовой дифференциации в сельской общине.

Но в лезгинском селении Гдым наряду с джамаатскими существовали и тухумные пастбища. Однако не все тухумы селения имели свои пастбищные земли. Так, например, «пришлые» патронимии (тухум Цурухар) их не получали.

Сенокосы также, как правило, либо находились в коллективном владении джамаата, либо были собственностью отдельных семей. Однако в некоторых случаях джамаат делил покосы по патронимиям, а те, в свою очередь,— по семьям. Все же сенокосы, надеявшиеся по патронимиям, были очень редки.

В тех южнодагестанских селениях, где в хозяйстве преобладало скотоводство (цахурские селения Цахур и Мишлещ, рутульские селения Хнов и Ругул, лезгинские селения Фий и Гдым), владение сенокосными землями имело разные формы. Так, в селении Цахур о начале покоса объявлял совет общины. Все селение участвовало в заготовке сена. Затем это сено поровну распределялось между всеми семьями. В селении Мишлещ покосные земли принадлежали джамаату, но имелись два участка «Зерк» и «Гома», которые были поделены поровну между всеми семьями села и были их собственностью. В селении Гельмец покосы также принадлежали джамаату, однако, как уже отмечалось выше, участки, очищенные от камней отдельными лицами, принадлежали им лично, и джамаат этому не препятствовал.

Различные формы владения сенокосными землями в середине XIX—начале XX в. встречались также и в других местах Южного Дагестана. Так, у рутульцев селения Хнов сенокосы, лежащие близ села, принадлежали отдельным семьям, а более отдалённые — джамаату. По такому же принципу делились сенокосы у лезгин селений Смугул, Зрых, Койсун.

В селении Койсун нами зафиксирован такой обычай. Семьи тухума Мугулар, имеющие бычков, перегоняют их в селение Гарах к родственникам и сообща заготавливают для них на зиму сено. Затем один из представителей этого тухума всю зиму ухаживает за бычками вблизи селения Мака. Возможно, этот обычай указывает не только на то, что когда-то данная патронимия имела общие сенокосные земли у селения Мака.

Лесные угодья обычно находились в коллективной собственности сельского общества, но нередко и отдельных тухумов. Многое здесь зависело от того, был ли лес предназначен для хозяйственных нужд джамаата (строительство мостов, дамб и т. д.) или же использовался как топливный материал.

Так, в селении Цахур были лесные участки, которые принадлежали джамаату, и участки, принадлежавшие тухумам или их внут-

³ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 193.

реним подразделениям — ахалам. Последние носили патронимические названия. Базейшин-Чалаг (чалаг по-цахурски лес) принадлежал тухуму Базер, Джирееван-Чалаг — ахалу Джиреевар тухума Мусафурар, Алхасан-Чалаг — ахалу Алхасар тухума Лулиар, Сюнтюнал-Чалаг — ахалу Сюнтюнар тухума Мусафурар. Общесельский лес назывался Джамаатын-Чалаг. Те тухумы, которые не имели своих лесных угодий, с разрешения совета аксакалов пользовались джамаатским лесом. Участок леса по долине р. Атахай, использовавшийся для отопления, полностью принадлежал сельскому обществу. Заготавливать дрова на зиму и для приготовления пищи из этого леса можно было и без разрешения сельских властей. Иначе обстояло дело в селении Сюют, где весь лес принадлежал общине. Каждой семье разрешалось рубить в год один «кулач» древесины (4 м³). В селении Мишлещ лес также раньше принадлежал сельской общине, но позже частично перешел к отдельным лицам и стал носить их имена (роца Бакир, Лагинар и т. д.).

Мельницы в южнодагестанских селениях, как правило, принадлежали отдельным лицам и носили их имена. Но в известном смысле это были и «тухумные» мельницы. Так, в селении Мишлещ было 4 мельницы (яхо): мельница Ибрагимова из тухума Хамидер; мельницы Адильханова и Нучиева из тухума Калибымы; мельница Магомедалиева из тухума Хютбу. То же наблюдалось в селении Гельмец, где было шесть тухумов — Джибиляр, Бекъамадар, Каниер, Арабар, Индиваяр, Холагар — и шесть мельниц. Так же обстояло дело в других цахурских (селение Цахур) и лезгинских (селение Мискинджа) селениях. Каждая из мельниц находилась во владении представителя одного из тухумов. Каждый из тухумов села пользовался определённой мельницей. Можно предполагать, что представители каждого из тухумов некогда сообщали владели одной из мельниц. Места, где молотили зерно, назывались по цахурски «ата». Они принадлежали отдельным семьям, но имелись и «ата», которые являлись собственностью нескольких семей, таких коллективных собственников называли «зиары» (селение Гельмец).

Одну из важных черт экономического единства патронимии составляла хозяйственная взаимопомощь её семей. Она выражалась в помощи членов патронимии друг другу во время сельскохозяйственных работ (уборка урожая, заготовка сена, стрижка овец), в повседневной жизни, в быту. По поводу взаимопомощи М. О. Косвен писал: «Эта черта особо стойко сохранялась в быту всех народов Кавказа даже тогда, когда патронимия испытала уже глубокий распад. Взаимопомощь выражалась в том, что все семьи патронимии неукоснительно являлись на помощь тогда, когда одна из семей предпринимала какую-нибудь работу, для выполнения которой сил одной семьи было недостаточно, например, постройку или ремонт дома, работы, связанные с устройством семейного праздника, при крупных затратах по устройству свадьбы, похорон, поминок и т. д. Взаимопомощь распространя-

лась и на более широкую родственную группу, но тогда как дальние родственники помогали по желанию, помощь членов патронимии была обязательной или производилась в первую очередь»⁴.

Важно подчеркнуть, что помощь членов тухума друг другу была безвозмездной как в сельскохозяйственных работах, так и в быту. Но она, разумеется, требовала ответной помощи при сходных обстоятельствах, что, впрочем, не было обусловлено ни сроками, ни размерами такой помощи.

В чем же выражалась взаимопомощь во время сельскохозяйственных работ? Так, например, в селении Мака Докузпаринского района (ныне Магарамкентский район) перед началом сенокоса семьи тухума Мугулар договаривались о том, чей участок будут убирать первым. Мужчины этой патронимии, помогая друг другу, должны были поочередно убирать сено со своих участков. Та семья, чье сено убрали, должна была в этот день готовить пищу для помогавших, отнести еду в поле или пригласить их по окончании работы домой.

То же имело место во время уборки урожая с поля, сбора фруктов, выпаса скота, острига овец и т. д., когда за каждой из семей тухума был закреплён определённый день.

Такие обычаи существовали в Южном Дагестане повсеместно. У цахуров помощь членов патронимии — тухума была желательной, внутрпатронимической группы ближайших родственников — ахала — считалась обязательной. Семья, которая пуждалась в помощи, не сообщала об этом ахалу. Члены ахала должны были сами прийти на помощь. Если же работа была трудоемкой (стрижка овец) и с помощью только своего ахала семья не могла с ней справиться, тогда она просила помощи у тухума (селение Цахур). Тем, кто помогал, иногда дарили мелкие вещи, кисеты, мужские пояса и т. д., по окончании работы помогавших обязательно угощали (селение Гельмец). Бывали случаи, когда при стрижке овец или уборке урожая тухум обращался за помощью к другой, наиболее близкой по родству патронимии или же ко всему сельскому обществу (селение Сюют Рутульского района).

Обязательной была помощь всех семей патронимии во время крупных празднеств, например свадьбы. Семья, в которой должна была состояться свадьба, собирала всех родственников и совещалась с ними по поводу предстоящего распределения обязанностей. Собранным подавали ужин. Этот обряд в лезгинском селении Кура назывался «гъурушрин хапа»⁵.

Назначали лиц, которые должны были созывать гостей. Человка, приглашавшего гостей на свадьбу, лезгины называли «мусудом». Мусуд ездил на коне из села в село, чтобы пригласить гостей на свадьбу. Назначали лицо, которое должно было пригласить музыкантов. Выбирали поваров, назначали тамаду (шах).

У лезгин в прошлом свадьба длилась три дня. Средняя семья,

⁴ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. С. 199.

⁵ Хапа — каша, гъуруш, в данном случае название вида каши.

игравшая свадьбу, не имела возможности все три дня кормить всех приглашенных. Поэтому родственники в обязательном порядке оказывали материальную помощь. Они приносили с собой муку, рис, привозили баранов, то есть всё необходимое для свадьбы. С проникновением в быт денежных отношений патронимия стала помогать своим членам деньгами.

Обязательной была взаимопомощь всей патронимии и во время похорон. Большинство обязанностей, связанных с похоронами, возлагалось на наиболее близких родственников семьи умершего, далее — по мере близости родства.

Интересен обычай взаимопомощи, связанный с постройкой дома и другими бытовыми работами — «имаджи», зафиксированный нами в цахурских селениях (в селении Мишлещ, Гельмец и других). Рассчитывая на имаджи, семья, которая нуждалась в помощи, объявляла об этом своим близким родственникам, которые обязаны были ей помочь. По окончании работы резали барана, готовили праздничные блюда. Нередко имаджи проводили под под музыку и с национальными играми.

У цахуров ахалы одного тухума нередко оказывали друг другу помощь в повседневной жизни. Например, богатый ахал отдавал одну овцу из каждых сорока бедным ахалам, 2 квасли (5 пудов) зерна из каждых сорока квасли. Богатые семьи во время праздников дарили бедным семьям своего ахала «фетру» (подарок) — 4 кг зерна. Если бедных семей в ахале не было, то фетру отдавали родственному ахалу (селение Цахур). У лезгин, когда кто-нибудь резал корову, он должен был подарить по 2—3 кг мяса близким родственникам или бедным (обычай садака).

Этот и подобные обычаи, сохранившиеся у народов Южного Дагестана в рассматриваемое время, несомненно, свидетельствуют о значительных остатках экономического единства патронимии. Особого исследования заслуживает вопрос о том, в какой степени описанные явления и прежде всего обычаи взаимопомощи подверглись в это время классовой трансформации. Известно, что в патриархально-феодальном обществе древние народные обычаи взаимопомощи в той или иной мере использовались господствующими слоями в своих интересах, а с начавшимся развитием капиталистических отношений они нередко вуалировали кулацкую эксплуатацию. Но это — несколько особая тема, разработкой которой мы намерены заняться в дальнейшем.

Особого изучения требует и другая не затронутая здесь тема соотношения большесемейной и патронимической организаций. Несмотря на то, что в XIX в. тухумы, как правило, состояли из малых семей, ещё сохранялись большие семьи из трех—четырех поколений и супружеских пар. Сохранение таких семей объяснялось преобладанием полупатурального скотоводческо-земледельческого хозяйства, соединенного с домашними промыслами⁶.

⁶ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX—начала XX в. М., 1978, с. 122.

По широко распространенному в этнографическом кавказоведении мнению, патронимия не только возникла в результате сегментации большой семьи, но и определенное время оставалась её расширенным подобием. Авторы, придерживающиеся этой точки зрения, считают, что архаическая патронимия сохраняла общую собственность на землю, скот, сельскохозяйственный инвентарь, урожай и даже позднее в собственность отдельных семей переходила лишь часть собранного урожая. С этих позиций сохранение местами в XIX в. патронимического, пастбищного и покосного землевладения, коллективного выпаса скота, многообразной взаимопомощи — несомненные остатки былого экономического единства семей патронимии. Однако в последнее время высказана и другая точка зрения — о принципиальном экономическом сходстве патронимических и соседско-общинных отношений⁷.

Этот теоретически сложный вопрос также остается предметом нашего дальнейшего исследования на материалах народов Южного Дагестана.

⁷ См., например: Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX век. М., 1983. С. 97—98.

ПОСЕЛЕНИЯ И СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА САМУРСКИХ ЛЕЗГИН В КОНЦЕ XVIII—XIX в.

Самурские лезгины — одна из групп лезгинской народности — занимали среднее течение реки Самур и его притоков Ахтычай и Усучай. До 1839 г. самурские лезгины входили в состав сельских общин Ахты-пара, Докуз-пара, Алты-пара, а в 1839 г. они были включены в Самурский округ. Объединения типа союзов сельских общин в русской исторической литературе получили наименование «вольные общества». Основным принцип образования их — территориальный. Объединялись обычно сельские общества, близкорасположенные друг к другу.

Территория каждой сельской общины у самурских лезгин включала в себя поселение — одно или несколько — и расположенные вокруг сельскохозяйственные угодья. В непосредственной близости от поселения находились пашни и сады, затем шли покосы — общественные и частные, за покосами — присельские выгоны и далее — субальпийские пастбища. Такая модель не была обязательной для всех сельских обществ: в одних селениях не было садов, территория других — не простиралась на альпийскую зону¹. Но во всех случаях одним из непеременимых условий являлось то, что само селение располагалось на непригодном для обработки земли месте. Вследствие малоземелья, когда каждый клочок земли был на счету, строить старались на местах, не представлявших ценности с хозяйственной точки зрения.

Не менее важными факторами в выборе места поселения являлись оборонительный фактор, наличие поблизости воды, ориентация на солнечную сторону и близость к пахотным участкам².

¹ Структура и планировка сельскохозяйственной округи в сельских общинах рассмотрены М. А. Агларовым у аварцев. См.: Агларов М. А. Земледельческая округа «мегъ» в Аварии в XVIII—XIX вв. // Быт сельского населения Дагестана (XIX—нач. XX в.). Махачкала, 1981.

² См.: Агаширинова С. С. Поселения лезгин в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1959. Т. 6; Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960. С. 44—45; Османов М.-З. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1962. Т. 10; Исламгагомедов А. И. Поселения аварцев в XIX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 12; Агларов М. А. Поселение и жилище андийской группы народов в XIX—нач. XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. 16; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 75—83; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 96—111; Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 84—95.

Каждое сельское общество имело свои границы (сергьят), которыми оно отделялось от соседнего. В большинстве случаев разграничение происходило по горным грядам, урочищам, рекам. Границы хранились в памяти людей и передавались из поколения в поколение. Практически каждый член общины знал границы территории своего общества. Вот как, например, поверенные общества Храх обозначали границы местности «Чин», из-за которой у них имелся спор с Ялджугским обществом. «Эта местность, — говорится в официальном документе, — граничит с юга от белого камня, на дне ущелья Мугулах, вверх по склону хребта, выходящего на полянку до первой вершинки, и далее до аробной дороги; с востока границей служит аробная дорога; с запада — ущелье Мугулах, до соединения двух рек; с севера — от соединения двух рек вверх до скалистого хребта (остроконечной вершины), и далее до дороги и по самой дороге»³.

Иногда для обозначения границ устанавливались знаки: воздвигали каменные столбы или делали насыпи (къум пара), а перед этим рыли яму и закапывали туда немного древесного угля. Требованиям строжайшего соблюдения границ территории каждого сельского общества диктовалось условиями чрезвычайно уплотненной системы эксплуатации всех видов угодий, включая выпас скота на летних пастбищах⁴. Нарушение границ, даже произвольное, приводило к конфликту, дело доходило до столкновений. Характерно, что некоторые факты столкновений запечатлены даже в местной топонимике. В сел. Кака имеются пастбищные места со следующими названиями: «Итимар акахай гирве» (Проход, где смешались мужчины), «Итимар кыйи чин» (Место, где были убиты мужчины), «Тажум ягъа гирве» (Проход, где был убит Тажум). Убийство, совершенное именно при пограничных спорах за право владения, осталось в памяти народной как пограничная точка, служащая отдельным пунктом пределов владений спорящих сторон⁵.

Поселения в Самурской долине в исследуемый период делились на два основных типа — хуър (село) и къазмаяр, или казмаляры (отселок, хутор). Наиболее распространенным и основным типом являлось село, возникшее в глубокой древности. Многие из них образовались путем объединения мелких родственных поселений (Кара-Кюре, Мака, Зрых, Хрюг, Куруш)⁶.

Одним из самых крупных селений во всей Самурской долине было Ахты. Занимая выгодное географическое положение, Ахты на протяжении многих веков играл важную роль политического

³ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 96. Л. 3.

⁴ См.: Агларов М. А. Территории сельских обществ и их союзов Горного Дагестана в XIV—XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981.

⁵ РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 326 а. Л. 7.

⁶ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX—начала XX в. М., 1978. С. 117.

и культурного центра самурских лезгин. Наиболее раннее упоминание об Ахтах содержится в хронике «Ахты-наме». Из списка Десимона следует, что «Нуширван (Хосров I Ануширван.— Б. Р.), в бытность еще царевичем, проживал в Дербенте и, услышав много хорошего о минеральных водах близ Ахтов находящихся, отправил Шах Баны, двоюродного брата своего, с несколькими нукерами отыскать воды и испытать их. Получив же от Шах Баны одобрительные сведения об открытых им водах, отправил туда 60 семей из персов и 300 человек воинов, которые близ самих вод основали селение и устроили бани, наложив на пользующихся ими подать с тем, чтобы доход поступал в казну Нуширвана. Когда же последний стал шахом, почетные жители селения обратились к нему через Шах Баны с просьбой сложить с них подати. Нуширван удовлетворил их просьбу. После смерти Шах Баны селение, носящее его имя, перешло к его сыну Шах-Сану, который управлял им 12 лет»⁷.

Эти же сведения имеются в книге Бакиханова «Гюлистан-Ирам». Он пишет, что Шах-Бани (у Десимона — Шах Баны.— Б. Р.) был отправлен Нуширваном для постройки крепости на том месте, где теперь Ахты. Издержав 1500 золотых монет, он построил на горячих водах ахтынскую баню и назначил за купанье пошлину»⁸.

Вероятно, до прихода сюда Шах-Бани, здесь имелось поселение, с жителей которого и взымалась пошлина: не станет же Нуширван взимать ее со своих воинов и тех персов, которых отправил с Шах-Бани.

Наряду с Ахтами в хронике упоминаются и другие селения, в их числе Микрах и Кара-Кюре, также игравшие важную роль в политической жизни Самурской долины. О Микрахе, в частности, сказано, что хазары во время своего владычества в Ширване поселили одного из своих военачальников по имени Самсам с некоторым числом людей на том месте, где ныне находится селение Микрах. Помощником его был Эмир Кяги, уроженец Дамаска. На левом берегу Самура, напротив Кара-Кюре, они построили новый город — Тарса. Напротив Кара-Кюре вплоть до недавнего времени находилось одно из древнейших селений Дагестана — Гапцах. По преданию, основал его Камкам, брат Самсама, жившего в Микрахе⁹.

У самурских лезгин было сравнительно немного крупных сел. Среди них Ахты заметно выделялся своей величиной. По данным Ф. Ф. Симоновича, относящимся к 1796 г., в Ахтах насчитывалось 600 дворов¹⁰. Для сравнения отметим, что о других сравнительно крупных селениях Симонович приводит следующие данные: в сел.

Мискинджа — до 250 дворов, в Кара-Кюре — до 150 дворов¹¹. Население Ахтов постоянно росло. К 1832 году, по данным Ф. А. Шнитникова, там уже насчитывалось 800 дворов, в то время как в Мискинджа — 350, Кара-Кюре — 400, в Микрахе — 450, в Куруше — 350 дворов¹². Статистические данные из посемейных списков за 1886 г. свидетельствуют, что количество дворов в Ахтах достигло уже 1053 при численности населения 5834 человек, в сел. Мискинджа имелось 526 дворов на 2834 человек, в Кара-Кюре — 488 дворов на 3269 человек, в Микрахе — 542 двора на 3656 человек, в Куруше — 718 дворов на 4750 человек¹³. Это — наиболее крупные населенные пункты, в остальной же массе они были немногочисленными. Были такие селения, где количество дворов едва насчитывало несколько десятков. В сел. Хал, к примеру, имелось 74 двора на 455 человек, в Храхе — 63 двора на 367 человек, в Гра — 85 дворов на 472 человека, в Гдунге — 51 двор на 364 человека, в Усуре — 35 дворов на 273 человека¹⁴.

Вторым типом поселения у самурских лезгин были хутора — кязмаляр (казмаляры). Они возникали на определенном этапе развития и являлись следствием малоземелья и дальнейшего роста населения, что вызывало необходимость переселения из разросшихся селений на более свободные места.

Вначале эти хутора были методом поселения одной какой-нибудь семьи, члены которой селились на своих угодьях, порой находившихся достаточно далеко от селения. Затем они постепенно укрупнялись, превращались в отселки, во многом сохраняя связь с метрополией. Расширение этих новообразовавшихся поселений происходило, главным образом, за счет общинных земель, что, естественно, вызывало недовольство общины. На этой почве между ними нередко происходили столкновения.

Поселения хуторского типа являлись довольно распространенными в Дагестане. В Самурской долине казмаляры были не везде, а лишь там, где для этого имелись соответствующие условия. С. Асиятилов считает возникновение хуторов-отселков следствием значительного усиления в хозяйстве горцев Дагестана животноводческого направления и в доказательство приводит тот факт, что хутора-отселки наибольшее распространение получили в районах с преобладанием скотоводческого направления¹⁵. Такие хутора-отселки у самурских лезгин образовались вокруг селений Ахты, Микрах, Кара-Кюре, Мака и др. Жители их одинаково занимались и земледелием, и скотоводством.

Большинство хуторов имели лишь хозяйственное значение

¹¹ Там же.

¹² Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // История, география и этнография Дагестана. С. 330.

¹³ ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 5. Д. 52. Л. 20; Д. 55. Л. 54, 120, 436; Д. 52. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 52. Л. 869, 887; Д. 56. Л. 416; Д. 57. Л. 94, 610.

¹⁵ Асиятилов С. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в 19—нач. 20 вв. // Уч. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. 16. С. 352.

⁷ Десимон А. Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1939 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958. С. 364.

⁸ Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 35.

⁹ Полевой материал автора.—РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 305. Л. 4.

¹⁰ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. С. 150.

и связи с основным селением не теряли. У жителей хуторов, как правило, были свои дома и в селении. Заселяли такие хутора какое-нибудь одно семейство или патронимия, а то и несколько патронимий. В Миджахе, в местности Зангал, члены сихила Шамхалар основали хутор и жили там круглый год. В Мискинджа имелись сезонные хутора, принадлежавшие сихилам Аббасар и Агьмедар. В Кара-Кюре и Микрахе имелась целая группа таких хуторов — Марданамбур къазмаляр, Булутан къазмаляр, Бегамбур къазмаляр, Рагъав, Макъар ккал, Яран тул, Дуьштуь чур и др. (Кара-Кюре); Къавалар, Гандурар, Керимханар, Сеидгъасанарин, Чулавар, Агьалар (Микрах).

Со временем часть хуторов стала все больше отдаляться от основных селений и превратилась в самостоятельные поселения. Из хутора Сеидгасанова образовалось самостоятельное селение Микрах-казмаляр. На месте нынешнего селения Усучай находился хутор, принадлежавший селению Кара-Кюре. Из селения Мака выделились отселки Мака-казмаляр и Гарах, ставшие также самостоятельными селениями. У сел. Ялджуг имелся отселок Филиф Гюне. Рассказывают, что прежде это место занимали выходцы из азербайджанского селения Филиф, а после их ухода туда переселилось несколько ялджугских семей, основавших хутор, который называли Филиф Гюне (гуйне — солнечная сторона).

Целая группа селений образовалась вокруг Ахтов: Хкем, Гдунг, Гра, Хуля, Усур, Калук, Крукал. Как правило, основателями нового поселения были выходцы из какого-нибудь: сихила или квартала: Хуля, Хкем, Усур были основаны переселенцами из Базар мягъле (Базарный квартал), а Крукал — из Пелтюрского квартала Кузайской стороны. Рассказывают, что в прежние времена эта земля была отнята у Ялджуга. Переселенцы с Гюнейской стороны Ахтов основали селения Гра, Гдунг, Калук¹⁶. Вначале это были поселения хуторского типа, возникшие на местах летних пастбищ, которые разрастаясь, превращались в села, продолжая, однако, сохранять зависимость от своей метрополии. Ахтынцы считали даже кое-какъе земли этих селений своей территорией. Некоторые земли в конце XIX в. стали предметом особых споров бывших зависимых селений с ахтынцами. Кроме того, имелось немало участков, в основном пастбищных, которыми ахтынцы пользовались вместе с жителями этих селений. Гдунг и Ахты, к примеру, совместно пользовались пастбищной горой «Калук кам»¹⁷, общества селений Хуля и Ахты пользовались местностью «Нук»¹⁸. Территориальные притязания имели ахтынцы и к обществу селения Хкем¹⁹.

В высокогорных селениях процесс селообразования и выделения отселков имел некоторые особенности. Вследствие того, что у них

имелся недостаток земли, а рост численности населения принуждал к переселению части его, некоторые жители селений Фий, Храх, Балуджа, Филиздах, Ихир и другие переселились в середине XIX в. на южные склоны Главного Кавказского хребта, на территорию Азербайджана, и образовали там селения: Баш-Дашагиль, Агалух (Южный Фий), Карабулаг (Южная Маза), Мичих, Южная Балуджа, Южный Ихир, Южный Филиздах, Южный Храх²⁰. Несколько позже в Геокчайском уезде было образовано селение выходцами из Куруша в составе 10 дымов. Под поселение им были отведены арендуемые ими у казны лесные поляны «Курбан Эфенди» и «Молюкан юрты»²¹.

С давних пор лезгины высокогорных селений имели тесные экономические связи с северными районами Азербайджана. Целыми семьями отправлялись они туда на период зимней пастбы овец. Цель таких отходов заключалась не только в необходимости помощи чабанам и уходе за скотом, но и в возможности найти работу. Этот факт отмечался и в отчете начальника Самурского округа за 1897 г. «По существующему обычаю,— указывал он,— из нагорных селений округа ежегодно отправляются со стадами овец на зимние пастбища в соседние Кубинский, Нухинский уезды и в Елизаветпольскую губернию около 600 семейств так, что в зимние месяцы ежегодно отсутствуют 3000 душ обоого пола, т. е. почти половина населения округа»²². В таких селениях, как Фий, Гдым, Лыга-Пиркент, Филиздах, Храх, Ихир и др., в зимний период практически не осталось сколь-нибудь значительной работы, и многие в поисках заработков уходили на равнину. А в Куруше даже все сельское общество в полном составе уходило на зиму в Нухинский уезд²³. Некоторые семьи оседали в Азербайджане на постоянное жительство. Там возникали новые поселения, которые, тем не менее, продолжали еще длительное время сохранять связь с главным селением. «Они представляли, сказано в акте от 31 августа 1868 г. о селениях Северного и Южного склона Кавказского хребта, членов одних и тех же лезгинских обществ, их соединяют и единство происхождения, и тесное родство, и одни и те же обычаи, и один и тот же род занятий»²⁴. Некоторое время они составляли одно сельское общество, и до 1865 года пользование яйлагами на обоих склонах между ними было общее²⁵.

Теперь обратимся к непосредственной характеристике поселений, составлявших сельское общество. Сельская община, как мы уже отмечали, состояла из одного или нескольких поселений, включая отселки. Для большинства селений была характерна большая скученность и теснота, улицы имели сплошную застройку, отсутствовала четкая планировка. Однако при всем этом обяза-

²⁰ Феодалные отношения в Дагестане. XIX—нач. XX века. М., 1969. С. 146.

²¹ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 166.

²² Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

²³ Там же.

²⁴ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 142 з. Л. 110.

²⁵ Там же.

¹⁶ Полевой материал автора. — РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 336. Л. 28.

¹⁷ ЦГА ДАССР. Ф. 148. Оп. 3. Д. 6. Л. 6.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1.

¹⁹ Там же. Ф. 173. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

тельным элементом почти каждого села была небольшая площадь, на которой возвышалась главная аульная мечеть — джума-мечеть (пятничная). Здесь же у мечети, как правило, находилось место постоянных сборов и собраний — ким.

Традиционно каждое селение делилось на кварталы — мягъле, число которых колебалось от двух и более. В названиях кварталов отражены основные принципы расселения. В основном они были патронимическими, по имени патронимий, их населявших, и топографическими (территориальными). У самурских лезгин в исследуемый период территориальный принцип расселения преобладал над патронимическим, хотя случал, когда одна патронимия локализовалась в каком-нибудь одном квартале, были нередки. Почти в каждом селении кварталы с патронимическими названиями перемежались с кварталами, имевшими топографические названия. Приведем наиболее типичные у самурских лезгин примеры квартального деления. В сел. Хрюг имелись следующие кварталы: Вини мягъле (верхний квартал), Агъа мягъле (нижний квартал), Рагъманан мягъле, Бтлур мягъле. В сел. Ялак — Герги мягъле, Цулар мягъле, Сулар мягъле, Вини мягъле, Агъа мягъле. В сел. Миджах — Чугьур мягъле, Алчабурар, Юкъван мягъле (средний квартал). В Ахтах насчитывалось шесть кварталов: Ушьехъанар, Ергьиккар, Хъвасккар, Къуэлияр мягъле (Кулиарский), Пиуэльтуэяр мягъле (Пюльтюярский), Базар мягъле²⁶. Первые три квартала находились на Гюнейской стороне, а остальные — на Кузайской.

Ахты издавна делились на две части: «Гуэне пад» (солнечная сторона) и «Къуза пад» (тенева сторона). Границей между ними служила река Ахтычай. Местные жители считают, что первоначально была основана Гюнейская сторона — здесь жили коренные ахтынцы. Кузайская сторона была заселена значительно позднее и состояла из пришельцев. Ахтынцы разрешали пришлым из других мест людям на определенных условиях поселиться на своих землях. Пришельцы искали у ахтынцев защиты и покровительства. Из селений, переселившихся в Ахты, Л. В. Панек указывает на Цийи хуэр, жители которого постоянно подвергались нападениям из сел. Хнов²⁷. Ахтынцы разрешили им поселиться на Кузайской стороне при условии платы налога (харж) и выполнения бесплатно некоторых полевых работ²⁸. Квартал, в котором они поселились, стал называться Кулиарским. Жители Гюнейской стороны производили его название от слова «къул» — раб, а сами кулиарцы связывали со словом «къуэл» — пшеница, указывая тем самым на то, что у них было много пшеницы. В собственности 52 дворов, переселившихся из сел. Цийи хуэр в Ахты, продолжал оставаться

яйлах с лесом, там где прежде находилось их селение²⁹. Жители сел. Зрых неоднократно подвергались нападениям рутульцев. Несколько сихилов этого селения переселились, по преданию, под защиту Ахтов, на Кузайскую сторону в Пюльтюярский квартал³⁰.

Коренные ахтынцы, жившие на Гюнейской стороне, в течение длительного времени принуждали кузайцев платить дань. Рассказывают, что обязательство выплаты дани было высечено на стене одного дома; но однажды ночью, тайком, накрыв надпись войлоком, кузайцы сбили ее молотками. Л. И. Лавров писал, что в Ахтах сохранились следы куфической надписи, о которой говорили, что она фиксировала право жителей старейшего квартала взимать дань с жителей других, позже образовавшихся кварталов того же селения³¹.

Между гюнейцами и кузайцами имелось постоянное соперничество, которое выражалось в различных формах. Гюнейцы, например, старались не продавать своей земли кузайцам, а те, в свою очередь, — гюнейцам. Это соперничество нашло отражение и в фольклорном сюжете — в известной легенде об ахтынском богатыре Шарвели, который был родом с Кузайской стороны. Однажды гюнейцы решили испытать храбрость Шарвели и предложили ему перепрыгнуть через пропасть. На другой стороне они посыпали горох, смешав его с пылью. Шарвели не знал об этом, и когда он прыгнул, не смог удержаться и сорвался в пропасть³².

В Ахтах помимо основных крупных кварталов имелись небольшие, входившие в крупные, в их числе: Лаказ мягъле, Пецлар, Акъар. Лаказ мягъле находился на Гюнейской стороне и название свое (лак — навоз) получил от того, что прежде на том месте собиралось джамаатское стадо (нехир)³³.

В крупных селениях почти в каждом квартале имелись свои мечети (мисклин), а в Ахтах их было даже 16 вместе с главной — мечетью Абумюслима (Абумуэслиман мисклин)³⁴. В кварталах имелись и хозяйственные объекты (печи, хирманы, загоны для скота и т. п.). О праве владения квартальными хирманами в одном из адатов Самурского округа сказано следующее: «Если несколько человек владеют одним харманом (гумном), то никто из совладельцев не может отделить своей части для возведения на ней постройки, а только пользуется этим харманом для молотбы хлеба»³⁵. В некоторых кварталах были собственные святилища

²⁹ Феодальные отношения в Дагестане... С. 145.

³⁰ Панек Л. В. Указ. соч. С. 119.

³¹ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XX вв. М., 1968. Ч. 2. С. 14.

³² Магомедов Р. М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969. С. 71—72.

³³ Полевой материал автора.— РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 337. Л. 2.

³⁴ Бабаев Д. Селение Ахты // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17. Отд. 1. С. 143.

²⁶ Полевой материал автора.— РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 304. Л. 77, 104, 112, 119, 127, 145.

²⁷ Панек Л. В. Ахты, как экономический, политический и культурный центр лезгин Самурской долины // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2. Л. 119.

²⁸ Там же.

и святые места — пиры (п̄ир). Однако в большинстве своем пиры находились за пределами села.

Квартальное деление представлялось наиболее целесообразным и имело важное значение в экономической и общественной жизни сельской общины. В большинстве селений по квартальному признаку организовывались сельскохозяйственные работы, распределение сенокосов, водоснабжение, общественные работы, соседская взаимопомощь. От каждого квартала выбирались уполномоченные общины (векили). В крупных селениях типа Ахты квартальный принцип был не переменным при организации стад крупного рогатого скота, при проведении различных мероприятий семейного (свадьба, рождение ребенка, похороны и т. п.) и общесельского характера (праздники). Иначе говоря, квартал представлял собой как бы микрообщину со свойственными ей хозяйственными, административными и идеологическими функциями.

ПОСЕЛЕНИЯ ЧАМАЛАЛОВ В XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Чамалальское поселение можно характеризовать продуманной, целесообразной в условиях дефицита земли, пригодной для хозяйственных нужд застройкой жилых и хозяйственных помещений. В нем отразился опыт горцев в деле селостроения, накопленный поколениями чамалалов за многовековую историю¹. Изменение общественно-политической обстановки после вхождения края в состав России, относительно быстрое развитие сельского хозяйства и промыслов в связи с подключением к всероссийскому рынку, учащение контактов (и не только с народностями Дагестана) после наступления сравнительно мирного периода в истории края и ряд других причин заметно повлияли на характер чамалальских поселений.

В XIX—начале XX в. мы застаем на территории чамалалов поселения, которые первоначально возникли как моногенные, но в последующем, в силу ряда обстоятельств, разрослись и превратились в сравнительно большие многотухумные и многофамильные (полигенные) селения.

На характер поселений чамалалов наложили отпечаток прежде всего природно-климатические условия, а также наличие поблизости всего необходимого для нормального функционирования жизнедеятельности людей — водных источников, пастбищ для скота, участков, пригодных для возделывания сельскохозяйственных культур; учитывалась также неприступность поселения для неприятеля — фактор, который временами преобладал над другими, но ослабился со второй половины XIX в. повсеместно во всем Дагестане.

Чамалалы проживают в высокогорной зоне Дагестана, где преобладает влажный климат (выпадает в среднем 800 мм осадков). Селения расположены в основном на верхних склонах, в ущельях гор. Здесь суровый климат, обрывистые склоны гор, большая пересеченность местности. Чамалальские села труднодоступны, но зато

¹ Статья написана целиком на полевом материале, собранном автором в 1986—1987 гг. Чамалалы — малый народ андийской языковой группы, в наши дни консолидировавшийся с аварцами. Чамалалы проживают в 29 селениях (и хуторах) ДАССР (Цумадинский район) и в 8 селениях (включая хутора) ЧИАССР (Советский район). Численность их в 1869 г. составила 2418 чел., в 1985 г. — 7033 чел., в том числе 2075 в ЧИАССР, 4598 в ДАССР. Последние данные вычислены автором на основе материалов отдела статистики Цумадинского района и Кенхинского сельского совета народных депутатов Советского р-на ЧИАССР.

³⁵ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 538.

подступы и окраины приспособлены горцами к разведению мелкого рогатого скота, занятию земледелием и промыслами.

Типы их поселений, как и других народов, находятся в прямой зависимости от социально-экономических условий и географической среды, форм землевладения, землепользования и т. д.²

Для чамалальских селений XIX в. была характерна скученность, беспорядочность застройки; когда дома вплотную примыкали один к другому, уступами поднимаясь на холмы и горные склоны³. Улиц, в строгом смысле слова; в селениях не имелось. к отдельным домам вели узкие тропинки-проходы, являющиеся также оборонительными рубежами для отражения натиска врага.

Все селения чамалалов имели солнечную ориентацию, как правило, располагались на южных или юго-восточных склонах гор. Это было необходимым условием для максимального использования солнечного тепла в условиях высокогорья и дефицита топлива.

В XIX—начале XX в. встречаются два основных типа поселений у чамалалов: *гва* (селенне) и *авал*, или *микли гва* (хутор, отселок).

Для характеристики типов чамалальских поселений ценным источником является сведения А. Комарова, относящиеся ко второй половине XIX в., где есть подробный перечень чамалальских населенных пунктов с указанием дворов и количества населения в них. Это важный документ, по которому можно судить о структуре и размерах поселений. Поэтому, вероятно, будет небезынтересно ознакомиться с состоянием чамалальских сел, которое было зафиксировано А. Комаровым⁴.

Нижнее Гаквари (Акве гьикIа)	} 229 дворов вместе с 9 отселками	— 792 чел.
Верхнее Гаквари (Ака акве)		
Гигатли (Игьатли)		
Хадыри (Гади)	} 100 дворов	— 405 чел.
Гавутли		
Агвали (Агуали)	37 дворов	— 125 чел.
Ричаганих (Гинха)	49 дворов	— 188 чел.
Цумада (Сумач)	43 двора	— 144 чел.
Чадыри ⁵ (Чадири)	57 дворов	— 240 чел.
Канхи (Куанхи)	85 дворов	— 335 чел.

² Витов М. Н. О классификации поселений // СЭ. 1953. № 3; Бломквист Б. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. 1966. Т. XXXI; Буткевичус И. А., Терентьева Л. Н., Шлыгина Н. В. Крестьянские поселения Прибалтики // СЭ. 1966, № 1. С. 33.

³ Подобное положение зафиксировано и у других народов горного Дагестана и народов Северного Кавказа. См.: Кобычев В. П. Города, селения, жилища // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 92.

⁴ Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. I. Отд. 2. С. 43—44; см. также: Этногр. карта. 1871 г. С. 43—44.

⁵ В наши дни селение считается чеченским.

В этот список не вошли отдельные хутора-отселки (авал), подчиненные большим селам. К ним относятся Кочали от с. Нижнее Гаквари, Цумада Урух от с. Цумада, Гигатли Урух от с. Гигатли. Все они расположены на берегу р. Андийское Койсу, жители их считались выходцами соответствующих селений. Кроме того, чамалалы проживали в девяти отселках, расположенных вокруг главного чамалальского селения: Гаквари-Джегви, Гидач, Бицид, Мажбалд, Кожежбалд, Гаутли, Суйди, Гинха, Цидатли. Общее количество дворов во всех отселках составляло 60, т. е. в среднем на хутор приходилось немногим более 6 дворов.

Приведенные сведения говорят о гнездовом способе расселения в некоторых из чамалальских поселений. Большинство их — сравнительно малых размеров, за исключением селений Гигатли, Гадири, Нижнее Гаквари. Такое положение характерно вообще всем аварским и родственным им поселениям, расположенным в высокогорной зоне.

Причины малых размеров аварских высокогорных селений, в том числе чамалальских, достаточно полно выявлены А. И. Исламмагомедовым. Одной из них является первоначальное заселение поселений только родственными группами, на что указывает скученность построек с внутренними и внешними ходами между ними, позволяющими в случае опасности предупреждать друг друга, защищаться, а в случае необходимости быстро собираться всем вместе. Все поселения гва первоначально были только тухумными, разросшимися впоследствии.

Экономические причины возникновения поселений малых размеров зиждутся на географической неудобности местности их расположения, отсутствии пригодных к обработке земель, большей пересеченности местности бурными, труднопроходимыми реками⁶, в которые превращаются незаметные ручьи во время таяния снегов весной и в случае дождей. Прав М. О. Косвен, который утверждал, что «древние постоянные поселения были..., поселениями чисто родственными по своему составу, что размер патронимической группы, ее численность были достаточными или вполне соответствовали существующим условиям хозяйствования»⁷.

Сложение мелких поселений специалисты, исходя из наличия здесь могильников со специфическим инвентарем, относят к периоду раннего средневековья⁸.

Тухумные малые поселения чамалалов, как и у других народов Северного Кавказа, чем древнее, тем неудобнее располагались на горных скалах, тем больше высились в них сторожевые и оборонительные башни⁹.

⁶ Исламмагомедов А. И. Поселения // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. Гл. 2. С. 113.

⁷ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 104.

⁸ Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1962. Т. 2. С. 238—241.

⁹ Кобычев В. П. Указ. соч. С. 90—91; Его же. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982. С. 23—38.

В условиях Дагестана появление подобных поселений специалисты связывают с периодом первобытнообщинного строя и зарождения феодальных отношений, когда существовали огромное количество различных политических объединений, больших и малых, враждовавших между собой постоянно¹⁰, постоянная опасность вторжения внешних врагов¹¹. Действительно, на чамалальской земле сохранились следы былых столкновений различных сил. На-

Рис. 1. Селение Нижнее Гаквари

родная память сохранила их в фрагментарном виде. К сожалению, эти сведения еще не стали предметом изучения, хотя отдельные остатки башен, следы былого бытования поселений в других местах можно встретить повсеместно здесь.

В исследуемое время чамалальские селения гъа были территориально-соседскими общинами (полигенные), образованными путем слияния нескольких мелких поселений. Они сохранили следы средневековой тухумной заселенности. Почти в каждом населенном пункте чамалалов в это время уже имелось несколько родственных групп, но одна, живущая компактно в старой части селения, считалась древнее других. Определить время слияния нескольких тухумов в одно поселение представляется делом весьма трудным, но объединение их в одно «происходило, видимо,

¹⁰ Османов М. О. Поселения // Материальная культура даргинцев. Махачкал, 1967. Гл. 2. С. 77.

¹¹ Ахмедов Ш. М., Булатова А. Г., Исламмагомедов А. И. Агулы. Махачкала, 1975. С. 69.

вследствие их прежней политической, а иногда и хозяйственной связи»¹².

Чамалальское поселение гъа имеет неприкосновенное территориальное единство, в нем строго определено назначение угодий и их регламентация. Характерно наличие управления, постоянной сельской общины, общественное место лъе — место схода, соборная (пятничная) мечеть, сельское кладбище. Такой статус имели селения Верхнее и Нижнее Гаквари, Гигатли, Гадири, Кенхи, Ричаганих, Цумада. Главенствующее положение в них занимало селение Нижнее Гаквари. В социально-экономическом плане эти поселения относятся к феодально-патриархальным с наличием определенных (иногда взаимообусловленных) форм зависимости населения.

Рис. 2. Старый квартал селения Нижнее Гаквари

Эти селения образовались в результате слияния нескольких мелких поселений, поэтому они являются в исследуемое время территориально-тухумными. О слиянии более мелких близкорасположенных поселений в одно крупное свидетельствует наличие недалеко от последних развалин бывших поселений. Такое слияние происходило не сразу. Первоначально мелкие поселения враждовали из-за ограниченных земельных угодий, что влекло в последующем их взаимное ослабление, катализатором которого выступало внутриобщинное разложение патриархально-родовых отноше-

¹² Агларов М. А. Этнокультурные процессы в условиях множественности политических структур в Дагестане (до XX века) // СЭ. 1987, № 4. С. 55.

ний. Изменение условий в связи с необходимостью отражения притязаний соседних более сильных обществ привело к необходимости присоединения близкорасположенных, имеющих общие интересы поселений в одно большое, с которым неприятелю не легко было справиться. Это уже было сильное общество, на которое с опаской смотрели другие воинственно настроенные общества.

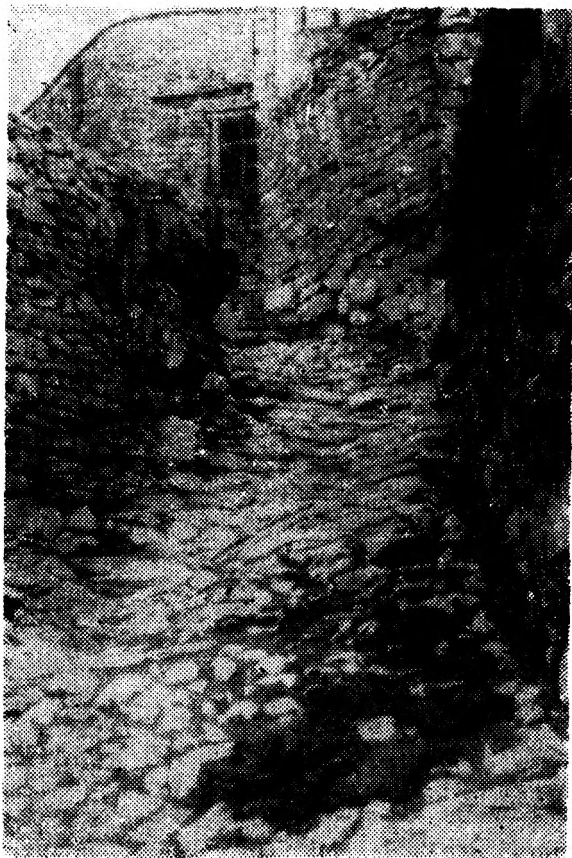

Рис. 3. Улица в старинном квартале в селении Верхнее Гаквари

Большое чамалальское селение гья состоит из нескольких кварталов и тухумов, каждый конкретный из которых состоит только из пришельцев, слившихся с ним малых тухумных поселений¹³. С их основанием у горцев связано множество преданий и легенд. Например, в предании об основании селения Нижнее Гаквари (ГьикIа акве — нижняя жатва) сказано, что его основал

¹³ Гаджиев Г. А. Материальная культура чамалов // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 661. Л. 14, 20—21, 22—23, 27—28 и др.

один из трех братьев, пришедших сюда из Ботлиха (по другим версиям они пришли из Черкесии, Грузии, Хунзаха) в поисках плодородного места. Само название селения ГьикIа акве говорит не только о наличии в числе их занятий земледелия, но и о древности земледельческого хозяйства. Аналогичное предание существует и о селении Верхнее Гаквари (Ака акве — верхняя жатва), якобы основанном вторым братом. Название селения Гигатли происходит от слова «Ичигани» (место вызова на помощь), Гадир — от слова «гьади» (селение), Цумада — от слова «цIум» (орел, якобы на этом месте до появления селения собирались орлы), Ричаганих — от слова «рича» — открытое и «гьани» — селение (открытое селение), разночтение этимологии «селение» здесь связано с диалектными особенностями чамалальского языка. Название селения Кенхи происходит от одноименной речки. Предания гласят, что все эти селения образовались путем слияния нескольких соседних селений (то ли покинутых сельчанами в результате эпидемии, то ли разрушенных неприятелем и т. д.). Каждый тухум (а их насчитываются в каждом селении от 5 до 12) в селении считают происходившим от отдельного разрушенного поселения или от переселенцев, пришедших сюда в поисках лучшей жизни.

Другой тип поселений чамалалов — авал, или мики гья (хутор, отселок), в исследуемое время уже превратившийся в самостоятельное поселение. К нему относились чамалальские мелкие посе-

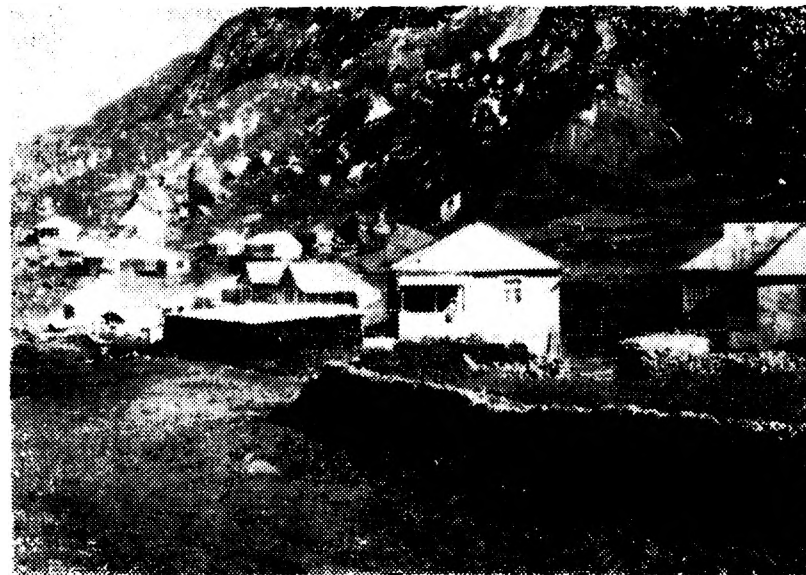

Рис. 4. Хутор Гьилиди (Советский район ЧИАССР)

ления, расположенные поблизости крупных поселений: Цидатли, Гигих, Гавутли, Гачитли, Цуйди, Батлахатли и т. д., являвшиеся в свое время хуторами, а в последующем — отселками от перечис-

ленных выше крупных территориально-родственных чамалальских поселений. Они относятся к поселениям вторичного порядка, в исследуемое время сохраняли связь с материнскими поселениями. В экономическом отношении указанные отселки — уже сравнительно самостоятельные хозяйственные и общественные единицы.

Принцип расселения в отселках является чисто территориальным, ибо основное население здесь — выходцы из различных селений. Отдельные из этих отселков в силу благоприятного расположения со временем превратились в независимые крупные поселения (с. Агвали, Цумада Урух). В основном отселки вплоть до самого последнего времени были не совсем самостоятельными (с. Гигих, Цидатли, Батлахатли и др.).

Основной причиной образования отселков повсеместно является разрастание хуторов, которые еще полностью не отделились от материнских поселений¹⁴, и в них люди жили постоянно¹⁵.

Образование отселков у чамалалов происходило разными путями. Отдельные возникли в местах выпаса скота (Школхе, Гавутли, Гачитли), некоторые были своего рода сторожевыми пунктами для охраны общинных земель (Батлахатли, Гигих), единицы образовали люди, выселенные за какие-то провинности (с. Цуйди), или возникшие в результате распада патриархальных семей (с. Цидатли). В последнем случае между материнским селом и отселком сохранялись особые близкие отношения. Как бы отселки ни сложились на первых порах, они служили опорными пунктами освоения земель, и в этом плане большую роль в их появлении сыграли хозяйственные потребности. С другой стороны, их появление способствовало освоению залежных земель.

Основное, или материнское, селение довольно долгое время стремилось сохранить свое господство в экономическом и политическом отношении над отселками, поэтому старалось искусственно задержать их самостоятельное развитие.

Отселки во всем подчинялись управлению своего материнского села. Так, вплоть до 40-х годов нашего столетия отдельные чамалальские селения-отселки не имели своих кладбищ (с. Гигих), а некоторые не имеют и в наши дни (с. Цидатли), хотя они расположены на определенном расстоянии от метрополического в прошлом селения Нижнее Гаквари. В исследуемое же время джамаат отселков формально считался частью джамаата основного селения, их представители принимали участие в сходах этих селений, а вопросы, касающиеся отселков, целиком решали на сходах основных селений. Пятничную молитву жители отселков обязаны были совершать в основном селении¹⁶, у них не было своих мечетей (пятничных), так же как не было и места сбора ссыльчан. Их интересы на сходах защищали выборные представители из отселков, но чаще

они довольствовались тем решением, которое принимали сходы материнских селений. Жители отселков во всем помогали джамаату основного села. Таким образом, экономические, политические, организационные вопросы, касающиеся отселков, решались в материнских поселениях.

Этот тип чамалальских поселений можно отнести, как сказано выше, ко вторичному процессу в селеобразовании, явившемуся результатом ряда причин, где не последняя роль отводилась развитию производительных сил. В них почти не учтен оборонительный фактор, как повсеместно в горном Дагестане¹⁷, выдвигавшийся на первый план в начале возникновения крупных старинных поселений. Это говорит о позднем их сложении, когда отпала необходимость защиты от недружественных обществ и установилась мирная жизнь под покровительством материнского сильного селения. Вообще замечено, что чем позже возникло чамалальское поселение, тем слабее здесь учтен оборонительный фактор. Этот процесс наблюдается и в больших селениях *гба*. Старинные кварталы расположены в труднодоступных местах, а дальнейшее расширение селения произошло за счет сползания с труднодоступных мест на естественно незащищенные окрестности сел, тем самым нарушив старый, традиционный принцип застройки старинных селений.

В исследуемое время у чамалалов имелись также хутора *миклу гба*, не успевшие разрастись в отселки, в основном вокруг селений Гадири (Аципах), Гигатли (Ашахури, Бетлусу, Зулидахъ и т. д.). В них горцы жили только в сезонное время — зимой здесь держали весь паличный скот, и часть жителей, ухаживающая за ним, жила здесь. Эти хутора были собственностью джамаата соответствующих *гба*.

По форме поселения чамалалов в исследуемое время, являясь по сути кучевыми, довольно четко подразделяются на два подвида, исходя из типа заселения: горные и горно-долинные. Горные селения (Гадири, Гигатли, Цумада, Ричаганих, Верхнее и Нижнее Гаквари) в силу ряда исторических обстоятельств и особенностей рельефа местности отличались, как правило, кучевой, тяготеющей к вертикальности застройкой и крутостью склона, а в горно-долинные (Кочали, Агвали, Цумада Урух, Гигатли Урух) — преимущественно горизонтальной, но также кучевой застройкой. Вместе с тем, в горных поселениях мы встречаем в одном и том же селении кучевую застройку в самой его старой части, ступенчатую — в подступах к старой и горизонтальную — во вновь возникших покатосях вокруг поселений. Таким образом, в исследуемое время в горных чамалальских поселениях мы застаем комбинированную застройку. Некоторые чамалальские селения, как отмечено выше, имели подворно-гнездовую форму заселения (с. Кенхи, Верхнее Гаквари). На форму чамалальского поселения, как и всех народов Дагестана, наложили отпечаток природно-географические

¹⁴ Комаров А. Указ. соч. С. 30.

¹⁵ Там же. С. 43.

¹⁶ Там же.

¹⁷ История Дагестана. В 4 т. М., 1968. Т. II. С. 296—297.

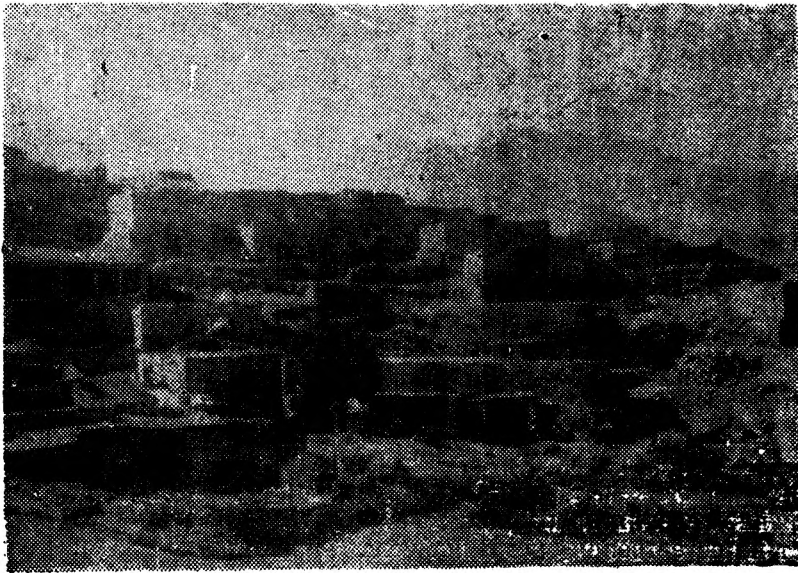

Рис. 5. Селение Гадири (Аципахи — хозяйственные постройки)

условия, кроме того, она тесно связана с социально-экономическим развитием региона. Исторические формы поселений, которые известны у чамалалов к исходному для нашего исследования хронологическому рубежу — к началу XIX в. складывались на протяжении весьма продолжительного исторического времени под влиянием конкретных социальных, природных и преимущественно экономических условий. Это привело к тому, что у чамалалов сложились типичные высокогорные поселения, где нельзя было обойтись без учета ведущих факторов селостроения в этой зоне, таких как малоземелье, специфика хозяйства, фактор обороны, приведших к крайней скученности жилищных построек. Подобные постройки зафиксированы не только у родственных дагестанских народов, но и повсеместно на Кавказе¹⁸.

В старых поселениях (Гигатли, Гадири, Н. В. Гаквари и др.) и в старых частях сравнительно новых поселений (Цидатли, Гигих, Гавутли и др.) со скученной планировкой наблюдается почти стопроцентная застройка. Дома здесь, тесно примыкая друг к другу, тянутся по всей длине узкой улочки селения, служащей главной его магистральной линией, соединяющей все части поселения между собой. Подход к дому осуществляется только с одной стороны. Иногда по сторонам этой узкой улочки прорезаны такие же короткие тупиковые узкие улочки. Чаще по крышам домов также прокладывали улочки и по ним легче бывало ходить, чем по основной

¹⁸ Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе: 1842—1865. СПб, 1879. Ч. 1. С. 59.

улочке. Старинные поселения имели также и подземные ходы, необходимые в стратегических целях (с. Нижнее Гаквари). При всей внешней кажущейся скученной неупорядоченности домов в этих поселениях наблюдается правильная застройка домов с ориентацией на юг, юго-восток — условие, которое является необходимым в высокогорной зоне чамалалов для максимального использования солнечного тепла. В этой зоне у чамалалов встречается скученная планировка с заметным креном террасообразной застройки домов (Цумада, Ричаганих), где крыша одного дома является двором для другого, ниже расположенного на скате горы дома.

Форма высокогорного селения Верхнее Гаквари (Ака акве), как уже пришлось отмечать, имеет свою специфику. Оно расположено по гнездовому способу планировки. Селение фактически делится на три части, расположенные на трех близконаходящихся холмиках. Каждая часть селения имеет свое название (Джегви, Межбала, Игдада), но в целом называется Ака акве (Верхняя жатва).

Рис. 6. Селение Кенхи (Советский район ЧИАССР)

Горно-долинные чамалальские поселения несколько отличаются от горных, но селение Кенхи напоминает по форме гнездовую застройку, как и селение Верхнее Гаквари. Селение Кенхи образовано из 8 отдельных частей, каждая из которых имеет свое название. Они расположены вдоль долины реки Кенхинка на расстоянии 1,5—2 км друг от друга и тянется более 10 км в длину; ширина селения составляла немногим более 50 м. В селение Кенхи входили Хилиди, Анчibatли, Кюдордатли, Багьгьунахи, Кенхи, Агаб-

ехи, Школхе, КIатIартли. Все они имели солнечную ориентацию, дома соединялись между собой и их всех можно было обойти по их крышам. Дома прилеплены к солнечному склону, внешне строгой планировки не имели. Узкие кривые улочки являлись главными артериями, по которым сообщались жители.

Основная часть селений, расположенных в горных долинах (Кочали, Агвали, Цумада Урух, Гигатли Урух), несколько отличалась от горных своей планировкой, формой, видом. Дома здесь расположены на довольно ровных местах и сравнительно свободны. Это говорит, с одной стороны, о позднем их происхождении (середина XIX в.), с другой — об отпадении факторов, повлиявших на появление поселений кучевой формы. Большую роль сыграл и рельеф местности. В этих селениях традиция селостроения чамалалов сохраняется, и поэтому, как и в горных селениях, на улицы, застроенные с обеих сторон выходят глухие стены домов. Однако дома здесь расположены свободно и имеют маленькие усадьбы. Внешне в них наблюдается некоторая упорядоченность планировки. Улицы-тропинки, исходя из ровного рельефа местности, здесь прямые, иногда заканчивающиеся тупиком. Некоторые дома имеют и своеобразные калитки.

Большинство чамалальских поселений имели сельскую площадь и мусульманские мечети. В больших селениях была и джума-мечеть, а рядом находились камеры или ямы, построенные в одно и то же время, примерно в начале XIX в., в которых временно держали нарушителей общепринятых правил поведения и совершивших преступления (с. Нижнее и Верхнее Гаквари, Гигатли, Гадири). Капитально построенная камера предварительного за-

Рис. 7. Селение Цидатли (Цумадинский район)

ключения до отправки нарушителей в окружной центр с. Ботлих находилась в отселке Цуйди, появление которого относится ко второй половине XIX в.

Обязательным атрибутом крупных и влиятельных чамалальских поселений были сторожевые башни, устроенные на возвышенностях вокруг селений (Нижнее Гаквари, Гигатли, Гадири). При их помощи осуществлялась визуальная связь. В башнях поочередно ежедневно дежурили сельчане. При приближавшейся опасности дежурный зажигал здесь костер, окрестные селения, увидев этот костер, готовились к сопротивлению, а зависимые селения спешили на помощь сюзеренным поселениям.

Все чамалальские селения, за исключением некоторых отселков (Гигих, Цидатли, Цуйди, Гавутли), имели сельские кладбища. Кладбище обычно располагалось на местности, которое видно с любой точки селения. В этом обычае прослеживается стремление горцев заручиться покровительством предков своих селений.

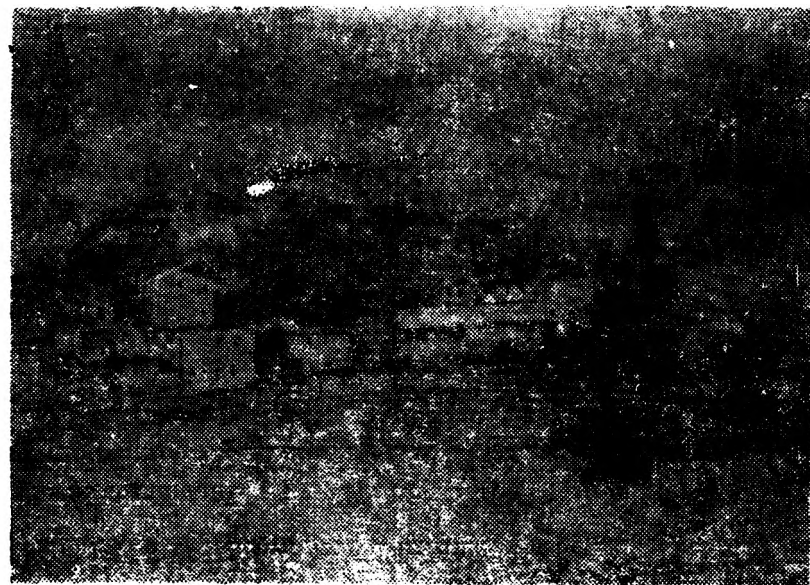

Рис. 8. Селение Гигих (Цумадинский район)

Небезынтересны сведения о дроблении чамалальских поселений по документам, относящимся к 1916 г. Согласно этим документам все чамалальские селения Дагестана в это время (за исключением Кенхинского сельского общества) подчинялись начальнику Кара-

	дым	муж.	жен.	всего	
Агвали ¹⁹	81	130	120	250	— селение
Гигатли	270	488	514	1002	— селение
Батлахатли	18	37	34	71	— хутор
Калих	12	23	20	43	— хутор
Агвали ²⁰ (Абих)	18	25	25	50	— хутор
Асамали (Исамали)	5	7	6	13	— хутор
Цалах (Залах)	9	21	15	36	— хутор
Гадири	182	263	144	407	— селение
Цатаних	5	16	15	31	— хутор
Гачитль	33	58	51	109	— селение
Гаквари	88	187	174	361	— селение
Межбала	15	28	25	53	— хутор
Джиго	60	127	119	246	— хутор
Кижбали	10	13	17	30	— хутор
Эшдада	40	75	73	148	— хутор
Бицада	13	31	27	58	— хутор
Инхъ	35	73	77	150	— хутор
Цанди	25	49	49	98	— хутор
Цедетль	35	66	69	135	— хутор
Сутль	8	13	15	28	— хутор
Агвали ²¹ (Динга гъажи авал)	18	27	29	56	— хутор
Цумада	84	154	138	292	— селение
Цумада-Урух	13	30	32	62	— хутор
Ричаганих	64	115	121	236	— селение
Чигиси	3	5	7	12	— хутор
Асали	5	13	12	25	— хутор
Берканатли	5	8	7	15	— хутор
Иситль	3	5	9	14	— хутор
Агвали ²²	27	37	34	71	— хутор

тино-Технуцальского участка и входили в Агвалинское сельское общество, что свидетельствует о превращении сравнительно молодого поселения Агвали в важный населенный пункт участка.

Итого населенных пунктов 29, дымов 1184, мужчин — 2124, женщин — 1978, всего населения — 4102 чел.²³

Таким образом, поселения чамалалов имеют много общего

¹⁹ Это место сейчас называется квартал Насибил-коло.

²⁰ Хутор, расположенный на месте Колих № 2.

²¹ Хутор, расположенный за речкой Гадирина. Вообще в начале XX в. с. Агвали делилась на 4 части, каждая из которых подчинялась с. Гигатли, Гаквари, Гадири и собственно Агвали.

²² Этот участок называется Мажгитих.

²³ ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 4. Д 89-а. Л. 14—15.

с поселениями других народностей Дагестана и прежде всего с аварскими, частью которой они себя считают.

Коренные преобразования в политической, экономической и культурной жизни чамалалов, как и других народностей Дагестана, происшедшие после установления Советской власти и утверждения колхозного строя, способствовали сложению в старинных поселениях кварталов с правильной планировкой и маленькой усадьбой около домов. К каждому дому в этих частях селения подведена дорога от магистральной центральной машинной дороги. Это облегчает доставку домой грузов, новых индустриальных изделий быта. Это же в корне меняет и внешний облик поселения в целом.

instituteofhistory.ru

ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ БОТЛИХЦЕВ В XIX—НАЧ. XX в.

Специальная литература, посвященная материальной культуре и конкретно поселениям ботлихцев, отсутствует. В основу настоящей статьи легли полевые исследования, проведенные нами в сел. Ботлих и Миарсо во время летних экспедиций 1986—1987 гг., а также полевые записи Е. И. Шиллинга, хранящиеся в научном архиве Института этнографии АН СССР, сделанные им в 1945—1946 гг. во время экспедиций в Западный Дагестан. Знакомство с этими материалами показало довольно богатую и интересную историю поселения Ботлих, во многом являющуюся частью истории этой народности.

Ботлихцы (самоназвание — *буйхади*) — малый народ, относящийся к народам аваро-андо-цезской группы (подгруппа андийских народов). Численность ботлихцев в 1866 году равнялась 1102 чел., в 1916 г. их количество достигло 1433 чел., а в 1926 г. ботлихцев стало 3379 чел.¹

Жили ботлихцы в двух селениях — Ботлих и Миарсо, находившихся на расстоянии 4—5 км друг от друга и расположенных в долине реки Андийское Койсу в западной части Дагестана, и в двух хуторах — Ашино и Анхо.

Соседями ботлихцев были: на юго-западе годоберинцы (с. Верхнее и Нижнее Годобери), на юге — аварцы (с. Хелетури), на юго-востоке — каратинцы (с. Нижнее Инхело), на северо-западе — аварцы (с. Шодрода, Рахата, Ансалта), на севере и северо-востоке — андийцы (с. Чанко, Муни).

Местность эта, окруженная со всех сторон горами и покрытая садами и виноградниками, находилась в очень холмистой и сильно расчлененной котловине и примыкала к левобережью среднего течения р. Андийское Койсу.

В Ботлихе протекали две небольшие речки «Гадару инхи» и «СарулӀи баганесуб инхи» («речка лисьей горы»), в сел. Миарсо — река «Миарсинка».

Известно, что формирование и развитие типов и форм поселений, жилищ, хозяйственных построек тесно связано с природно-

¹ Рассчитано по: Комаров А. В. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник стат. сведений о Кавказе. Тифлис, 1869; Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895; Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892—1916 гг. Темир-Хан-Шура, 1893—1917; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928.

Рис. 1. Вид на старый Ботлих

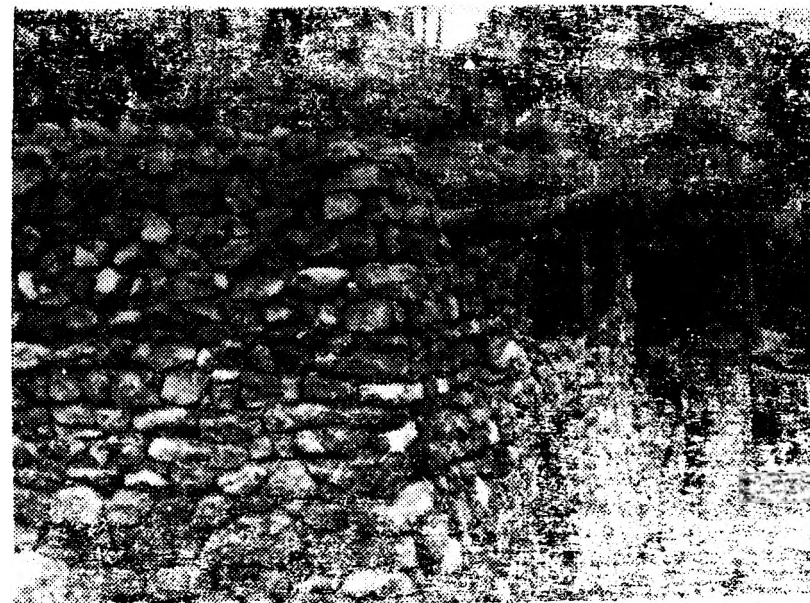

Рис. 2. Хозяйственные помещения в старой части Ботлиха

географическими условиями, образом жизни и, в первую очередь, с хозяйственной деятельностью населения.

В хозяйственно-экономическом отношении ботлихские села были исконно садоводческими и виноградарскими, что давало местному населению основной доход для проживания. «Западные аулы и Ботлих лежат среди обширных фруктовых садов»², — отмечает К. Ф. Ган. В частности, он пишет, что «в некоторых местах, как; напр. в ботлихской котловине, с более мягким климатом разводятся с успехом фруктовые сады, в которых в прошлом году собрали по 11—12 тыс. пудов груш, яблок, персиков и т. п.»³.

Отражение давности и развитости садоводства можно усматривать в наличии чрезвычайно богатой специальной топонимики. Так, в одном только Ботлихе Е. И. Шиллинг зафиксировал около 20 наименований садов. Вот некоторые из них: Атому, Гьунч'ахулу, К'юркье, Себарду, Гьач'ибэ, Гугихэ, Хахаракье, Рек'вач'убесхье, Рухитарлги, Сирахи, Инкубакьи и др. Некоторые из этих терминов встречаются и в исторических преданиях, и в названиях башен и улиц. Во всех случаях названия садов носят по преимуществу характер географических обозначений. Так, например, уточняя место проживания какого-то тухума или другой родственной группы, семьи говорили так: «тухум такой-то или семья такая-то, которая проживает у сада такого-то».

Сады имели искусственное орошение. Часть их была расположена в самих селениях, а часть — в окрестностях. В садах произрастали абрикосы, персики, сливы, груши, яблоки, грецкий орех.

С древнейших времен ботлихцы разводили и виноград (черный и белый). Существовало широко развитое виноделие. По преданиям, в некоторых подвалах хранились сорокалетние вина, употреблявшиеся при торжественных случаях. К. Ф. Ган отмечает, что в 1900 году в Ботлихе было собрано 3700 пудов винограда⁴.

Из других примыкающих к садоводству занятий населения следует отметить «высокоорганизованное, интенсивное, но незначительное (из-за малоземелья) земледелие»⁵.

Из хлебных злаков и бобовых в Ботлихе и Миарсо культивировались пшеница, рожь, ячмень, кукуруза, черный горох, фасоль. Животноводство у ботлихцев не играло ведущей роли. Объяснялось это главным образом отсутствием пастбищ и «незначительным земледелием».

Слабо были развиты у ботлихцев домашние и кустарные производства. Лишь в небольшом объеме было распространено шерстяное прядение и ткачество, валяние шерсти, обработка кожи, шитье папах и обуви.

² Ган К. Ф. Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 года // ИК ОИРГО, 1902. Т. XV. № 4. С. 225.

³ Там же. С. 226.

⁴ Ган К. Ф. Указ. соч. С. 226.

⁵ Агларов М. А. Поселение и жилище андийской группы народов в XIX—начале XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. XVI. Сер. обществ. наук. С. 377.

При выборе места для поселений ботлихцами учитывались те же факторы, что и другими народами Дагестана⁶: оборона от неприятелей, малоземелье, особенности рельефа, близость воды, пашен, пастбищ, солнечная ориентация и др. Как и у других народов; действие этих факторов «было неодинаково как в сравнении между собой, так и в различные исторические эпохи»⁷.

Поселение Ботлих располагалось на довольно узком скальном гребне, вытянутом с Юга на Север, находящемся на определенной высоте от реки Андийской Койсу; селение Миарсо — на склоне горы. Оба селения были обращены к солнцу и занимали каменистые и непригодные под сады и посеы склоны. В целом они располагались так, что к ним трудно подойти. Дома в них стояли прижавшись друг к другу и имели ступенчатую форму. На эти особенности Ботлиха обратил внимание К. Ф. Ган, который писал: «Позади крепости за маленьким ущельем лежит аул того же имени (с. Ботлих — Б. А.), живописными террасами прислонясь к скале»⁸.

Теснота застройки объясняется в первую очередь историческими факторами (стремление к неприступности) и географическими условиями (малоземелье). По этим же причинам ботлихские селения, как и многие другие горные аулы, располагались на неудобных местах. Некоторые дома помещались прямо у скалы. Такая непосредственная близость не всегда была безопасной. Об этом говорит и следующий документ. «Из ведомости прошений, поданных в проезд его императорского величества в 1871 г. по Кавказу туземцами, состоявшими в ведомстве военно-народного управления Дагестанской области», явствует, что «общество деревни Миарсуоб Андийского округа просит об оказании им пособия по случаю разрушения обвалом горы нескольких домов». «Обвал горы, разрушивший 15 домов в сел. Миарсуб, произошел в 1871 г.; принимая во внимание бедность жителей, потерпевших разрушение, и отсутствие средств на улучшение разоренного хозяйства, начальство Дагестанской области полагает справедливым выдать в единовременное пособие по 20 р. каждому из 15 потерпевших домов»⁹.

В XIX в. отмечаются два основных типа поселений у ботлих-

⁶ Исламмагомедов А. И. Поселения аварцев в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 12. Сер. ист.; *Его же*. Поселения и жилища аварцев в XIX—нач. XX в. // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; *Его же*. Поселения и жилища цахуров в XIX—XX вв. // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Вып. 1; Ахмедов Ш. М., Булатова А. Г., Исламмагомедов А. И. Агулы: (Сб. ст. по истории, хозяйству и материал. культуре). Махачкала, 1975; Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971; Агларов М. А. Указ. соч.; Калоев Б. А. Поселения и жилища агулов. // КСИЭ. 1955. Вып. 23; Османов М.-З. О. Поселения; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Мат. культ. даргинцев. Махачкала, 1967; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин: XIX—нач. XX в. М., 1978.

⁷ Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 83.

⁸ Ган К. Ф. Указ. соч. С. 225.

⁹ Феодальные отношения в Дагестане. XIX—нач. XX вв. Архив. Материалы. / Сос. предис. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 280.

цёв — *гъани* (росо — авар., *гъан* — анд.) — селение и *коли* (кули — авар.) — хутор.

Согласно историческим преданиям, записанным Е. И. Шиллингом и нами, первоначально в котловине было два селения — Буиха (по другим информациям Болъихъ) и в 2—3 километрах от него, ближе к реке Андийское Койсу, на урочище Целелъи рекъа («виноградниковая возвышенность») — Шогъалъи гъани («гончарный аул»), по другим информациям — Балъхъал.

Жители Шогъалъи гъани (Балъхъал), помимо садоводства и виноградарства, занимались, по преданию, гончарным производством. Информаторы рассказывают, что на том месте, где было расположено село, они находили остатки гончарных печей, черепки и даже целые глиняные сосуды.

По преданиям (Е. М. Шиллинг), между обоими селениями возникали постоянные споры и войны за землю и воду, в частности за обладание садом *гъачлибе*. Как ботлихцам, так и жителям Шогъалъи гъани было ясно, что кто-то из них должен покинуть эти места, и общества пришли к такому соглашению, что во избежание бесконечных столкновений одно из них должно переселиться. Так как добровольно никто не хотел покинуть свое место, для решения вопроса было назначено единоборство с условием: сторона, представитель которой победит, остается, а побежденные покидают свой аул. Единоборство устроили в 1—2 км от Ботлиха на месте, называемом Сибарду (Сибарду — название одного из ботлихских садов). Наблюдатели (ботлихцы и гончары) стояли поодаль в разных местах. Перед выходом на поединок один ботлихский старик обратился к бойцу с вопросом, хочет ли он победить и воспользоваться для этого его советом. Боец ответил, что хочет. Тогда старик посоветовал ему следующее: «Когда сойдетесь, спроси противника — почему вас вышло двое на одного? Он обернется назад, ты же в этот миг снеси ему голову. Люди стоят далеко и подумают, что повернувшийся назад испугался». Воин последовал совету старика и убил гончара. По другим информациям, такой совет дала бойцу его жена. Часть информаторов этот же эпизод рассказывают так, будто «гончары» нарушили условие поединка. Условие, по их рассказам, гласило, что бойцы должны быть приблизительно одного роста, возраста и силы. Перед самым выходом на поединок ботлихцы увидели, что гончары выставили известного в этих краях борца. Ботлихцы поняли, что силы явно неравные, и поэтому пошли на такую хитрость.

Одни легенды передают, что побежденные гончары переселились в даргинский округ и образовали сел. Балхар, другие (большинство) — что они ушли в Грузию. Рассказывают, что лет 200 тому назад один человек из Ботлиха встретил в Грузии старую женщину, предки которой покинули Шагъалъи гъани. По рассказам этого человека, она говорила по-ботлихски и сказала, что «наши перед уходом из Дагестана зарыли в ауле под тутовым деревом клад». Рассказывают, что вскоре после этого некто Теметир (житель Ботлиха, сын пленного грузина) нашел в земле

на месте «аула гончаров» большой глиняный кувшин, наполненный серебряными монетами (Е. И. Шиллинг).

Различные предания и легенды говорят о том, что селение Миарсо в прошлом было одним из пунктов военного караула, заселенных постоянными караульщиками и их семьями.

По другим версиям Миарсо — отселок или хутор хозяйственного значения, основанный выходцами из Ботлиха. Мы записали предание о том, что некогда глава одного состоятельного тухума житель селения Ботлих по имени Амирхамза из-за нехватки свободной земли поблизости поселил в местность, где теперь располагается сел. Миарсо, своего младшего брата с семьей. После туда переселились и другие жители Ботлиха. Как сообщают информаторы, община Ботлиха ввела для миарсинцев ежегодный налог в виде 5 яиц от каждого дыма в пользу Ботлиха. Другие информаторы утверждают, что налог этот шел в пользу Амирхамзы. Постепенно миарсинцы перестали выплачивать налог и к исследуемому времени село фигурировало как самостоятельное селение — *гъани*.

Существуют разнообразные легенды и предания о происхождении Ботлиха. По материалам, записанным Е. И. Шиллингом, ботлихцы были древними аборигенами, и от их выходцев образовались некоторые соседние аулы — аварское селение Ансалта, годоберинское Годобери, андийское — Чанко.

В других вариантах преданий, с одной стороны, ботлихцы ведут корни от отдельных ботлихских *гъай* от пришельцев (от арабов «из Истамбула», «Из Дербента», «От армян», «Из Хунзаха»); с другой — происхождение их относят к одному определенному родоначальнику, тоже иноземному, от сыновей которого, будто бы, ведут начало жители ряда селений, и в том числе Ботлиха. Говорят, что этот легендарный предок жил около Дербента. Ему унаследовал старший сын; остальные сыновья разошлись и основали: один — с. Харахи (аварский аул Хунзахского р-на), другой — с. Шодрода (аварский аул Ботлихского р-она), третий — с. Ботлих.

Поселение Ботлих расположено в средоточии своих угодий. Центром селения уже в исследуемое время служила небольшая площадь у мечети. Здесь же располагался главный чирти (годекан), под названием хъинце (каменистое). Здесь происходили все основные сельские сборы, решались все общесельские вопросы.

Кроме основного, в Ботлихе было еще четыре чирти, где мужчины проводили свое свободное время, обсуждая самые различные вопросы. Из них три чирти — комичо-муса (место перед бревнами), къару (каменистое место), гъанигъваналъи (начало села) находились в верхней части села¹⁰ и два годекана — хъинце и просто чирти — в нижней части. Почти все годеканы, за исключением гъанигъваналъи, располагались внутри селения, в основном там, где имелась хоть небольшая ровная площадка. Возможно

¹⁰ Названия годеканов происходят от названия местности, на которой они расположены.

когда-то небольшие чирты у ботлихцев, как и у аварцев, были тухумными, «где обсуждались внутренние тухумные вопросы. В исследуемое время на квартальных площадях обсуждались дела не родственной группы тухума, а территориальных соседей — жителей квартала»¹¹.

В селении Миарсо был всего один годекан, который располагался у мечети.

Что касается общественной группировки ботлихских поселений, то они делятся на кварталы (*рехун*) по территориальному принципу и имеют чисто топографические названия (с. Ботлих) — верхняя часть аула, или Верхний аул — *Гъеку рехун* и Нижний аул — *Гъиклику рехун*; по солнечной ориентации (с. Миарсо) — солнечная сторона — *бакълъулал* и теневая сторона — *хъунлъулал*. Нижняя часть аула, расположенная ближе к реке Андийское Койсу, считается более старой. Рассказывают, что первые дома были расположены на скалах, а вокруг домов располагались башни.

Кроме топографического деления аула на Верхний и Нижний кварталы, ботлихам известно и более дробное деление. По этому делению число *рехун* доходило до двадцати. Наименования их носили, преимущественно, топографический характер. Так, *къарульзи* — квартал, где годекан; *ничарахи* — средняя часть села; *адинчлу* — край села; *сирахи* — другой край села с другой стороны; *атиму* — часть села, где расположены сады; *гъунчлахули* — садовый; *кlorкье* — квартал где сады; *гъацлибе* — квартал, где сады; *гугихе* — квартал, где сады; *хахаракъе* — квартал, где сады; *гъадару* — квартал, где сады и речка; *рекъацлубесхъе* — квартал, где сады; *рухитарлъи* — квартал, где сады и т. д.

Мы не обнаружили у ботлихцев ни тухумных кварталов, ни тухумных годеканов. Ботлих и Миарсо, как было сказано выше, не сохранили квартально-тухумного деления и делились на кварталы, не связанные с тухумной принадлежностью их жителей. В то же время, по материалам Е. И. Шиллинга, когда-то рехуны соответствовали локализованным в их границах родственным группам.

Для обозначения родственной группы у ботлихцев имелось несколько названий — *гъай* (тухум), *клубил*, *зуригат*, *шай*. *Гъай* считался самым большим родственным коллективом, который включал близких и самых дальних родственников. Если термин *гъай* обозначал совокупность вообще всех предполагаемых родственников групп по отцовской линии, то близких родственников (двоюродных, троюродных братьев ботлихцы называли *клубил*)¹². Дальнее родство обозначалось термином *зуригат*. Начиная со сту-

пени *зуригат* в иерархии родственных союзов ботлихцев все более слабыми становились непосредственные связи родственников. Далее родственный коллектив носит название *шай*.

Таким образом в системе счета поколений у ботлихцев, кроме *гъай*, существуют еще три ступени родственной группы — *клубил*, *зуригат*, *шай*, хотя две последние ступени — термины со скольльзящим счетом поколений.

Количество *гъай* в Ботлихе равнялось 7—8: Шанхвалал (Шамхалал), Урженилал, Нусибал, Мирзалал, Рузилал, Гурзалилал, Гъатутилал. Наиболее известными из них считаются Шанхвалал, Урженилал, Нусубал. В *гъай* Шанхвалал (Шамхалал) входили три патронимические *клубили*: Гъвардалалуб, Имаргалхандуб, Гапалалуб. Каждый из них состоял из 2—3 поколений. В *гъай* Мирзалал входил *клубил* Оки-Абакар, в *гъай* Гурзалилал *клубил* Яйилал.

Все группы *гъай* в Ботлихе имели свои наименования. Названием в большинстве случаев служило имя предка. Часто *гъай*, патронимии носили названия в зависимости от рода занятий предка. Некоторые *гъай*, *клубил* носили клички. Например, меньшее патронимическое деление, отделившееся от *гъай* Шанхвалал называлось Гъвардалалуб (гъардаб — открытое веко). Другая патронимическая группа называлась Гъатутилал (болтун, говорун) и т. д.

Каждый *гъай* в далеком прошлом, как было сказано выше, жил в своем *рехуне* и имел свою башню, свой годекан, свое кладбище и управлялся своим старейшиной. «Но это было в отдаленные времена, — пишет Е. И. Шиллинг, — и члены ботлихских гайев давно уже живут вразброску в разных кварталах, без особого различия собираются на учары, хоронят покойников, не соблюдая «родовых» мест, на одном из 4-х имеющихся в Ботлихе кладбищ и свободно заключают между собою браки»¹³.

Наши полевые материалы также свидетельствуют о том, что в XIX в. ни *гъай*, ни патронимические группы *клубил* не жили по кварталам компактно.

Из общественных построек как в Ботлихе, так и в Миарсо следует отметить мечети. И там и здесь мечети располагались в центральных частях селений на возвышенных местах. В с. Ботлих в каждой части села своя мечеть.

Из других общественных сооружений в аулах можно назвать *кор* — хлебную печь, которая устанавливалась под навесом около какого-нибудь дома, и специальные печи *цлуй* для поджаривания кукурузы, льна, абрикосовых косточек и т. д.

Несколько слов о планировке с. Ботлих. Прежде всего следует отметить, что ботлихцы стремились сделать свои поселения наиболее защищенными. Проникнуть в село можно было только через ворота каву. По рассказам информаторов, Ботлих имел трое ворот,

¹¹ Материальная культура аварцев. С. 135.

¹² Родственная группа *клубил* предполагала людей, происшедших от одного отца (дед-отец — сын-внук-правнук и т. д.). На *клубил* лежал ряд обязанностей во время семейных событий (свадьба, похороны, прием гостей, кровная месть и т. д.).

¹³ Шиллинг Е. М. Этнографические очерки Западного Дагестана // Архив Ин-та этнографии АН СССР. Л. 55.

которые замыкали въезд в селение и входили, следовательно, в состав сплоченных воедино крайних домов, образовавших как бы стену. К этим воротам вели дороги из четырех направлений: от Красного моста со стороны нынешнего Цумадинского района, со стороны Андии, сюда же вели ансалтинская и мунинская дороги.

Внутри Ботлиха была очень сложная уличная система. Прямых улиц ни в Ботлихе, ни в Миарсо не было: Они представляли собой узкие кривые тропинки. В Ботлихе имелись две главные улицы, идущие к воротам с разных концов села. Улицы эти прерывались многочисленными поворотами и глухими боковыми проулками, которые прерывали ряды домов и выводили к скале или к реке. Были в Ботлихе улицы, проходящие под зданиями. Они имели вид узких, низких, кривых тоннелей. Около каждого дома устраивались каменные выступы в виде скамеек, где проводили свое свободное от работы время женщины, дети и престарелые мужчины, которые по состоянию здоровья не могли посещать годекан.

Оба селения не имели внутри больших площадей. Именно этим можно объяснить то, что еженедельный базар в Ботлихе устраивался на краю села.

Между домами родственников, соседей нередко оставляли пролаз. Как сообщают информаторы, эти ходы помогали им быстро прийти на помощь друг другу в случае необходимости. С этой же целью («чтобы сразу же услышать, если позовут») стены между домами родственников и соседей часто делались турлучными. Такие дома как в сел. Ботлих, так и в сел. Миарсо сохранились и по сей день.

В разных частях Ботлиха на самых высоких местах, чтобы можно было хорошо обозревать окрестности и в случае необходимости предупредить население о появлении врагов, ставились сторожевые и боевые башни *шеба*, число которых, по сообщениям стариков-информаторов, доходило до 6—8. Башни представляли собой целую оборонительную систему и располагались и внутри аула, и в окружающих его садах. Одни из них носили название местности, другие названы собственными именами. Так, например, *инккубакъи* — название садового участка верхней части аула; *сираху* (садовый); *синкакъи* (край аула); *къе рехун* — название местности; *хлэмза тиб* (местность в Нижнем квартале); Тинпочив Тумариб (Нижний квартал); *хледишалап* — местность в Верхнем квартале. Две башни располагались на севере и служили защитой против андийцев: одна — на северо-западе и противостояла нападению со стороны аварского селения Ансалта: две или три башни были прикрытием со стороны Карата и т. д. От одной из этих башен (*сираху*) сохранились незначительные остатки. Факт их существования, места расположения и наименования живы в памяти населения по сей день.

В Миарсо была всего одна башня, которая также располагалась на краю аула на возвышенности, откуда были видны все дороги, ведущие в аул. Все башни были четырехугольные с квадра-

том в плане. О назначении башен местные жители говорят, что все они были одновременно сторожевыми и боевыми. В тревожные дни на них расставлялись дозоры, которые должны были следить за появлением неприятеля и в случае его приближения сигнализировать. Во время нападения внешних врагов башни использовались как крепости и как убежища для людей. По рассказам информаторов, между башней *синкакъи* и центром аула было подземное сообщение, служившее чисто оборонительным целям. Во время войн по тоннелю женщины носили воинам пищу, воду. Старики рассказывают, что при возведении башен, мечетей в качестве скрепляющего материала служил раствор из ржаной муки. Высота башен была разная, от 15 до 10—12 метров. Ширина стен достигала одного метра. Этажей было от 3 до 5. Сообщение между этажами осуществлялось при помощи каменных или деревянных лестниц, которые устанавливались в разных точках и наглухо прикреплялись к стене. Окна заменяли маленькие треугольные бойницы. Большинство из перечисленных башен считалось общественным достоянием. Возможно, что позднее некоторые из них стали собственностью отдельных лиц. Два наших информатора (Мусаев Магомед и Гаджимагомедов Эльдар) утверждали, что у Красного моста была еще одна башня под названием Воржи. В дальнейшем эта местность продолжала носить название башни. Другие информаторы утверждали, что Воржи — название очень древнего тухума, который проживал здесь и, следовательно, башня, если и была, должна была быть собственностью этого тухума. К сожалению, ничего больше об этой башне информаторы сообщить нам не смогли.

Несколько слов о расположении кладбищ. Как в Ботлихе, так и в Миарсо кладбища располагались на краю селения (в Миарсо — у подножия села, в Ботлихе, — на возвышенном месте на расстоянии 1,5 км от села). У ботлихцев не зафиксированы ни тухумные кладбища, ни тухумные ряды на общесельском кладбище. Стремление хоронить родственников рядом наблюдается и в наши дни.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЮГО-ЗАПАДНОГО ДАГЕСТАНА

К юго-западному Дагестану мы относим в основном жителей, проживающих по Главному хребту и его отрогам, в частности дидойцев, капучинцев, анцухцев, багулал, чамалал, и в высокогорных районах (Тлярата, Советск). В обстановке межобщинных и межфеодальных неурядиц и столкновений каждое общество старалось как-то обезопасить себя, воздвигая военно-оборонительные укрепления и комплексы.

Строительство оборонительных сооружений особенно было развито у проживающих на главных перевальных дорогах, откуда проникали иноземные завоеватели (XV—XVIII вв.). Этим объясняется и тот факт, что начиная от общества Томс (Тляратинский р-н) до Джурмут (вершина Главного хребта) тянулась цепь сигнальных башен, оповещавших жителей Антльратля о надвигающейся опасности. Аналогичные башни в прошлом существовали в ункратльском и дидойском обществах.

В силу исторических обстоятельств и географического расположения здесь сложилась своеобразная техника сооружения фортификаций, в то же время сходная с архитектурой горцев Кавказа, проживающих в идентичных условиях. Поэтому изучение их оборонительных комплексов как компонентов материальной культуры, отражающих социальную структуру и политическую историю общества, имеет большое научное значение.

В дагестанской историко-этнографической литературе важное место уделено и уделяется изучению поселений и жилища горцев. В этом плане много сделано по исследованию бытовых памятников аварцев, где исходя из анализа полевого материала показаны типы и формы поселений и жилищ в XIX—XX вв.¹ Однако в трудах наших исследователей мало внимания уделено оборонительным сооружениям, особенно когда речь идет о высокогорной части Аварии. В указанном регионе и в настоящее время во многих местах сохранились как сигнальные, так и оборонительные башни. Редко встречаются дома-крепости, характерные периоду средневековья.

¹ Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; *Исламмагомедов А.* Поселение аварцев в XIX—XX вв. Учен. зап. НИИЯЛ, 1964. Т. XII; *Агларов М. А.* Андийская группа народностей в XIX в.: Историко-этногр. очерки: Дисс. ...канд. ист. наук. М., 1967; *Очерки истории Дагестана.* Махачкала, 1957. Т. I.

Данная статья не претендует да и не сможет претендовать на исчерпывающее решение поднятой проблемы. Известно, что современные жилища и поселения не имеют ничего общего со средневековыми оборонительными жилищами типа дома-крепости. Мы и не ставили перед собой цели изучать типы и формы поселений и жилищ жителей этого региона. Хотим только лишь на основе историко-этнографического материала и отрывочных сведений письменных источников показать своеобразие развития и складывания материальной культуры высокогорной части от внутренней Аварии на примере фортификационных сооружений. При написании данной статьи опирались также на этнографический материал, ценный тем, что в отдельных аулах еще сохранились строения средневековых жилищ.

Хороший материал по жилищам в этом краю собрала К. Г. Данилина в 1928 г.², когда еще в отдельных аулах сохранялись дома-крепости. Надо отметить, что в обществах Дидо, Ункратль, где наиболее была развита башенная культура, дома-крепости после выселения в 1944 г. были разрушены и сожжены. Поэтому материал, собранный К. П. Данилиной, представляет большой интерес и дает возможность воссоздать облик средневековых поселений и жилищ, характерных жителям этого края.

Дома представляли собой башни в 3—4 и выше этажа, тесно примыкающие один к другому. Для усиления обороноспособности во всех поселениях высокогорной части Западного Дагестана (Антль-ратль, Дидо, Ункратль) сооружались и боевые башни. Кроме того, по ущельям были построены многочисленные сигнальные башни. Построенные на границах союзов сельских общин, они надежно охраняли их территорию. Некоторые исследователи, исходя из строительной техники и объяснений стариков, дату их сооружения относят к XVII в.³ Возможно, что башни возводились и в XVII в., но в основном они строились в X—XIII вв., в период усиления грузинского царства и его агрессивной политики. Это подтверждается и тем, что именно на территории обществ, расположенных на границе с Грузией, башенная культура достигла высокого уровня развития. В отличие от этих обществ в союзах Ахвах, Багулал, Чамалал, Алди, расположенных в отдалении от южных границ, башенная культура, строительство укрепленных сооружений были менее развитыми.

Наличие множества башен вокруг аулов, а также сторожевых башен вдоль южной границы и по долинам рек, где проходили дороги со стороны Грузии, указывает на то большое значение, которое придавали жители Западного Дагестана оборонному фактору. На территории этих обществ и на границах сохранились многочисленные развалины бывших оборонительных и сигнальных башен. В отдельных аулах до сих пор остался целый комплекс

² *Данилина К. Г.* Этнографическое обследование Дидо в 1928 г. // РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1.

³ Материальная культура аварцев. С. 101.

неповрежденных башен, что естественно, помогает нам воссоздать картину средневекового поселения Горного Дагестана и определить уровень развития башенной культуры в X—XVI вв. «Тут (анцухокапуча. — М. Д.) встречаются развалины древних замков, — сообщает К. Ф. Ган, — весьма редкое явление в Дагестане; кто их построил, об этом мне никто ничего не мог сказать. Во всяком случае эти остатки древности с современными постройками туземцев не имеют ничего общего»⁴. Сохранившиеся башни представляют собой квадратное помещение в 3—4—5 этажей из сланцевых плит на скрепляющем растворе. Размеры были самые разнообразные в зависимости от высоты места их расположения. Башни, которые располагались на высоких холмах, уступали своими размерами башням, расположенным в долинах рек. Размер оснований башен колеблется от 4×4 до 5×5 м. Так, например, основание башни, которая сохранилась в Хиндахе (общество Томсуда) нынешнего Тляртинского района, достигает 5×5 м, высота 10—12 м⁵. На каждом этаже, за исключением самого нижнего, имеются бойницы. Окна в башнях отсутствуют. Толщина стен у основания иногда превышает 1 метр.

Оборонительные башни вплоть до 40-х годов XX в. хорошо сохранились в ауле Мокок (Дидо). В топографическом отношении аул представляет собой территорию, защищенную со всех сторон естественными рубежами, т. е. отвесными скалами. Для усиления обороноспособности вокруг аула были возведены боевые башни. Башни находились в местностях Тахъу, Хиерукъ, Ширулъах, Гебулахъ и одна — у старой мельницы. В стенах башен оставляли специальные узкие прорезы — бойницы. К самым верхним этажам пристраивались маленькие деревянные балкончики вроде наблюдательного пункта. Сообщение между этими этажами поддерживалось при помощи приставной лестницы, которую можно убрать в любой момент. Побывавший здесь в 1941 г. Промптов пишет об этом ауле следующее: «Перед нами возвышаются дома необычайного вида. Верхнее — это даже не дома, а древние крепостные башни, срубленные в четыре, пять и шесть этажей. В стенах башен виднеются узкие бойницы или круглые амбразуры, закрытые деревянными щитами. К верхним этажам причудливых строений прилеплены крошечные резные балкончики и деревянные террасы. Узкие проходы между домами укреплены тяжелыми каменными аркадами, над которыми висит узкий мостик. Аул Мокок за семьсот лет своего существования не подвергался никаким изменениям и полностью сохранил свой древний облик неприступной крепости рода»⁶. Посетивший этот край Дачи тоже особо выделяет аул Мокок: «Среди них (горы и леса. — М. Д.) видно Мокок с высоки-

ми домами»⁷. Данные этих авторов о поселениях и крепостных сооружениях жителей Западного Дагестана ценны тем, что они собраны в то время, когда сооружения еще сохраняли свою первобытность, свои размеры. Согласно устной традиции Мокок ни разу не подвергался разрушению, даже отрядами царских войск, конные, увидев крепостные сооружения из противоположного аула Азильта, не решились напасть на их аул⁸. Сохранились развалины старого Асаха (Дидо) — действительно мощного крепостного сооружения. Аул потерял свой облик во время Кавказской войны, особенно в период восстания 1877 г. Когда он был полностью разрушен, остались лишь стены бывших домов-крепостей. Предание гласит, что царское войско в продолжение месяца не смогло взять крепость Асах и покорить его жителей⁹. Большой интерес в архитектурном отношении имеет ныне заброшенное селение Гоор в Советском районе. Здесь хорошо сохранились три башни, из которых самая высокая согласно преданию принадлежала джамаату, а две другие — тухумам Сурхегилал и Марзалал¹⁰. По рассказам старожилов, объединенный аул Шаитль (Дидо) состоял из сплошных домов-башен. Они были расположены так близко, что через окошко можно было передавать друг другу необходимые вещи. Кроме того, с незащищенной стороны аула (на южной стороне) стояли 7-этажные сторожевые, они же боевые башни. В настоящее время сохранились остатки стен этих башен. 100-летний житель из селения Шаитль, ЧугГайбов Магомед сообщил нам, что при его жизни аул дважды подвергался разрушению. Первый раз селение было сожжено во время восстания 1877 года, затем полностью уничтожено в 1944 г. Поэтому, сказал он, нынешние застройки не имеют ничего общего с теми высокоэтажными домами (типа башни), которые существовали в прошлом в Шаитле¹¹. Среди указанных башен по своему архитектурному стилю особо выделяется круглая башня в селении Хуштада (Багулал), сохранившаяся до сих пор в центре аула¹². Дозорная башня, пишут авторы «Материальной культуры аварцев», существует и в селении Местерух¹³. Отмечая неприступность горских аулов, Ф. И. Гене утверждает, что «каждая деревня составляет крепость, представляющую весьма крепкую оборону»¹⁴. Относительно поселений и жилищ горцев Западного Дагестана Н. И. Воронов писал в 1868 г.: «На покатосях гор, обрамляющих Гидатлинскую котловину, выстроилось тесносплоченными кучами несколько аулов. Каждый из этих аулов из-

⁷ Dechy M. Kaukasus. Reisen und Forschungen im kaukasischen Hochgebirge. Berlin, 1906. В. 2. S. 240. (Перевод А. Р. Шихсаидова).

⁸ Полевой материал // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 489. Тетр. 5. Л. 1—2.

⁹ Там же. Тетр. 3. Л. 2.

¹⁰ Материальная культура аварцев. С. 103.

¹¹ Полевой материал // РФ ИИЯЛ. Тетр. 4. Л. 3.

¹² Там же.

¹³ Материальная культура аварцев. С. 103.

¹⁴ Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане: История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С. 346.

⁴ Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.) // СМОМПК 1902. Вып. 31. Отд. II. С. 89.

⁵ Полевой материал // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1, 5, 31.

⁶ Промптов. По горам и аулам Дагестана. Махачкала, 1941. С. 126.

дали, по наружному своему виду, напоминает средневековые германские города... к просторной двухэтажной сакле примыкала высокая 4-угольная башня (общество Гид) с несколькими амбразурами, сложенная из петесанного камня сухой кладки, и уцелевшими вполне, не в пример многим таким же, но почти всюду разрушенными или же сильно поврежденными, боевыми башнями...»¹⁵. Большинство крепостных сооружений было разрушено в период Кавказской войны. Так, например, в течение 22 июня — 30 августа 1858 г. экспедиция в Антль-Ратль и Дидо под командованием ген. Вревского разрушила до основания более 40 аулов, укрепленных каменными стенами, и взяла 3 каменных укрепления¹⁶. «А 23 июля 1859 г. к десяти часам утра,— пишет Н. Волконский,— аулов Азильта, Шаури, Хейнох, Квитло, Цихох и их хуторов не осталось следа»¹⁷. О том, что у жителей высокогорной части Западного Дагестана существовали поселения крепостного типа, свидетельствуют также Эркерт. «В Дагестане,— пишет он,— в западном направлении вплоть до поселений грузинских горных народностей, они носят характер скалистых гнезд укрепленного крепостного типа»¹⁸. Грузинские летописцы сообщают, что «...в 1640 году Таймураз, желая открыть дорогу из Грузии в Россию через Дидоютию, вступил в эту страну и захватил несколько крепостей, но дидойцы пригласили на помощь лезгин, разбили Таймураза и обратили его в бегство»¹⁹.

В сооружении этих построек древние мастера достигали высокого мастерства. Они умело использовали выгодные для укрепления недоступные скалистые места, откуда можно было обозревать все ущелья в различных направлениях. Боевая башня воздвигалась или по окраинам аула по линии крепостной стены, или внутри поселения в качестве тухумных крепостей. В поселении были устроены затейливые проходы, по которым осажденные могли свободно проходить с одного конца поселения в другой, не выходя на улицу. Одним из укрепленных поселений, например в обществе Асах, в исследуемый период был Ицитль. Это поселение располагалось в естественно укрепленном месте, вокруг него на отвесных скалах были возведены боевые башни. Ни один житель из других соседних поселений не знал его входа и выхода. Согласно устной версии поселение было сожжено грузинским царем Ираклием²⁰.

Характерной особенностью планировки рассматриваемых поселений являлась сплошная застройка улицы жилыми домами типа дома-крепости. Дома, тесно примыкая друг к другу, образовывали как бы сложное оборонительное сооружение. Этим, видимо, можно

¹⁵ Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ, 1868. Т. I. С. 17.

¹⁶ Кавказский календарь на 1861 г. Тифлис, 1860. Отд. III. С. 34—35.

¹⁷ Волконский Н. А. Окончательное покорение Восточного Кавказа // КС. Тифлис, 1879. Т. 4. С. 327.

¹⁸ Эркерт. Кавказ и его народы. Лейпциг, 1887 // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Л. 5.

¹⁹ Известия грузинских летописей и историков о Херсонесе, Осетии, Хазарии, Дидоэтии и России // СМОМПК. Тифлис, 1899. Т. 26. С. 93, 94, 95.

²⁰ Полевой материал // РФ ИИЯЛ. Тетр. 1. С. 10, 11.

объяснить наличие в этих поселениях подземных сообщений, характерных для жителей Западного Дагестана (Антль-Ратль), Дидо, Ункратль).

Дома-крепости, в общих своих чертах — по планировке, строительной технике, расположению хозяйственных, жилых и оборонительных функций, своей социальной и хозяйственной сущности — характерные для всех горцев Главного Хребта, вполне отвечали периоду взаимных и иноземных нападений. Необходимость защищаться от иноземных завоевателей заставляла горцев строить дома-крепости в неприступных местах. Поэтому основной причиной скученности планировки надо считать внешнюю опасность, необходимость успешно отражать нападения иноземных захватчиков.

Боевые башни в целом принадлежали отдельным родственным группам. В случае нападения друг на друга родственные группы вместе со скотом укрывались в своих родословных башнях. Все дома были расположены вокруг собственных башен и отличались высотой. Сообщение между домами поддерживалось при помощи приставной или перекидной лестницы. Хотя башни были родовыми, в основном они предназначались для обороны всего поселения. М. Агларов²¹ пишет, что даже родовые башни во многих случаях предназначались для обороны всего поселения и располагались, как правило, в наиболее стратегически важных точках.

Дома-крепости в основном были характерны для жителей высокогорной зоны Западного Дагестана, ибо пограничная с Закавказьем зона больше всех подвергалась нападению извне. Кроме того, строительство крепостного типа поселений было связано с политической децентрализацией, т. е. отсутствием единого государства, разобщенностью населения.

Такого типа поселения были характерны для горцев Большого Кавказа, в частности тушин, ингушей, чеченцев, хевсур и др. Комплекс жилого помещения с четырехугольной каменной башней, обнесенной каменной стеной, в Ингушетии и Чечне были известны под термином «Гала». Гала представляет собой преимущественно трехэтажное каменное строение на извести, хозяйственные, жилые и оборонительные помещения в котором расположены в вертикальном плане». Аналогичные жилые башни (дома-крепости) имелись и у горцев Грузии²².

«Сложные жилые комплексы,— пишет Г. А. Кокиев,— являются продуктом определенной ступени в процессе общественно-экономического развития. Одинаковые социально-экономические условия способствовали зарождению и развитию одинаковой культуры у ряда народностей горного Кавказа»²³.

²¹ Агларов М. Поселения и жилища Андийской группы народов в XIX—нач. XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. XVI. Сер. обществ. наук. С. 375.

²² Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей // КЭС. Тбилиси, 1968. Т. II. С. 54.

²³ Там же. С. 55; Харадзе Р., Робакидзе А. Мтиулетское село в прошлом. Тбилиси, 1955.

Таким образом, дома-крепости, оборонительные комплексы в основном были характерны жителям союзов сельских обществ Дидо, Антль-Ратль и частично Ункратль. Неразвитость феодальных отношений, характерная для этих обществ в отличие от некоторых других районов Западного Дагестана, подтверждается и особенностью памятников материальной культуры. Они отразились в основном в архитектуре жилищ и поселений этого региона. В отличие от высокогорной зоны в обществах Анди, Ахвах, Каралал, Багулал, Чамалал, Технуцал поселения отличались своей крупностью и густонаселенностью. Жители этих обществ не нуждались в строительстве дома-крепости и оборонительных комплексов. Для отражения внешних нападений они могли выставить нужное количество войска. Это обстоятельство и изменения в социальной структуре, происходившие в этих обществах, оказали большое влияние на строительство жилищ и поселений. Здесь наряду с многоэтажными сооружениями необоронительного характера (хлев-сено-жилье или хлев-жилье-жилье) встречаются одноэтажные сооружения (Анди, Карата). Наиболее распространенным типом было двухэтажное жилище. В некоторых обществах хлева с сараями вынесены за село. М. Агларов в своей диссертации дает подробное описание жилищ андийской группы народностей. Он подразделяет их на типы: простейший тип — однокамерное жилище; второй тип — двухэтажный²⁴.

Таким образом, жилище и поселение как элементы материальной культуры достаточно ярко отражают социально-экономическое и политическое развитие средневекового общества Западного Дагестана.

ОТОПИТЕЛЬНЫЕ И ПЕЧНЫЕ СООРУЖЕНИЯ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX в.

Очаг в связи с изучением жилища у народов Дагестана получил достаточно подробное описание¹. Особо следует отметить работу М. О. Османова, посвященную хлебопечкарным устройствам XVIII—XIX вв., их типологии и районированию². Однако специальной работы, посвященной этой теме, не имеется, и вопросы типологической классификации остаются не разработанными. В предлагаемой статье автором делается попытка систематизировать материал, собранный в процессе работы над атласом, выделить типы и формы отопительных и печных сооружений и их распространения у всех народов Дагестана.

Очаг занимал одно из центральных мест в планировке и интерьере комнаты. Он служил не только местом приготовления пищи, средством отопления и освещения, но и символом единства, благополучия, идеологическим центром семьи. С очагом связаны многие предания и легенды, народы Дагестана почитали его так же, как другие народы Кавказа³. М. Ковалевский писал: «У всех горцев Кавказа очаг и связанные с ним предметы, как-то: котел

¹ Калоев Б. А. Поселение и жилище агулов // КСИЭ. М., 1955. XXIII; Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960; Ее же. Кумыки. М., 1961; Османов М. О. Жилища цудахарцев в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1962. Т. IX; Исламмагомедов А. И. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1965. Сер. ист. Т. XIV; Агларов М. А. Поселение и жилище андийской группы народов в XIX—начале XX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Сер. обществ. наук. Т. XVI; Сергеева Г. А. Арчицы. М., 1967; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пацаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; Ихлов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967; Булатова А. Г. Лакцы (XIX—нач. XX вв.). Историко-этногр. очерки. Махачкала, 1971; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин: XIX—нач. XX в. М., 1978; Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971; Агулы. Махачкала, 1975.

² Османов М. О. Хлебопечкарные устройства народов Дагестана в XVIII—XIX вв.: (Типология и районирование) // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1984—1985 гг. Махачкала, 1986. С. 15.

³ Чурсин Г. Почитание огня на Кавказе. // К. 1862. № 121; Калоев Б. А. Осетины. М., 1967. С. 133; Кобычев В. П. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. // КЭС. М.; Л., 1962. Вып. III. С. 24; Чартолани М. И. Очаг Сванского дома: Из истории материал. культуры грузин. народа. Тбилиси, 1961. С. 216; Мамбетов Г. М. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 146; Чибиров Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970. С. 166—174.

²⁴ Агларов М. А. Андийская группа народностей в XIX—нач. XX вв. // Дис. ...канд. ист. наук. М., 1967.

и цепь, к которой он привешен, в большей или меньшей степени признаются предметами священными и символически выражают собою семейное единство»⁴.

Очаг, как и само жилище, на протяжении веков изменялся и развивался в тесной взаимосвязи с развитием материальной культуры, строительной техники, культурно-бытовых требований семьи. Он прошел путь от срединного открытого костра в центре комнаты до современной капитальной кирпичной печи с духовкой и плитой, тем самым вызывая в свою очередь, изменения внутренней планировки и обстановки жилища. Эти этапы эволюции очага можно проследить по материалам XIX в.

Наиболее ранней формой очага является открытый огонь — костер, разводимый посреди комнаты. В начале XIX в. в Дагестане он характерен для однокамерного жилища аварцев (в горах) и как остаточное явление встречается у даргинцев, лакцев, лезгин, агулов, кумыков.

Для огня в одних случаях имелось небольшое углубление от 70×70 см до $1,5 \times 1,5$ м, нередко обложенное, как и место вокруг него, толстыми огнеупорными каменными плитами, а в других — огонь разводился на площадке из плит, находившейся на уровне земляного пола комнат.

Когда очаг находился в углублении, вокруг него имелся выступ, на который можно было садиться, опустив ноги ближе к жару. Площадь очага, находившегося на уровне пола, нередко ограждали невысокими каменными плитами, чтобы огонь не рассыпался и не попадал на подстилки (шубы, войлок, палас и т. д.).

Существенным элементом очага являлось приспособление для установления посуды. Оно бывало трех видов: подставка, треножник и цепь. Подставки бывали каменные, каменно-глиняные. Каменных подставок обнаружено сравнительно немного, и они нередко сочетаются с надочажной цепью. При таком сосуществовании на подставки ставилась каменная плита, позднее лист железа или чугунная сковородка, предназначенная для жарки и выпечки хлеба, тогда как на цепь подвешивали котел для варки. Специально обработанный камень, служивший переносной очажной подставкой, видимо, был древнейшей формой подставки, на которую подходили по форме керамические очажные подставки ранних эпох⁵. Видимо, на смену керамической очажной подставке пришел железный треножник, который вошел в быт горцев с освоением местной металлургии. Треножник и цепь могли существовать одновременно в одном доме, выполняя при этом разные функции.

Надочажная цепь — приспособление для подвешивания посуды, в которой готовят пищу — имела несколько крючков на разной

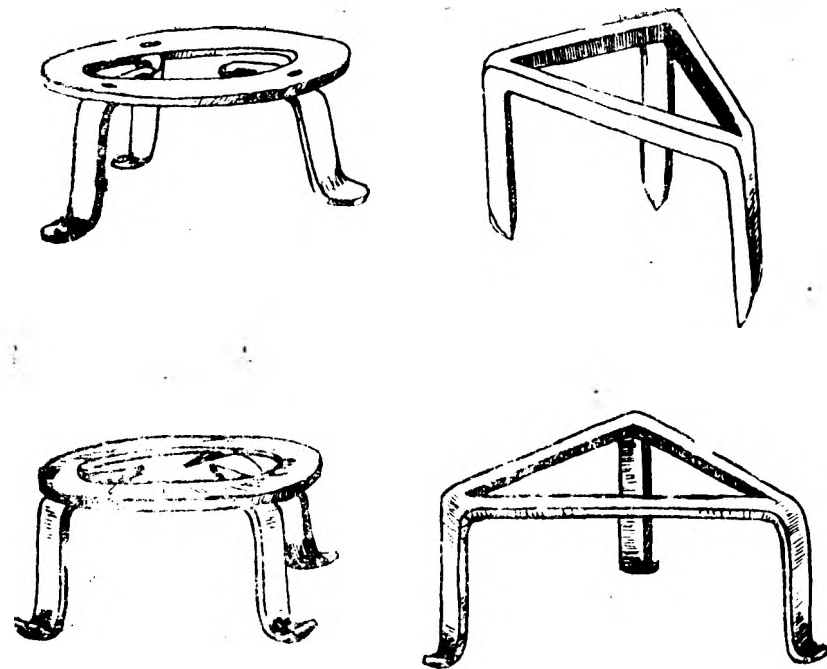

Рис. 1. Виды треножников

высоте, позволявших подвешивать одновременно несколько котлов, но большей частью служивших для укорочения или удлинения цепи. Цепи эти имели разные формы, в зависимости от фантазии кузнеца и заказа хозяина. В основном они были кованые, состояли из набора звеньев разной формы, размера. На очажной цепи мастер выказывал свое умение, уважение к предмету, о чем свидетельствуют часто встречаемые фигурные элементы, витые детали.

В прошлом не каждый горец имел возможность приобрести железную цепь. По свидетельству старых кузнецов, в конце XIX в. железо, и особенно сталь, достать было трудно, и стоило оно дорого. Так, кусок стали для приваривания к лемеху или рабочей части прямоугольного серпа обменивался на курдюк или сушеное мясо по весу один к одному. Каменный уголь, который давал высокую температуру, необходимую для расплавления металла, был большим дефицитом в горах, его добывали в труднодоступных местах меж скальных пластов. Это обуславливало дороговизну железной цепи, и в домах над очагом часто висели деревянные палки с крюком на конце. Железная цепь и деревянная подвеска с привязанным к концу кожаным ремнем закреплялись к балке потолка.

Сооружение дымаря (дымохода) над центральным очагом в домах дагестанцев не практиковалось.

⁴ Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 38.

⁵ Абибуллаев О. Энеолитическая культура Азербайджана (По материалам Кюльтепе) // Материалы по археологии Дагестана (в дальнейшем МАД). Махачкала, 1961. Т. 2. С. 78—79; Котович В. М. Верхнегунибское поселение // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 102.

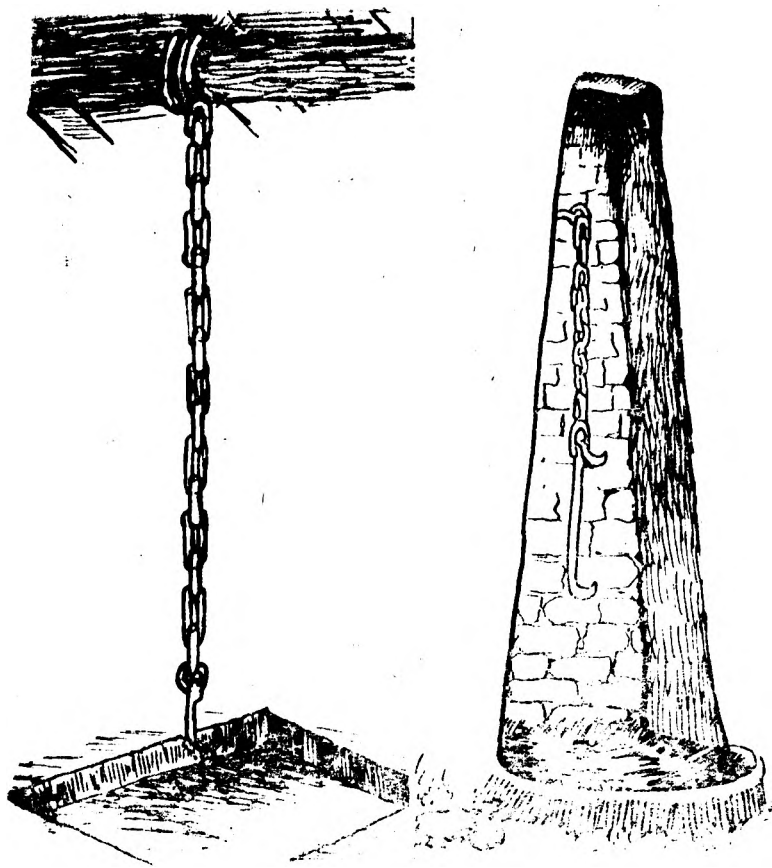

Рис. 2. Надочажные цепи

Другая форма открытого очага была характерна для жилища южных кумыков и даргинцев предгорных районов, богатых лесами. Очаг находился в специальном отсеке, отгороженном от жилой комнаты тонкой перегородкой. У даргинцев перегородка, как правило, до пола не доходила. Огонь разводили в полукруглом углублении, открытом в сторону жилой комнаты (ко входу в отсек) на расстоянии 50—70 см от линии перегородки. Это был очаг-костер без дыма, перегородка изолировала жилую комнату от дыма — он выходил через отверстие в потолке. Греться у очага и присмотреть за огнем можно было и не заходя внутрь отсека. Над очагом висела цепь с крючками, прикрепленная к специальным жердям под потолком или к потолку.

Функционирование открытого центрального очага, как правило, связано с размерами жилого помещения. Длительное бытование открытого очага в дагестанском жилище (хотя отопительные сооружения более развитого типа горцам были известны давно), как

и сама форма жилища, следует, видимо, объяснить особым местом, занимаемым им в жизни народа, особой ролью, предписываемой ему. Не очаг сам по себе, а именно открытый очаг — огонь, бывший «у всех языческих народов объектом поклонения, духом-покровителем»⁶, являлся почитаемым местом в жилище, символом благополучия семьи, организующим идеологическим центром для определенной кровнородственной группы, члены которой живут не под одной крышей. Открытая форма очага, возможно, была и «древнейшей традицией, связанной с культом предков»⁷.

Древность традиций, связанных с культом очага, показывает большую роль огня как магической, очистительной силы в погребальных обрядах древних горцев⁸. И почтительное отношение, страх и уважение горцев к огню, независимо от того, очажный или нет, сохранялось еще в конце XIX в.

Открытый очаг и центральный столб «связаны не только территориально»⁹, но и идеологически, единым культовым значением, и эта связь находит отражение во многих обычаях и обрядах, существовавших в XIX в.¹⁰

С перемещением очага от центра комнаты к стене он теряет свое идеологическое значение. Насколько удалось выяснить по этнографическим материалам, очаг выступает как почитаемое, священное место в жилище тогда, когда он занимает центральное место, и чем раньше происходит перемещение его к стене, тем слабее в народе сохраняется представление о почитании огня и культе очага.

Безусловно, центральный открытый очаг удобен в большом помещении и лучше обогревает большое количество людей. Перемещение очага к стене вызвало большие изменения в планировке и во внутреннем убранстве жилища. Изменился не только порядок размещения вещей и утвари, но и порядок расположения членов семьи. Серединный очаг, функционирование которого сопряжено с большими размерами комнаты, являлся центром жилища, определяющим всю его внутреннюю хозяйственно-бытовую планировку, тогда как пристенный очаг, характерный для помещений небольших размеров, не играл существенной роли в жизни семьи. Пристенный (угловой) очаг больше соответствовал быту небольшой, по количеству членов семьи, и, видимо, перемещение его произошло в период интенсивного выделения малых семей и разрушения

⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 58.

⁷ Никольская З. А. Из истории аварского жилища // СЭ. 1947. № 2. С. 162.

⁸ Круглов А. П. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. // МИА. 1958. № 68. С. 58; Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 31—32; Гаджиев М. Г. Гинчийский могильник — памятник эпохи бронзы горного Дагестана // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2. Л. 104.

⁹ Никольская З. А. Указ. соч. С. 162.

¹⁰ Гаджиева С. Ш. Народное жилище каякентских кумыков // СЭ. 1953. № 3. С. 32. Например, обычай, когда при трауре на место, где раньше находился центральный столб и очаг, сажают самую близкую к умершему старшую женщину; Материальная культура аварцев. С. 167.

семейной общины. Живучесть срединного очага, как и жилых помещений больших размеров, вероятно, объясняется их общественным значением, идеологическими представлениями и традициями.

Открытый тип очага имел еще одну форму, характерную для жилища рутульцев и цахуров. Он (*лахха*) располагался в центре комнаты в виде ямы конусообразной формы. Существовали два способа сооружения его: 1) яму, вырытую в полу, изнутри обмазывали специальной глиной желто-красного цвета с добавлением конского волоса или козьей шерсти с последующим нанесением узоров на внутренних стенках; 2) в яму вкапывали заранее подготовленную широкую трубу формы усеченного конуса из того же материала, что и в первом случае. Открытое верхнее отверстие очага находилось на уровне пола комнаты. Очаг имел приблизительно размеры: глубина — 60—70 см, диаметр основания — 50—60 см, верхнего отверстия — 30—35 см. Сверху в него засыпался угольный жар и подкладывались дрова до нагревания стенок, однако пламя редко поднималось до уровня пола.

Очаг выполнял двоякую функцию: служил отопительным сооружением и хлебной печью. В редких случаях на нем (на треножнике) готовили пищу. Хлеб (одновременно 6—7 штук) пекли нанутренних раскаленных стенках. Сверху отверстие закрывали специальной плитой, которая регулировала жар в печи.

Зимой над раскаленным очагом ставили специальную деревянную табуретку и сверху накрывали паласом, одеялом. Семья садилась вокруг очага, подсовывали ноги под палас и обогривались таким образом, а глава семьи, мать, маленькие дети и спали в таком положении, укрывшись овчинными шубами, одеялами. В целом все это сооружение — очаг, табуретка, покрытые паласом или одеялом, называлось бол. Накрытый очаг был широко известен, и как средством обогрева им пользовались многие народы Кавказа и мира⁴¹.

Для приготовления пищи в жилище существовал пристенный очаг с дымарем или камин.

Видимо, замена открытого очага-костра более совершенным видом, углубленным в пол, произошла довольно рано. Углубленные в пол центральные очаги (в виде круглых ям с обмазанными и обожженными стенками) обнаружены в горном Дагестане в жилищах раннебронзовой эпохи¹² и в развалинах старых цахурских и рутульских домов. Там же найдены специально изготовлен-

⁴¹ Габиев Д.-М. С. Эволюция лакского жилища (XVIII—XX вв.) // КЭС. М., 1969. IV. С. 158; Народы Кавказа. М., 1962. Т. II. С. 116; Очерки общей этнографии: Зарубеж. Азия. М., 1959. С. 420; Народы Передней Азии. М., 1957. С. 197 (Народы мира).

¹² Гаджиев М. Г. Раскопки поселения раннебронзовой эпохи в горном Дагестане // Археологические открытия 1970 года. М., 1971. С. 104; Его же. Чиркейское поселение раннебронзовой эпохи // Тез. докл. посвящ. итогам полевых археол. и этногр. исслед. в СССР в 1970 г.: (Археол. секции). Тбилиси, 1971. С. 47.

ные очажные подставки¹³. Наличие очажных подставок в жилище горцев раннебронзовой эпохи наряду с круглыми ямами в центре свидетельствует об одновременном бытовании в одном жилище двух типов очага с разными назначениями: яма служила средством отопления и могла использоваться для выпечки хлеба, а для приготовления пищи существовал пристенный (угловой) очаг с подставками. Бытование двух названных типов очага в одном жилище с разными назначениями было характерно для рутульского и цахурского жилища XIX в.

Суммируя приведенный материал, можно сделать заключение, что образование двух видов очага с определенными функциональными назначениями произошло еще в бронзовом веке (III тысячелетие до н. э.) и их непрерывно параллельное сосуществование в жилище народов Дагестана длилось до конца XIX в.

Преобладающим типом очага в дагестанском жилище в половине XIX в. был пристенный очаг с дымарем. Перенесение очага от центра комнаты и появление дымохода стало важным этапом в развитии системы отопления. У рутульцев и цахуров это могло произойти одновременно с превращением открытого очага в углубленный, ибо последний не был приспособлен для приготовления пищи.

Первоначально очаг от центра комнаты был, видимо, перенесен в угол: над ним легче сооружать дымарь и сохранять огонь в очаге. Но угловой очаг широкого распространения не получил и носил отпечаток временности, незавершенности. Обычно угловые пристенные очаги сооружались в помещениях сезонного характера, на мельницах, верандах, под навесом в качестве летней кухни (место приготовления пищи), они встречаются в наиболее старых жилых помещениях. Характерно, что в жилых комнатах определенного устойчивого угла (места) для очага не существовало, он мог быть сооружен в любом углу комнаты.

Дымари пристенных очагов по сравнению с угловыми выполнялись более капитально и аккуратно. Обычно конструктивно они состояли из камня (в гор...), камня и турлука или из турлука (в предгорье и на равнине). Дымарь свисал над очагом, или строился от пола. В первом случае обычно на высоте 40—60 см от уровня пола в стене над очагом оставляли два консольных камня, на которые опиралась каменная плита — основание дымаря. Плиту с внутренней стороны обязательно, нередко и с лицевой стороны, обмазывали огнеупорной глиной для прочности. Во втором случае, когда дымарь строился от пола, надочажная плита и все остальное сооружение опирались на два камня — подпорки или на две невысокие стенки по бокам очага, и тогда открытой оставалась только передняя сторона его.

Дымарь при разных размерах (иногда ширина доходила до 2 м) от стены выступал на 1 м и более, по высоте занимал всю

¹³ Там же.

стену до потолка) имел в целом одинаковую конструкцию и конусообразную (усеченной пирамиды) форму.

В качестве подставки пользовались железным треножником или с обеих сторон топки делались подставки из камня и глины, имевшие часто полукруглую форму. Подставки с внутренней стороны обмазывались специальной желтой глиной с добавлением мякины (тот же самый материал, что применялся и для приготовления хлебной печи), чтобы можно было на раскаленных стенках испечь хлеб. Нередко над очагом изнутри дымаря свисала цепь.

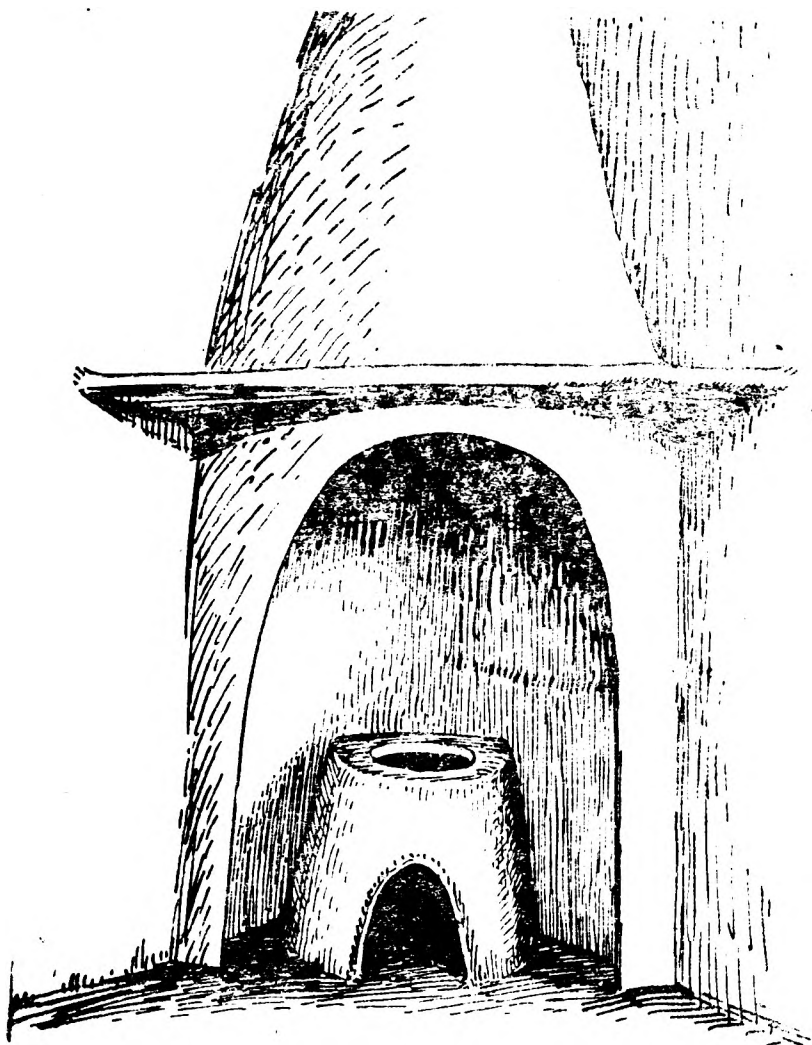

Рис. 3. Пристенный очаг *кор* (авар.), *тарум* (дарг.), *кара* (лак)

В рассматриваемое время наряду с пристенными очагами имели распространение и камины, дымоходный канал которых заранее оставляли в стене жилища в виде трапециевидной ниши. Чаще камины строились в нарядных комнатах, где сосредоточивалась лучшая мебель и другое богатство семьи. Часто встречалось такое явление: в семейной комнате функционировал пристенный очаг, а в парадной (гостиной) — камин, который затапливался в редких случаях.

В жилищах лакцев, часто аварцев (андалалцев) и даргинцев (в горах) внутри пристенного очага (в основании) устанавливалась специальная глиняная печь, которая могла быть использована одновременно и для приготовления пищи, и для хлебопечения. Это сооружение в безлесных горных районах имело существенное преимущество перед открытым очагом в экономии топлива и сохранении тепла.

Устанавливаемое в основании пристенного очага печное сооружение в жилищах лакцев — *кара*, аварцев — *кор*¹⁴, даргинцев — *тарум* имело ограниченный ареал — встречалось только в Центральном Дагестане. Стояло оно и вне жилой комнаты — во дворе под навесом или еще в каком-нибудь укрытом для дождя месте и использовалось в летнее время.

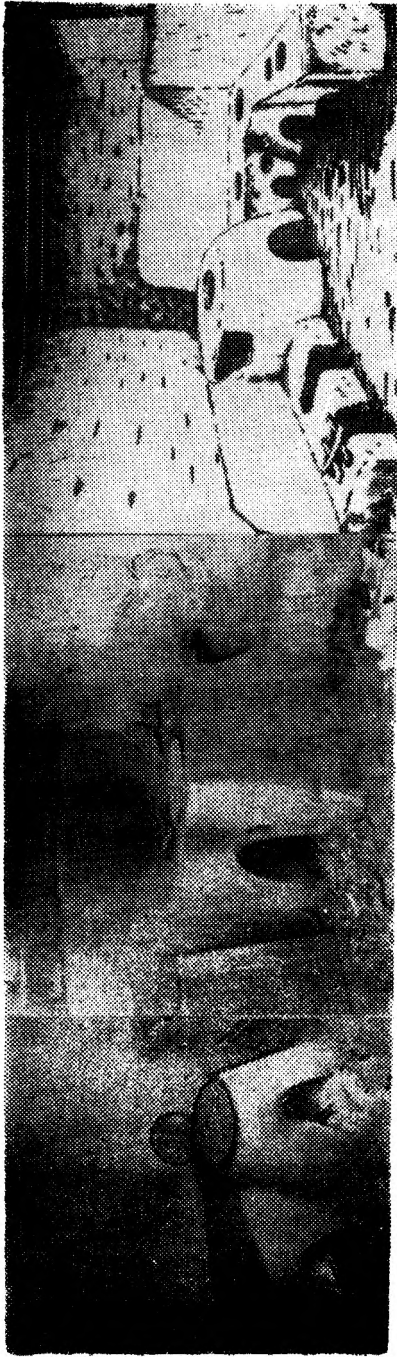
Печное сооружение имело форму усеченного конуса с двумя отверстиями: сверху — для котла и выхода дыма, снизу — для топки. Делали его из желтой специальной вязкой глины с добавлением конского волоса или козьей шерсти для прочности. Своей конструкцией это сооружение напоминало широко распространенный в Закавказье *тэндир*, но имело небольшие размеры: высота 50—60 см, диаметр основания — 40—45 см., верхнего отверстия — 15—20 см.

Перед топкой в полу комнаты делалось небольшое углубление, огражденное невысоким земляным валиком, куда выгребали жар и горячую золу из печи. Чтобы испечь хлеб в такой печи, сначала прокалывают ее сильным огнем; когда остается жар, к внутренним стенкам, имеющим насечки в виде решеток (рисунок зависит от фантазии мастерицы, но обязательно линии должны удерживать хлеб от сползания на дно), прилепляют заготовленные хлеба (тесто) и закрывают отверстия.

Помимо вышеуказанных комнатных отопительных сооружений у народов Дагестана в XIX в. существовали специальные хлебные печи и печи, предназначенные для хлебопечения и поджаривания (подсушивания) зерна перед помолом.

Большое распространение в Южном Дагестане (лезгины, табасаранцы, цахуры, азербайджанцы) получила хлебная печь *тондыр*. По своей конструкции, форме *тондыр* дагестанский не отлучается от распространенного закавказского типа. Вырытую в земле яму

¹⁴ У аварцев для всех типов хлебных печей и печей для поджаривания зерна существует одно название — *кор*, хотя печи различны как по конструкции, так и по принципу работы.

Рис. 4. Виды хлебопекарного сооружения кор, тарим, кара

Рис. 5. Виды хлебной печи тондыр

диаметром от 70—80 см до 1,20 м с суживающимся верхним отверстием, глубиной до 80 см изнутри обмазывали специальной вязкой желтой глиной с добавлением мякины и конского волоса обжигали или в яму вкапывали готовый глиняный сосуд. Устанавливали его во дворе или в специальных помещениях, построенных для этого. Нередко тондыр сооружался на полу, но когда вкапывали в землю, с одной или с двух сторон делали углубления, куда становились женщины во время работы.

Тондыры встречаются разных размеров и разных форм устройства. Наиболее оригинальные обнаружены в высокогорных лезгинских селениях в двухэтажном жилище. Они расположены на втором этаже, в центре помещения, под ними находятся круглые каменные столбы, в тело которых они заглублены. На расстоянии одной трети от дна в стенке печи проделано небольшое круглое отверстие, которое соединено с каналом (керамическими трубами), выведенным под полом наружу для притока свежего воздуха — образования тяги.

Одновременно в печи тондыр можно выпечь до 10 штук хлеба, в ней пекут хлеб только из кислого теста.

Наиболее распространенный тип хлебной печи, который, как и предыдущий, в XIX в. не выполнял отопительные функции и функции приготовления пищи, представлен в основном двумя видами: четырехугольным сооружением с двумя горизонтальными отделениями, разделенными невысоким бортиком (аварский *кор*, кумыкский и терекеменский *керюк*, даргинской *кари*), и печи с двумя вертикальными камерами (южнодагестанский *хьар*, аварский *кор*, даргинский *кари*).

Первый вид печи характерен непосредственным соединением топочной и обогревательной камер. Высота камеры примерно 35—40 см, глубина и ширина — около 1 м. Основанием служила каменная плита. Место для огня отгорожено справа от остальной камеры на всю длину невысоким 8—10 см глиняным валиком (барьером), чтобы зола и угли не попали на хлеб и зерно. Огонь вначале разжигался на всей площади печи, чтобы нагреть плиту, затем, когда плита нагревалась, огонь и жар отодвигались в топку и плита начисто вытиралась тряпкой. Во время рабочего процесса пламя, стелясь под сводчатой крышей, обогревая всю камеру, выходило в трубу, находящуюся в левом переднем углу или в центре. Существовали печи и без трубы, огонь и дым в таком случае выходили по всему переднему краю.

У кумыков такие печи ставились во дворе под навесом или на веранде нижнего этажа и являлись собственностью одной семьи, которая ими и пользовалась; у даргинцев и аварцев печь могла принадлежать одному человеку (так оно чаще и было), но пользовались ею ближайшие соседи, родственники с небольшой платой хозяйке, которая присматривала за нею. Чаще у горцев печь находилась в специальном небольшом общественном помещении для коллективного пользования.

Печи с вертикальными камерами имели широкое распростране-

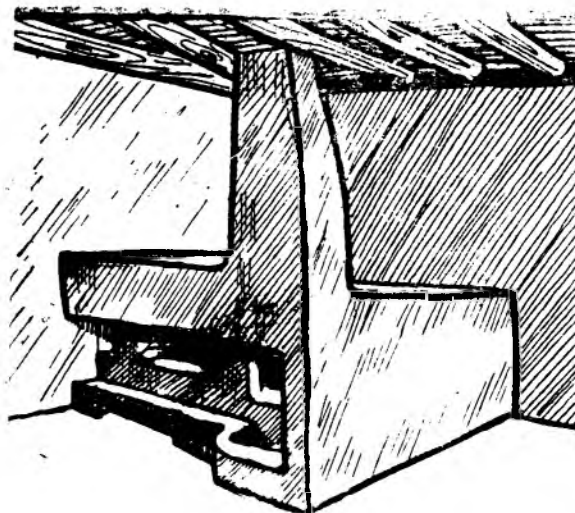

Рис. 6. Керюк

Рис. 7. Печь кари

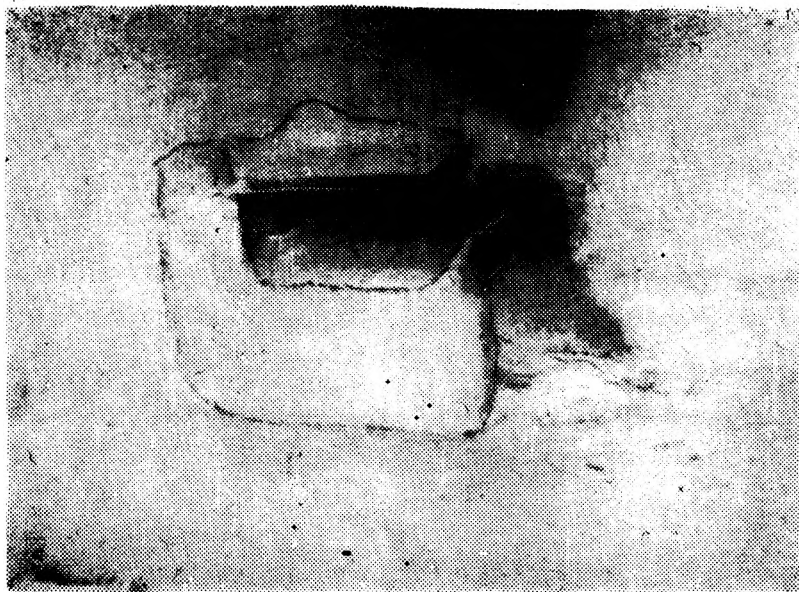

Рис. 8. Печь *хвар*

ние, разнообразны в формах и размерах. Но несмотря на это разнообразие, они однотипны по конструкции и едины в своем назначении. Для печей народов Центрального Дагестана рабочей поверхностью (на чем пекут хлеб и поджаривают зерно) служила каменная плита, иногда обмазанная глиной, а в Южном Дагестане основным элементом ее являлась плита *хвар* (собственно, она и дала название всей печи), изготавливаемая из специальной желтой глины с добавлением козьей шерсти, мякины. Она имела круглую форму диаметром около 50 см, невысокие борта с несходящимися концами. Сушили ее в тени, чтобы не треснула впоследствии и обжигалась.

Готовая плита устанавливалась на высоте 30 см от пола над двумя параллельными стенками из камня и глины — топочной камерой. Огонь, разведенный под этой плитой, нагрев плиту снизу, из топочной камеры уходил к задней стенке печи и оттуда, поднявшись через отверстие — щель, проникал в обогревательную (рабочую) камеру, где, стелясь под перекрытием ее, поджаривал хлеб (зерно) сверху и выходил или спереди или сбоку. В редких случаях делалось специальное отверстие с небольшой дымоходной трубой для выхода дыма и огня. Размеры этого сооружения в Южном Дагестане колебались в пределах 50×70 — 60×80 см при высоте 70—80 см, а у аварцев, даргинцев оно — более крупных размеров, массивнее.

У некоторых печей как с горизонтальными камерами, так и с вертикальными в перекрытиях оставлялись небольшие круглые

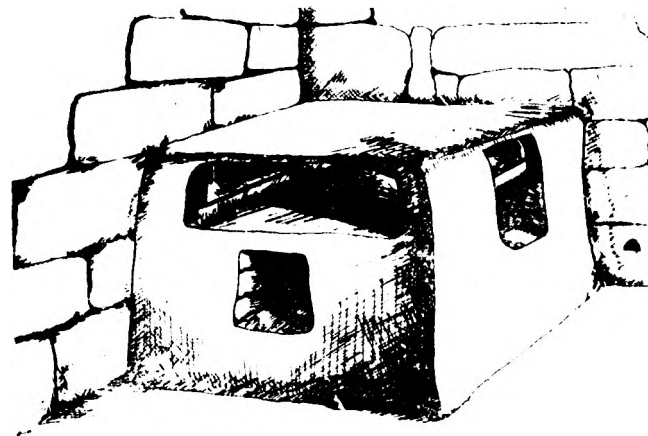

Рис. 9. Печь *хвар*

отверстия, на которые можно было ставить посуду для приготовления жидкой пищи.

В отдельных случаях в Южном Дагестане хлебная печь находилась в одном из помещений жилища, хотя, как правило, для этого имелось на улице специальное небольшое помещение. Таких помещений (общественные пекарни) было в каждом селении несколько, по одному в каждом квартале. Видимо, в далеком прошлом эта печь (генетически оба вида, возможно, восходят к одной форме) находилась в помещении, которое принадлежало одному большому родственному коллективу (семейной общине). При сегментации, разделении большой семьи на более мелкие группы печь оставалась общей собственностью, общей пекарней. Со временем ее вынесли в специальное помещение и она превратилась в общественную пекарню.

Этот тип печи является очень древним, известным горцам еще с эпохи бронзы, и судя по археологическим материалам, располагался в жилых помещениях для их обогрева и приготовления пищи¹⁵. Обожженные плиты типа «*хвар*» обнаружены на памятниках раннебронзовой эпохи в горном Дагестане¹⁶.

Нам представляется возможным считать, что аварский *кор*, кумыкский *керюк*, даргинская *кари*, и южнодагестанский (лезгинь; табасаранцы, агулы, рутулы, цахуры) *хвар* является элемен-

¹⁵ Круглов А. П. Указ. соч. С. 20—32; Канивец В. И. Памятники бронзового века на Сулаке // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2326. Л. 12; Его же. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1957. Т. III. С. 158; Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965. С. 37—38; Гаджиев М. Г. Чиркейское поселение раннебронзовой эпохи. С. 47.

¹⁶ Гаджиев М. Г. Раскопки поселения раннебронзовой эпохи в горном Дагестане. С. 104.

том единой материальной культуры горцев Дагестана, приобретший со временем локальные индивидуальные особенности, объясняемые традициями этнического порядка. Обращает на себя внимание и такой факт, как единство в способах и материалах изготовления (специальная вязкая желтая глина с добавлением жесткого волоса) углубленного центрального очага и печных сооружений — *тондыра* центральнодагестанского вида (аварского *кора*, лакского *кара*, даргинского *тарум* и плиты *хьар* в Южном Дагестане). Их общность происхождения, единство генетических корней подтверждают, на наш взгляд, и языковые данные: слова *кор*, *кара*, *керюк* имеют единую прооснову со словом *хьар* — единым названием хлебной печи для многих разноязычных народов, и близки по произношению.

Интересно одно обстоятельство: одновременное бытование (по археологическим материалам бронзового века и последующих эпох) разных типов очага — печного сооружения с двумя горизон-

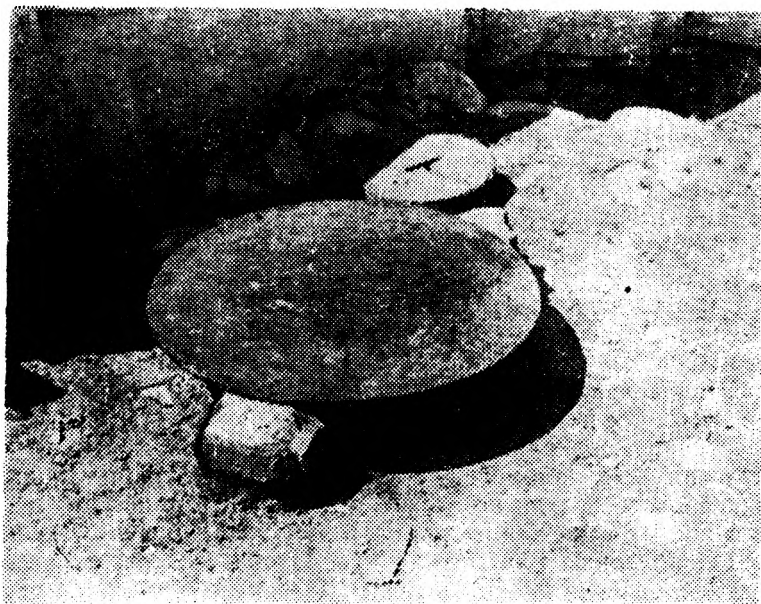

Рис. 10. Садж

тальными отделениями (оно находилось в небольшом помещении, служившем прихожей), центрального углубленного очага (находился в жилом помещении круглой формы), наземного очага с подставками для посуды¹⁷. Все эти три типа очага существовали и активно использовались народами Дагестана и в XIX в. Каж-

¹⁷ Гаджиев М. Г. Чиркейское поселение раннебронзовой эпохи в горном Дагестане...

дый из них имел свое функциональное назначение, два из них могли находиться в одном помещении: очаг с подставками и печь или очаг с подставками и углубленный очаг.

С древнейших времен горцы пользовались и плитами.

Тонкий хлеб из пресного теста, в том числе и слоеный чуду с разными начинками, кислые хлебцы (сухая закваска) для приготовления бузы (слабоалкогольный хлебный напиток) пекли на каменной плите, поставленной на подставку. На смену ей пришел металлический щит круглой формы — *садж*. У лезгин и рутульцев встречается *садж* слегка вогнутой формы (куполообразный), в некоторых случаях обмазанный глиной с нижней стороны. В Южном Дагестане (у лезгин, агулов, рутульцев, табасаранцев, азербайджанцев) небольшое распространение имела и специально изготавливаемая аналогично *хьар* глиняная плита. Глиняная плита устанавливалась стационарно на подставках где-нибудь под навесом, тогда как металлическим *садж* или каменной плитой пользовались где угодно, используя в качестве подставки железный треножник или камни соответствующих размеров.

Для северных кумыков и предгорных аварцев характерным отопительным сооружением XIX в. была каменно-глиняная печь (название «печь» заимствовано позже у русских). Пристенные очаги и каминны у северных кумыков не имели широкого распространения, других отопительных сооружений (типов очага) не обнаружено. Комнатная печь имела много общего по своей конструкции с печами для выпечки хлеба и поджаривания зерна, сооружаемыми издавна во дворе (*керюк*, *кор*), но меньших размеров

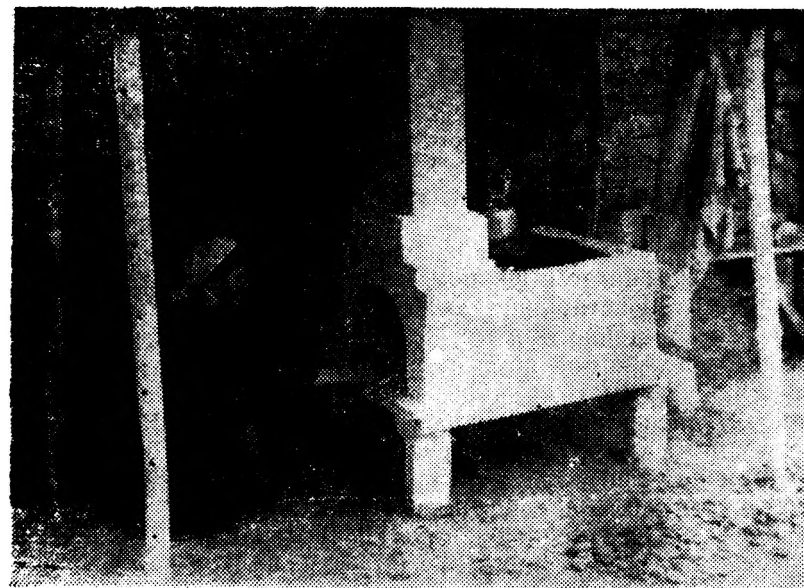

Рис. 11. Каменно-глиняная печь

и совершеннее элементами. Видимо, в этом микрорайоне продолжала существовать печь, возникшая в далеком прошлом, или, если допустить, что она не находилась в жилой комнате, произошло превращение ее в комнатную печь, используемую и для приготовления пищи, и для выпечки хлеба, и для отапливания помещения.

В некоторых комнатных печах в отличие от дворовой отсутствовал валик, разграничивающий от остальной части камеры место, где разводился огонь, и когда пекли хлеб, огонь с плиты отодвигали к стенке. Обычно под рабочей камерой (она же и топочная одновременно) была глубокая ниша, где хранился небольшой запас топлива. Ниши для хранения топлива характерны и для других видов печей.

С развитием жилища и изменением общественного и семейного уклада, расширением культурно-экономических связей с другими народами, в первую очередь с русскими, отопительные средства подверглись значительным изменениям. Постепенно исчезают центральный и открытый очаги (в том числе и очажные отсеки), уменьшаются количественно пристенные очаги, которые эволюционируют в камин.

Камин становится основными элементами в интерьере жилища второй половины XIX в. Они украшаются разными полочками, бордюрами, лепными узорами, резьбой, небольшими фигурными нишами, решеткой и т. д. Лицевая часть каминов оформлялась особенно тщательно, ей придавали декоративную нагрузку, достигая при этом художественного совершенства. Прежде всего такими декоративными элементами камин стали отделять в наиболее нарядных, убранных комнатах, отчего у многих народов Дагестана они стали называться *тавхана* — каминными комнатами.

Камин имели различные формы: выступающие от стены наподобие дымарей пристенных очагов, выдвинутые на 15—20 см, и совсем забранные в стены жилища.

При строительстве дома с камином у цахуров часто делали спаружи стены выступ для размещения дымохода. Эти выступы, как правило, не доходящие до земли, опираются на деревянные консоли. «Такие выступы характерны только для цахурского жилища и больше нигде в Южном Дагестане не делаются»¹⁸.

В общем в конструкции каминной стены имелось много общего с дымарем пристенного очага, но выполнена она более аккуратно. В случае, когда камин не выступал от стены комнаты, конусообразную нишу (дымоход) закрывали каменными плитами. Топочное отверстие почти всегда делалось арочной формы. В полу, перед топкой, имелось полукруглое неглубокое углубление, куда выгребали горячие угли и золу. Внутри камин, как и в пристенном очаге, лакцы, часть аварцев и даргинцев ставили конусовидную печь, особенно в семейной комнате, тогда как в нарядной камин

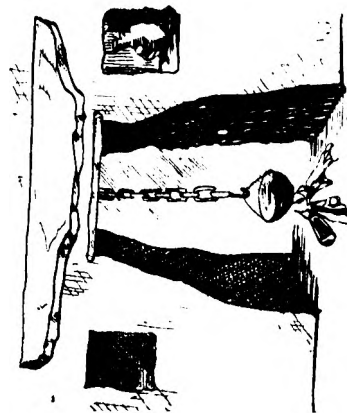
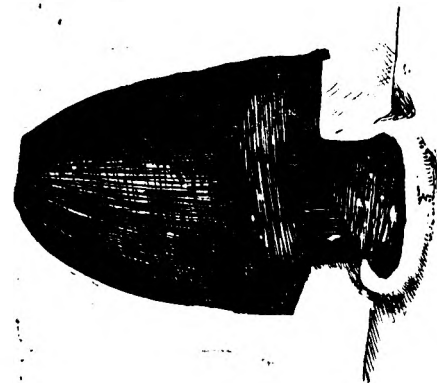
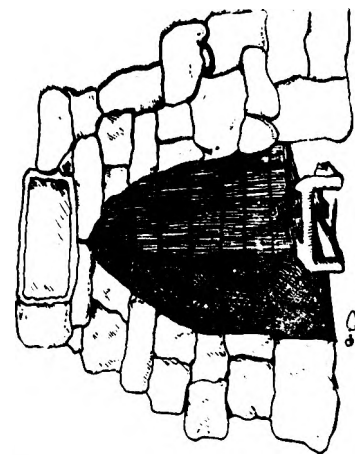

Рис. 12. Камин без навесов

¹⁸ Хан-Магомедов С. О. Архитектура цахуров. // Архит. наследство. 1961. № 13. С. 41.

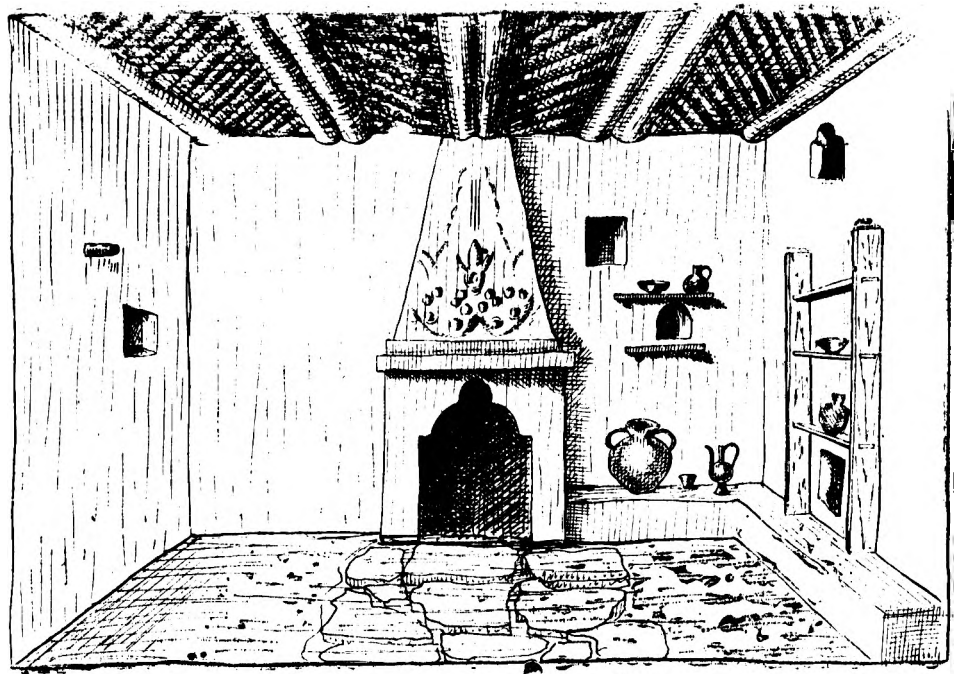

Рис. 13. Камин с навесом

оставался нетронутым. В отдельных случаях в лакском жилище обнаружено одновременное бытование в одном помещении камин и печи (*кара*), выполняющих разные функции.

В конце XIX в. у зажиточной части населения Дагестана стали появляться заимствованные у русских железные печи, которые в горных районах вскоре заняли в быту господствующее положение в силу своей практичности (быстрое нагревание) и экономии топлива. В это время все существующие печи были привозными и стоили они, по словам информаторов, недешево. Кроме того, у них был существенный недостаток — резкие перепады температуры: печь как нагревалась, так и остывала быстро.

У кумыков, предгорных даргинцев и аварцев, табасаранцев и азербайджанцев во второй половине XIX века широкое распространение повсеместно получает каменная печь. Она является усовершенствованным вариантом существовавшей в Дагестане в прошлом каменно-глиняной печи. Один из вариантов такой печи прежде встречался у северных кумыков и предгорных аварцев.

Комнатная печь представляет собой четырехугольное сооружение из камня и глины размерами примерно 40—50 см × 80—10 см, высотой 50—60 см. В основание камеры кладут каменную плиту, на которой разводят огонь и пекут хлеб, в перекрытии имеется

два отверстия разных диаметров, дымоход устроен в передней части, топка открытая, без дверцы. Иногда ее ставили на невысокие ножки, используя пространство под нею для складывания топлива и т. д. Встречаются печи, у которых дымоходное отверстие имеется в задней части, у стены комнаты.

В лакском жилище второй половины XIX в. существовала обогреваемая теплом от очага тахта¹⁹ (*печкара, лакъшани, лакърукара, пахукара*). С виду это обычная, каменно-земляная тахта высотой около 60 см со встроеным с краю очагом (*кара*).

Имеются случаи, когда устанавливалось по два очага. Главная особенность этого сооружения — конструкция, позволяющая использовать тепло очага для обогрева поверхности тахты — места, где семья проводила зимой все свое время: спала, отдыхала, принимала пищу, выполняла мелкие работы и т. д.

Находилась тахта, как правило, в очажной (зимней) комнате, занимая от одной трети до двух третей ее площади, и представлена она во всех случаях одинакового типа сооружением. По переднему краю, от стены до стены, вертикально оставлены каменные плиты (в отдельных случаях посередине оставлено небольшое углубление — ниша *усликлайклану* для обуви), за которыми такими же плитами выложен канал (шириной 20—25 см) в несколько оборотов. Рисунок канала зависит от месторасположения очага. Сверху у очага оставляется небольшое отверстие, соединенное с каналом, переходящим у дальней стены комнаты в вертикальную дымоходную трубу. На вертикально поставленные плиты накладываются такие же каменные плиты, но больших размеров, и всю поверхность тахты замазывают тонким слоем глины с мякиной (чтобы не треснула при засыхании). Готовую тахту застилали паласом, ковром. Тепло и дым, проходя по каналу, обогревали ее снизу. Очагом, соединенным с тахтой, пользовались только в зимнее время.

Обнаружены в лакском жилище и небольшие обогреваемые лежанки, используемые только во время сна.

Подобная система отопления жилища (или места сна) не имеет аналогий ни в Дагестане, ни на Кавказе. Она была повсеместно распространена на территории, заселенной лакцами (за исключением селения Бурши, где не смогли выявить ее бытование), и, как утверждают информаторы, появилась в конце XIX века, хотя некоторые признаки (наличие в наиболее старых домах, повсеместное бытование, характерная для горской архитектуры конструкция и т. п.) говорят за ее раннее возникновение.

Таким образом, систематизация отопительных и печных сооружений показала, что в XIX в. в Дагестане бытовало несколько типов и форм очагов и хлебопекарных устройств, имевших определенное территориальное распространение.

¹⁹ Булитова А. Г. Лакцы. С. 99.

Очаги: открытый огонь как пережиточное явление (авар., дарг., лак., кум., лезг., агул.); посрединный ямный очаг — *лахха* (рут., цах.), пристенный очаг с подставками с дымарем, камин (все народы Дагестана); конусообразный закрытый очаг с отверстием для топки (авар. — *кор*, дарг. — *тарум*, лак. — *кара*); каменно-глиняная печь (сев. кум., авар.); железная печь (все народы Дагестана).

Хлебопекарные устройства: *тондыр* (лезг., таб., цах., азерб.); с одной камерой, разделенной бортиком — *кёрюк* (кум., терек.), *кор* (авар.), *кари* (дарг.); с двумя вертикальными камерами *хьарь* (лезг., агулы, рут., цах.); конусообразное с отверстием для топки — *кор* (авар.), *тарум* (дарг.), *кара* (лак.); *лахха* (рут., цах.); каменно-глиняная печь (сев. кум., авар.); плита (народы Центр. Дагестана), металлический *садж* (лезг., рут., лак., агул., цах.).

В заключение можно сказать, что *тондыр*, многофункциональное ямное устройство *лахха*, конусообразный закрытый очаг *кор*, *тарум*, *кара* имеют свои аналоги в Закавказье и в Средней Азии.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ПРАЗДНИЧНАЯ ОДЕЖДА НАРОДОВ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА (XIX—нач. XX в.)

Одним из важных компонентов праздничной культуры является одежда, которая выступает в качестве элемента высшего оформления праздника. Среди многих других функций одежды¹ на первый план здесь выдвигается праздничная, эстетическая и в определенной степени — ритуальная.

Хотя об одежде народов Горного Дагестана существует сейчас большая литература (см. список в конце сборника), праздничный ее аспект изучен еще недостаточно.

Праздничную одежду можно классифицировать на нарядную, одеваемую по случаю разнообразных торжеств, и празднично-ритуальную, т. е. являющуюся составным элементом ритуальных действий, относящихся к разряду праздничных, — это свадебная одежда жениха и невесты, одежда свадебных чинов (если таковая имеется), различных персонажей праздничных действ.

Нарядная одежда по покрою обычно повторяла повседневную будничную одежду, отличаясь от нее иногда большей шириной, длиной элементов, наличием дополнительных компонентов, а также дорогих украшений. Нарядную одежду в исследуемое время шили из дорогих, как правило, привозных шелковых, парчовых тканей, тафты ярких расцветок и золотного бархата. На празднике дорогих украшений. Нарядную одежду в исследуемое время шили. Поскольку комплект нарядной одежды был дорог, справлялся он, как правило, 1—2 раза в жизни девушке и невесте и передавался обычно по наследству от матери дочери. В том случае, когда дочерей было несколько, семья несла значительные затраты, чтобы обеспечить каждой из них все необходимые предметы нарядной одежды. Особенно дорогими были серебряные украшения: нам неоднократно приходилось слышать от престарелых информаторов, что за то или иное конкретное украшение заплатили столько же, сколько в то время стоили корова или бык. По-видимому, консерватизм традиционной женской одежды, который всегда подчеркивается в исследованиях, посвященных этому вопросу, одной из своих причин имел именно дороговизну и труднодоступность нарядной одежды и украшений.

Все сказанное в полной мере относится и к традиционной свадебной одежде жениха и невесты. Одежда последней отличалась

¹ О функциях одежды см.: Богатырёв П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 307—308.

от нарядной одежды ее подруг количеством однородных компонентов (например, несколько платьев или платков на ней), а также наличием тех или иных предметов в ее составе, которые обычной нарядной одежде были несвойственны.

Собираясь на праздник, горянка надевала туникообразного покроя платье-рубашу из тонкого однотонного шелка ярких цветов: красного, желтого, зеленого. Она могла быть сшита также из дорогих парчевых тканей, затканых золотыми узорами, в состоятельных семьях. У одноцветных платьев-рубаш ворот украшался аппликацией из разноцветных кусочков тканей, а под мышками вставлялись ластовицы из другого материала цвета, контрастного с цветом самого платья-рубашки. У некоторых народов, например, тиндинок, в качестве нарядной, в том числе и свадебной, одежды еще во 2-й половине XIX в. сохранялось туникообразного покроя платье-рубаша из овчины «хуну». Оно украшалось цветными нашивками из ткани по бокам, подолу, рукавам.

Рис. 1. Лачки с. Вихли в праздничной одежде

Туникообразного покроя платье-рубаша для ряда народов Горного Дагестана (большая часть аварцев, народности аварской группы, большая часть даргинцев, лакцев) являлось не только на-

тельной, но и верхней одеждой, и в качестве таковой нарядные его варианты обильно украшались.

С нарядным платьем-рубашой носились штаны покроя, принятого в повседневной одежде у каждого народа, этнической группы или сельского общества, хотя во многих случаях нарядные штаны от повседневных, помимо дорогой ткани, из которой они шились, отличались большей шириной штанин. Так, например, лачки Кумуха и некоторых других селений носили нарядные штаны из плотного шелка с широкими (до 1,5 м) прямыми штанинами без клиньев, на подкладке из простой ткани. Под ними надевались другие узкие штаны из сатина, шелка, кашемира, украшенные по низу штанин кружевами. Иногда эти внутренние штаны шились из особой шуршащей ткани «бурса», а для создания большого шума при ходьбе вшивали в них хрустящую бумагу. В нарядных штанах в целях экономии материала часто верх шили из простой ткани, только штанины, иногда ниже колен, были из дорогих материалов.

Поверх платья-рубашки лезгинки и женщины всех народностей лезгинской группы, а также часть даргинцев, лачек, аварок носили

Рис. 2. Праздничный наряд лачки из с. Цовкра I

длинное распашное платье, сшитое в нарядном варианте также из шелка, бархата или парчи, которое дореволюционные авторы называют обычно бешметом. Вот что об одежде лачек в 60-е годы прошлого века писал Н. И. Воронов: «На каждой из танцовщиц, принадлежавших, по-видимому, к местным щеголихам, была длинная шелковая рубаша, из-под которой едва виднелись шаровары, на эту рубашу надет был бешмет, тоже шелковый, стянутый у груди. Бешмет имел узкие рукава, из-под которых висели рукава рубахи. Эти последние во время танцев, при растопыренных руках танцовки, болтались и придавали всей ее фигуре подобие прыгающего пингвина»². Композиционно этот вид одежды состоял из двух частей: узкого, плотно облегающего фигуру лифа и широкой, в сборку или складку юбки. От грудного выреза полуovalной или треугольной формы до талии лиф застегивался на крючки или серебряные монеты. Рукав всегда был длинным, откидным.

Рис. 3. Табасаранка в праздничной одежде (с. Кандик)

² Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 34—35.

Носимая под этим платьем нарядная рубаша часто имела расширяющиеся книзу колоколообразные рукава. Надо заметить, что если для аварок и лачек это распашное платье было заимствованной у кумычек нарядной формой одежды, то для лезгинок, табасаранок, рутулок, цахурок, а также даргинок Кайтага оно являлось обязательным атрибутом костюма, как повседневного, так и нарядного.

У цахуров, в части лезгинских и рутульских селений, пограничных с Азербайджаном и имевших с ним тесные экономические и культурные контакты, а также в некоторых лакских и аварских селениях в качестве нарядной одежды носили короткую распашную кофту, известную в Азербайджане под названием архалука. Она плотно облегла фигуру по талии, а здесь к ней пришивалась баска шириной в 20 см, заложная в складки, сборки или расклешенная. Ниже полуovalного выреза на груди шла застежка встык. Рукав мог быть длинным, узким или коротким, до локтя. У лезгинских народов архалук носился с широкой юбкой; лачки и аварки там, где он у них встречался, надевали его поверх нарядного платья-рубахи.

У цахурок, агулок, табасаранок в состав нарядной одежды входил также передник, на котором носили разнообразные серебряные украшения. В конце XIX—нач. XX в. фартук как элемент нарядной одежды встречается и у лачек. Девушки из состоятельных семей вязали себе крючком из шелковых ниток узорные фартуки без нагрудника. Их отделявали лентами и кружевами. Такие фартуки лачки носили с нарядными шелковыми платьями с узким лифом и узкими же рукавами, с широкой длинной юбкой, близкими по покрою к городским платьям того времени, получившим некоторое распространение у женщин из состоятельных семей в бывших ханских резиденциях и крупных торгово-ремесленных центрах Нагорного Дагестана.

В комплект сезонной нарядной одежды, а для многих народов и ритуальной (свадебной) одежды (лакцы, частично даргинцы, аварцы, цахуры) входила шуба характерного для данного народа покроя. Нарядная шубка шилась обычно из меха молодого барашка лучшего качества и отделялась по вороту, полам и рукавам сафьяном и аппликацией из кусочков тканей разных цветов, а также галуном и парчой.

В комплекте ритуальной (свадебной) одежды арчинок встречалась туникообразного покроя куртка из белого сукна, украшенная вышивкой цветными нитками, носимая внакидку поверх нарядного платья-рубахи³.

Головной убор в составе нарядной одежды, как и повседневной, состоял из двух предметов: надеваемой непосредственно на волосы чухты и верхнего головного убора — полотнища или платка. Наволосник-чухта, единый по происхождению для всех горянок, в XIX—нач. XX в. обнаруживается в Горном Дагестане, особенно

³ См.: Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967. С. 105.

Рис. 4. Арчинка в шубе невесты

у аваро-андо-дидойских народов, во множестве вариантов, создаваемых наружным лицевым оформлением этого головного убора при единстве покроя. Возникновение традиции закрывать волосы относится к глубокой древности и объясняется бытовавшими в то время определенными идеологическими и этическими воззрениями: в народных поверьях волосы представляли собою обитель души человека и источник злой или доброй силы, исходящей от него; через волосы же можно было нанести магическим путем вред человеку (магия целого и части). С этим связано и этическое воззрение: покрытая голова — символ благополучия, простоволосость — знак горя, великой скорби.

Происхождение наволосника-чухты у горных народов Дагестана и ее развитие схематически можно представить так: вначале волосы прикрывались прямоугольным куском ткани, которому с помощью сборок придавалась наголовная форма. Эта наиболее ранняя форма чухты сохранилась у большей части даргинцев

Рис. 5. Арчинка в свадебной накидке (вид сзади)

и бежтинков⁴. Затем произошло некоторое усложнение этой первичной формы: первоначально односторонний кусок ткани стал складываться вдвое и по одной из сторон сшиваться. При прошивании по ширине получается капюшон, если сшивать по длине — палицо форма трубы или незашитого с двух сторон мешочка. Капюшон послужил основой всех наволосных головных уборов женщин-аварок и народностей аварской группы (кроме бежтинок⁵, у которых

⁴ Описание головных уборов женщин-горянок см.: *Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Женская народная одежда аварцев // КСИЭ. М., 1953. Т. XVIII; *Гаджиева С. Ш.* Народная одежда // *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 226—232; *Её же.* Одежда народов Дагестана. М., 1981. С. 98—106; материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; *Ихтилов М. М.* Народности лезгинской группы Махачкала 1967; *Булатова А. Г.* Лакцы. Махачкала, 1971; *Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин. М., 1978 и др.

⁵ Описание головного убора бежтинок см.: *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. М., 1981. С. 99—100.

сохранилась более древняя форма), а также лачек, у которых эта форма головного убора, судя по археологическим данным⁶, была наиболее древней и вплоть до нашего времени сохранилась в одном с. Вихли.

В процессе исторического развития первоначально единая форма капюшона у разных аварских народностей, у разных групп собственно аварцев, а также у лакцев претерпела некоторую трансформацию. Так, у гочобских аварок сохранилась чухта в виде первоначального капюшона, у чухт остальных регионов Аварии капюшон оказался без угла: в карахской, тиндальской, багулальской чухте этот угол втянут внутрь капюшона и по границе отгиба изнутри прошит; у андийской, ботлихской, келебской, ратлухской чухт, а также у лакской (вихлинской) он отогнут снаружи назад и здесь прошит. У чухты аварок Корединского общества угол капюшона отгибается снаружи вперед и пришивается сюда.

Более позднее по происхождению наружное оформление однотипного каркаса создало ту этническую пестроту, которая характерна для головных уборов женщин-аварок и представительниц андо-дидойских народов в XIX—нач. XX в.⁷

Труба или мешочек с незащитыми концами, получившийся вышеописанным способом, явились основой головных уборов лезгинок и представительниц всех лезгинских народов, а также арчинок. В процессе развития первоначальная форма несколько усложнилась за счет большего или меньшего размера патемной вставки⁸.

Помимо чухты, в составе нарядных нижних головных уборов женщин некоторых народностей Дагестана во 2-й половине XIX—нач. XX в. обнаруживаются и иные формы, такие как шапочка цахурки и тляртинской аварки — «дугмаче» («думча»), сшитая также по типу аварской чухты — капюшоном, с отогнутым назад углом, украшенная полыми металлическими трубочками, и косынка «башурган» ахтычайской рутулки. Последняя шилась из шелковой ткани, на нее в качестве украшения нашивались полосы разноцветных тканей, образующие узор из квадратов и ромбов, который дополнялся фигурной строчкой. На края косынки также для украшения сплошным рядом нашивались раковины каури, серебряные монеты, цепочки, полые миндалевидные колокольчики. Темя ее дополнительно украшалось монетами и цепочками.

⁶ См.: Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана // МАД. Махачкала, 1961. Т. II. С. 283.

⁷ См.: Историко-этнографический атлас Дагестана. Т. I: Одежда, рукопись. Махачкала, 1975; Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. М., 1981.

⁸ См.: Булатова А. Г. Национальная одежда цахуров // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. I. С. 136—139; Ахмедов Ш. М., Булатова А. Г., Исламагомедов А. И. Агулы. Махачкала, 1975. С. 156—157; Булатова А. Г. Народная одежда дагестанских лезгинок // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана. Махачкала, 1977. С. 64—66. Народная одежда рутульцев. Махачкала, 1970 // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 299. Л. 40—42; Народная одежда табасаранцев во второй пол. XIX—XX вв. Махачкала, 1973 // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 312. Л. 25—26.

Рис. 6. Цахурка с. Мишлеш в праздничной одежде

Поверх нарядной чухты, сшитой из шелковых тканей одного или нескольких цветов, аварки, даргинки, агулки, частично лачки носили большое полотнищеобразное покрывало белого цвета. Лезгинки, цахурки, рутулки, табасаранки, основная масса лачек, частично аварки и даргинки в качестве верхнего нарядного головного убора носили треугольные или квадратные сложенные вдвое шелковые и парчовые платки.

В Горном Дагестане в конце XIX—начале XX в. популярны были затканые золотой канителью парчевые платки производства русской фабрики Вшивкина; в Южном Дагестане в качестве нарядных верхних головных уборов широко использовались платки из тончайшего шелка «газ-газы», или «наз-назы», производившиеся в Азербайджане. У всех дагестанок пользовались большой популярностью разных цветов шелковые платки «калагай» азербайджанского производства, которые носились с нарядной одеждой. Характерно, что в комплекте нарядной одежды принято было носить на голове несколько шелковых платков, хотя позволить это себе могли только очень состоятельные женщины.

В комплексе нарядных головных уборов аварок некоторых этнографических районов, лачек некоторых селений, лезгинок, цахурок, табасаранок существовала особая повязка большего или

Рис. 7. Аварка с. Ратлуб в нарядной одежде

меньшего размера, которой повязывался лоб поверх головного покрывала или платка. У аварок Карахского участка и лезгинок она представляла собой кусок ткани черного цвета, который закрывал большую часть лба и завязывался на затылке. Лезгинки украшали повязку («мендиль») серебряными монетами или разноцветными полосками ткани.

В комплекте головного убора лачек региона Вихли-Ахар бытовала головная повязка большого размера: для нее использовали кусок ткани размером с покрывало — полотнище или же шелковый платок «кялагай», скрученные по длине или диагонали; ими несколько раз обматывали голову поверх верхнего головного убора. Цахурки Мишлеша сверх покрывала, а также лезгинки некоторых селений повязывали голову шелковым платком, скрученным несколько раз по диагонали. Табасаранки для этого использовали платок «кялагай» маленького размера или специальную шелковую повязку белого цвета.

Наибольшее внимание головному убору уделялось в costume невесты. Лезгинская невеста поверх чухты одевала особое подбородочно-теменное украшение из серебра «кикер», которое сторона жениха дарил девушке вместе с кольцом или вместо него в процессе сватовства. Первый раз она его надевала в день свадьбы и продолжала потом носить постоянно. Когда же, по материальным соображениям, невеста не могла иметь «кикер», она одевала покрытую нашивными украшениями или вышивкой цветными нитками подбородочно-теменную повязку в форме кольца — «батІан». Поверх всего этого повязывали два нарядных платка, а сзади на-

Рис. 8. Аварка с. Ратлуб в одежде невесты

кидывалось полотнище белой ткани так, что два угла его, идя сзади наперед, огибали лоб, направлялись снова назад и там завязывались на затылке. Это полотнище полностью закрывало невесту с боков и сзади до пят. Спереди на голову накидывалось полотнище красной ткани, углы которого завязывались также на затылке. Оно закрывало невесту спереди до колен. Таким образом,

получался своеобразный футляр, в который невеста была как бы полностью заключена. В некоторых лезгинских селениях поверх нескольких платков, повязанных у шеи или свободно спускавшихся концами по груди и плечам, просто накидывали, развернув четырехугольником, красный шелковый платок — «дюгюр», «чадура». В других селениях два угла этого платка оттягивались назад, на спину, и там зашивались или скреплялись между собой булавкой. Поверх этого покрывала часто накидывали на голову белый тюлевый или шерстяной платок так, чтобы концы его висели сзади, по спине. В ряде селений (Джаба и др.) под красным покрывалом повязывали лоб белым шелковым платком, сложенным несколько раз в длину и перекрученным дважды, так, чтобы надо лбом получался выступ.

Количество платков на голове нарядно одетой женщины или невесты было показателем степени их состоятельности.

У табасаранской невесты поверх чухты надевался шелковый ганджинский платок «кялагай», концы которого или завязывались сзади на шее, или закидывались на одно плечо. Поверх него повязывалась вышеуказанная повязка из маленького шелкового платка или из куска шелка белого цвета — «муфтул». В некоторых табасаранских селениях под «муфтулом» платок располагался особым образом: один конец сложенного треугольником платка закидывался за противоположное плечо, другой угол платка закидывался в ту же сторону, но не на плечо, а на голову. Расположенный таким образом платок и повязывали «муфтулом», завязав его узлом на затылке. Поверх этого набрасывали тюлевый покупной платок «тулама» с узором и бахромой из золотой канители или же шелковый платок «хара шал». Сверх всего указанного комплекса головных уборов, который был характерен для нарядной одежды молодой женщины, на невесту набрасывался в развернутом виде квадратный шелковый головной платок красного цвета таким образом, что один угол платка приходился на грудь, другой — на затылок, а два остальных — на плечи.

Девушки-лачки оба конца нарядного платка на голове панскоь закидывали назад и у затылка завязывали. Женщины в конце XIX—начале XX в. носили платок, закидывая один конец его за противоположное плечо.

Более древним способом ношения платка, как нарядного, так и повседневного, у лачек был следующий: длинный угол платка, одетого на голову женщины, набрасывали на противоположное плечо, отсюда он поворачивался к голове и, закрыв ее еще раз, шел назад, к шее. Другой угол платка также поворачивался к шее и там оба конца завязывались. На голову невесты-лачки поверх чухты «бакбахлу» в развернутом виде набрасывался тонкий шелковый платок белого цвета, который закрывал ей лицо и всю фигуру спереди. Поверх него накидывалось несколько сложенных треугольником дорогих платков, концы которых спереди свисали вниз. Особенно сложным был свадебный головной убор лачки Вихлинского участка: непосредственно на волосы, заплетенные во

множество косичек и обмотанные вокруг головы, надевался сложенный вдвое треугольником квадратный платок небольшого размера, который завязывался сзади под волосами. Поверх него одевалась нарядная чухта, украшенная надо лбом разноцветными кусками шелковых тканей. Затем одевались поочередно покрывало-полотнище и «бакIраху» — головная повязка, обматывавшаяся наподобие чалмы.

Поверх всех упомянутых головных уборов на невесту набрасывали еще «бакренса» — покрывало из белой бязи длиной 6—6,5 м, которое свободно распускалось по плечам, закрывая всю фигуру невесты.

При рассмотрении головных уборов невесты у народов Горного Дагестана обнаруживается ярко выраженная тенденция к зрелищному увеличению объема головы в пропорциях женской фигуры, в которой, вероятно, определенную роль играли причины как эстетического, так и идеологического порядка. Этой диспропорции содействовала и вышеуказанная повязка, которая иногда имела большие размеры, и большое количество головных уборов, а также специальная двурогая деревянная накладка «тякь» на голову невесты у ахтычайских рутульцев. Надо полагать, что традиция эта восходит к очень раннему периоду времени; во всяком случае, на одном из кубачинских рельефов (X—XI вв.) изображена «женская фигура с длинной косой в каком-то большом головном уборе»⁹. Традиция эта дожила до начала XX в. в головных уборах ботлихских и андийских женщин¹⁰.

Что касается вышеупомянутой деревянной накладки «тякь» рутулок, то она представляет собою уникальное явление, которое имело прямое назначение не только для увеличения объема головы, но и для придания ей совершенно определенной формы — рогообразной. «Тякь» закреплялось на голове невесты с помощью двух ситцевых платков, из которых нижний завязывался под подбородком, верхний — на затылке. Затем на голову в развернутом виде накидывали шелковый платок «калагъай», закрывавший лицо и грудь, а поверх него — один или два платка, сложив треугольником.

У самурских рутульцев рогообразность в головном уборе невесты достигалась с помощью специального украшения «мекбыр», оттягивавшего вниз центр лобной части платка. Так же располагался платок на голове невесты у многих народов Дагестана (лакцы, аварцы, лезгины и др.), хотя и без специального украшения, приспособленного для этой цели. Такая «рогатая» форма головы, думается, связана не только и не столько с эстетическими воззрениями народов Дагестана, сколько с какой-то более древней культовой стороной их жизни, поскольку это явление сохранилось именно в более древней, ритуальной форме одежды, а не в повсе-

⁹ См.: Кильчевская Э. В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968. С. 78.

¹⁰ Описание их см.: Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. М., 1981. С. 95, 98.

дневной. Возможно, первоначально здесь имело место подражание форме рогов крупного рогатого скота, который в древнейших воззрениях народов Дагестана был связан с плодородием.

Таким образом, как свидетельствует полевой материал, в праздничной и особенно ритуальной (свадебной) одежде горняков убранству головы придавалось особо важное значение.

Нарядная обувь изготавливалась из тонкого сафьяна, иногда красного цвета. У многих аварок она имела форму мягкого ботинка с острым и несколько отогнутым вверх носком, застегивающегося на подъеме ноги на большую серебряную монету мягкой петлей. У лачек обувь невесты, а также нарядно одетой молодой женщины были «таврризрал махсив» — мягкие сафьяновые чуваки с короткими голенищами, обшитыми плотными кружевами, которые послылись с привозными из Азербайджана башмаками без задников, на деревянной подошве, с верхом из парчи или вышитого бархата или атласа. Такого типа башмаки носили и женщины Южного Дагестана. В числе нарядной обуви были также кожаные калоши с вышитым верхом и сапожки из цветного сафьяна на каблуках.

Традиционной обувью, как повседневной, так и нарядной, женщины Южного (табасаранки, лезгинки, рутулки, агулки, цахурки) и Юго-Западного Дагестана (аварки некоторых селений и женщины некоторых андо-дидойских народностей, территория которых граничит с Закавказьем) была вязаная с острым, отогнутым назад или тупым носком, отличавшаяся своей яркой орнаментацией¹¹. В тех случаях, когда обувь эта предназначалась невесте, народы Южного Дагестана поверх вязаного орнамента покрывали ее рельефной вышивкой нитками соответствующих цветов.

Нарядной зимней обувью, а в ряде случаев обязательной ритуальной (свадебной) обувью женщин Центрального Дагестана (даргинки, лачки) были белые войлочные сапоги с яркой вышивкой (Кубачи, Балхар) или без нее, а также войлочные в своей основе, но полностью закрытые выворотной кожей с красочной аппликацией цветным сукном (аварки Карахского участка).

Обязательной принадлежностью нарядной, а также свадебной одежды были украшения из серебра и золота всевозможного назначения; в качестве украшений использовались также разнообразные бусы и раковины каури. Все украшения женской одежды принято делить на головные, шейные, нагрудные, поясные, носимые на подоле платья и т. д. с последующим более дробным делением¹².

¹¹ О вязаной обуви подробнее см.: *Сергеева Г. А.* Вязаная обувь народов Горного Дагестана // КЭС. М., 1984. VIII.

¹² Описанию и типологии женских украшений посвящены специальные разделы в опубликованных и неопубликованных работах по одежде всех горных народов Дагестана (по даргинцам — С. Ш. Гаджиевой, по аваро-андо-дидойским народам — Г. А. Сергеевой и С. С. Агашириновой, по лакцам, цахурам, рутульцам, агулам, табасаранцам — Г. Булатовой, по лезгинам — А. Г. Булатовой, С. С. Агашириновой), которые объединены в разделе «Одежда» коллек-

Особенно обильно украшалась одежда невесты, которая оснащалась не только украшениями из металла, но во многих случаях и вышивалась. Вышивка на нарядной одежде невест, девушек на выданье и молодых женщин отличалась красочностью, сложностью и многоэлементностью узора. В некоторых сельских обществах аварцев и народов аварской группы, частично лакцев и рутульцев, женская нарядная одежда украшалась контурной вышивкой техникой сквозного стежка и тамбурного шва, которая располагалась по подолу нарядного платья-рубахи, по низу рукавов, вороту, по нижней части штанин. Вышивка производилась простыми нитками нескольких цветов: красного, желтого, оранжевого, зеленого и др. Узор наносился без предварительной разметки поля и нанесения контура рисунка. Начиная работу, мастерица не всегда ясно представляла себе конечный результат, так как в ходе работы она бесконечно импровизировала. Несмотря на сложность и многообразие узора орнамента, вышивка почти всегда композиционно состояла из центрального поля с вариациями основного мотива и обрамляющей полосы. Основные элементы орнамента — 3 х, 5-ти, 7-ми-лепестковые розетки, звездообразные фигуры, ромбы, овалы, образованные переплетениями волнистых и зигзагообразных линий. После появления швейных машин эта вышивка перешла в разряд узорной строчки, но предметы ритуального назначения (одежда невесты) вышивались обязательно вручную.

Еще большей красочностью отличалась одежда, украшенная фигурной аппликацией из разноцветных кусочков ткани, которая часто использовалась в сочетании со строчечной вышивкой. Этот способ украшения одежды бытовал в некоторых обществах аварцев и аварских народов, а также у лачек, для нарядной же детской одежды он использовался в Дагестане повсеместно. Так, нарядное платье-рубаха аварки из Келеба и тиндинки имело на груди овальной формы наставку, представлявшую собою комбинацию из разноцветных полос ткани. Свадебное платье тиндинки, как и нижняя часть штанин, покрывалось длинными разноцветными полосками ткани.

Во многих лакских селениях (Вицхинский участок) подол нарядного платья украшался аппликацией в виде одного или нескольких рядов разноцветных ромбиков. Совершенно уникален в этом плане свадебный платок невесты из с. Ругельда (аварское общество Келеб), сшитый из простой черной ткани, на нем аппликацией в сочетании со строчечной вышивкой выполнена трехчастная композиция, в которой два боковых отростка оформляют боковины платка, а центральный — делит все поле на 2 части, в каждой из которых помещено по одному натуральному изображению раскрытой руки, выполненному аппликацией из красной ткани.

Первоначальный апотропейный смысл этих изображений не подлежит сомнению, хотя в более позднее время они воспринимались только как традиционные мотивы орнамента. Этот вид вышивки, а также художественная аппликация были сравнительно более демократичным и по всей вероятности наиболее древним

Рис. 9. Аварка из с. Ругельда в платке невесты (вид сзади)

способом украшения одежды, так как не требовали больших материальных затрат, а только хорошего вкуса и умелых рук.

Женщины из состоятельных семей в составе нарядной одежды носили платья, штаны, головные платки, обувь, украшенные золотым шитьем. Вышивка производилась золотой канителью техникой «в прикреп» по сукну, коже, шелку. Наиболее распространенными элементами узора вышивки были трехлепестковые цветы, стилизованный, вытянутых пропорций лист трилистника, кружочки, стилизованные птицы и т. п. По технике заполнения поля различались способы расположения нити под острым углом к полю и ромбиками разных размеров.

Различные узоры у каждого народа имели свои названия: так, у лакцев различались узоры: «уттапей зунххи», «Аймисей накъич», «салингуллу», «зунхилув каралагия», «каралагиялув яхшарду», «гънсилу накъич», «пахлама накъич» и др. Этот вид украшения одежды из-за своей дороговизны и трудоемкости не получил ши-

Рис. 10. Аварка из с. Ругельда в платке невесты (вид сбоку)

рокого распространения в Горном Дагестане, оставаясь привилегией немногих.

Таким образом, способы украшения нарядной и празднично-ритуальной (свадебной) одежды горняков были весьма разнообразны.

Как уже отмечалось выше, во многих случаях, главным образом в свадебной одежде, принято было одновременное ношение нескольких однородных предметов одежды: головных платков, платьев-рубаш, штанов. Смысл этого, вероятно, заключался как в магической защите от враждебных сил, от которых принято было оберегать невесту, так и в создании определенной недоступности невесты для жениха чисто в физическом плане. Кроме того, здесь был также элемент демонстрационности в целях престижности: для этого, например, все принадлежащие невесте-аварке из с. Ругуджа нарядные платья и платки, кроме тех, что были на самой невесте, одевались ее подругами в момент ее перевода к жениху.

Комплект нарядной мужской одежды состоял из бешмета и черкески, надеваемых на нательную и поясную одежду. Он до-

полнялся в некоторых случаях мохнатой дорогой буркой андийского производства. На голове с нарядной одеждой носилась папаха из овчины лучшего качества, фасон и тип которой определялся особенностями как этнического характера, так и господствующей в тот или иной период моды. С нарядной одеждой мужчины носили обычно кожаные сапоги, однако у народов Южного и Юго-Западного Дагестана могла в этих случаях использоваться и вязаная обувь. У табасаранцев, кроме того, в комплекте нарядной одежды мужчины могли носить обувь из одного куска кожи типа поршеней — «тирихи» вместе с белыми шерстяными обмотками, украшенными цветной тесьмой.

Нарядные бешмет и черкеска шились из тканей лучшего качества; они, как и повседневный вариант их, были главным образом северокавказского типа¹³. Во 2-й половине XIX—начало XX в. пришивавшиеся на грудь черкески карманы с газырями, головки которых отделялись слоновой костью, инкрустированной золотом или серебром с черневым орнаментом, служили уже только для украшения, с окончанием Кавказской войны утратив свое утилитарное назначение. Ременной пояс с серебряными звеньями и подвесками, парадное оружие — пистолеты, кинжалы, шашки, ножны и рукоятки которых отделялись серебром с чернью, золотой насечкой, инкрустацией из слоновой кости, также служили украшением для мужской одежды. Судя по рисункам художников первой половины XIX в. и фотографиям 2-й половины XIX в., нарядные бешмет и черкеска украшались блестящей тесьмой, шнуром из золотой или серебряной канители, при этом в более раннее время украшение ими производилось более обильно. Особенно обильно украшалась тесьмой и позументом «чуха» — распашная одежда с откидными рукавами, надевавшаяся поверх бешмета и бывшая в широком употреблении у горцев Дагестана в первой половине XIX в., судя по литературным источникам¹⁴ и рисункам художников, например, Г. Гагарина, выполненным в 40-е годы XIX в. Вот как описывает нарядную одежду кумыкского князя, которая вряд ли могла сильно отличаться от одежды состоятельных представителей других горских народов Дагестана, А. Бестужев-Марлинский,

тивного труда — I томе Историко-этнографического атласа Дагестана. См. также: *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. М., 1981, с. 107—122; *Сергеева Г. А.* Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX—начала XX в. КЭС. Вып. VII. М., 1980.

¹³ Подробное описание покроя этих элементов одежды у горских народов Дагестана см.: *Гаджиева С. Ш.* Одежда даргинцев // *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. С. 205—207; *Её же.* Одежда народов Дагестана. С. 38—42; *Агаширинова С. С.* Одежда аварцев // Материальная культура аварцев. С. 218—220. *Её же.* Материальная культура лезгин. С. 208—210; *Булатова А. Г.* Лакцы. Махачкала, 1971. С. 113—114; *Её же.* Национальная одежда дагестанских цахуров // Дагестанский сборник. Махачкала, 1974. С. 122—126; Агулы. Махачкала, 1975. С. 142—145.

¹⁴ См.: *Костелеровский И. С.* Салатавия // К. 1858. № 1; *Вучетич Н.* Поездка в Самурский округ: Записки для чтения. М., 1869. Апрель—июль. С. 196—197; *Марлинский А.* Амалат-Бек // Дагестан в русской литературе. Махачкала, 1960. С. 73.

события в повести которого разворачиваются в начале 20-х годов XIX в.: «Он (Амалат-Бек. — А. Б.) был одет в черную персидскую чуку, обложенную галунами; висячие рукава закидывались за плечи. Турецкая шаль обвивала под исподом надетый архалук из букетовой термаламы. Красные шальвары скрывались в верхние желтые сапоги с высокими каблуками. Ружье, кинжал и пистолет его блистали серебром и золотом насечкою. Ручка сабли осыпана была дорогами каменьями...»¹⁵.

Во второй половине XIX—нач. XX в. чуку уже не носили, а в состав парадной одежды, наряду с бешметом и черкеской, входил также башлык, закинутый на спину. Нарядно одетые дагестанцы в это время выглядели примерно так, как описывает их Н. И. Кузнецов: «С ним (начальником Лучекского участка. — А. Б.) два чапара в парадных костюмах, белых черкесках, белых папах и красных башлыках»¹⁶. Цвета отдельных предметов нарядной одежды могли быть и другие.

Свадебная одежда жениха не отличалась от нарядной праздничной одежды молодых мужчин.

Специальной нарядной одежды для детей, кроме самых маленьких, не шили. В одежду маленьких детей до 2—3-летнего возраста входили такие компоненты, как нарядные курточка и шапочка.

Курточку, безрукавную и с рукавами, шили из разноцветных кусочков ткани, умело скомбинировав ее из множества треугольных, ромбовидных и квадратных кусочков. Апотропейное значение такой курточки отчетливо осознавалось теми, кто изготовлял ее. С этой же целью иногда к запястью ее рукавов, в тех случаях, когда они были, пришивались изображения выполненных из ткани детских рук или имитация их в виде ромбиков. Курточка обильно украшалась серебряными цепочками с монетами, полыми ромбовидными бляхами, раковинами каури, треугольниками, розетками, крестами; последние три вида украшений выполнялись как в виде деталей из серебра, так и вышивкой и аппликацией на предметах одежды.

Нарядная шапочка для маленького ребенка шилась в форме глубокой тибетейки, плотно облегающей голову. Ее украшали оборкой вокруг тульи и по низу околыша, иногда к самому центру тульи пришивали большую пуговицу или кисточку из цветных ниток. Шапочка могла быть шита из яркой однотонной ткани, тогда украшением ее была фигурная строчка; ее шили также из разноцветных кусочков ткани. Особенно интересны и разнообразны были по конструкции нарядные детские шапочки у лакцев Кулинского участка, среди которых встречались и совершенно оригинальной конструкции — с дополнительным, отдельно изготовлен-

¹⁵ *Марлинский А.* Амалат-Бек. С. 73.

¹⁶ *Кузнецов Н. И.* В дедьях Дагестана // Изв. ИРГО. СПб., 1913. Т. XII. Вып. I—III.

ным и прикрепляемым к тулье в центре, в одной точке, плоским донышком.

Праздничный головной убор маленьких детей обоого пола у аварцев общества Келеб включал в свой состав три элемента: так называемое «баро» — капюшон с отогнутым назад и пришитым там углом, повторявший форму традиционного женского головного убора; шапочка, надеваемая на «баро», специальная повязка «бетеркъай», охватывавшая голову поверх указанных головных уборов и завязывавшаяся на затылке. Все три элемента головного убора обильно украшались строчечной вышивкой, аппликацией и нашитыми цепочками с мелкими бляшками, монетами.

Нарядная головная повязка для детей бытовала и у лакцев, она сохранилась до нового времени в с. Вихли. Ее шили из белой бязи в виде длинной полосы, края которой отделялись тесьмой или лентой контрастной ткани, украшенной фигурной строчкой и аппликацией. Она несколько раз обматывалась вокруг головы ребенка и завязывалась на затылке. Та часть повязки, которая при обматывании приходилась на лоб и виски, украшалась одним или двумя рядами серебряных монет. К верхнему краю налобной части пришивались треугольные мешочки с волосами первой стрижки, а также со специями, чтобы от ребенка приятно пахло. Кроме того, эти мешочки оттягивали верхнюю часть повязки вниз, придавая всему головному убору роговидную форму.

На ритуальной одежде участников праздничных действий нам уже приходилось останавливаться в связи с анализом некоторых обрядов¹⁷. Как уже отмечалось нами, характерной особенностью празднично-ритуальной одежды специального назначения (одежда ряженных, шутов, «первого» пахаря года, «шаха» игрищ) было обязательное вхождение в ее состав изделий из овчины, шерсти, войлока (вывернутая наизнанку, шерстью наружу, овчинная шуба «первого» пахаря, маски из войлока, овчины и т. п.), что в народных представлениях связывалось с плодородием, богатством, согласно принципам магии подобия. Тот же смысл имели, вероятно, предметы одежды невесты из овчины, войлока, надеваемые на нее у некоторых народов при переводе в дом жениха. Кроме того, надо полагать, в последнем случае такая одежда выполняла и апотропейные функции.

Следует отметить отсутствие у дагестанских ряженных одежды специального покроя: одевались обычно в старую будничную одежду, по возможности мохнатую (из овчины) или имитирующую лохматость (рвань с дополнительным привязыванием тряпок, лент и т. п.). Основная масса ряженных закрывала голову войлочной маской с вырезами для глаз и рта, которые обшивались красными

¹⁷ См.: Булатова А. Г. Идеологические представления аварцев, связанные с праздником первой борозды // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984; Её же. Смеховой компонент в традиционной свадьбе народов горного Дагестана // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX—нач. XX в. Махачкала, 1986.

нитками, с носом в виде трубочки из войлока и рогами из шерсти, перевитой белыми шерстяными же нитками.

У даргинцев Кубачинского нагорья часть ряженных во время праздничных действий носила, как воины в средневековье, кольчугу, налокотники, шапочку и железную маску — «зангар хъарчи». Привязанные к локтям и к поясам разноцветные куски тканей указывали на принадлежность их к шутовскому воинству.

Условно «одеждой» ряженого можно считать белое покрывало, закрывавшее полностью фигуры двух юношей, становившихся один другому на плечи, у салатавских аварцев и цахуров, а также ветки и траву, которыми укутывали персонаж для вызывания дождя в обряде его заклинания у многих народов Дагестана.

Одежда ряженого в каждом отдельно взятом случае играла важную компонентную роль в празднично-ритуальном действе, являясь одним из средств выражения его содержания, усиления его семиотичности. То же самое можно сказать и о праздничной одежде вообще. Поскольку праздник содержит в себе «архаику, изжитую в обыденной жизни»¹⁸, в праздничной одежде лучше, чем в повседневной, сохранились архаические формы. Вместе с тем, праздник, как любое историческое явление, подвержен изменениям и более всего — его формальная сторона, в том числе и такой элемент его формальной организации, как одежда. Из приведенного выше материала видно, что в праздничной (нарядной) одежде в исследуемое время обнаруживаются и сравнительно новые формы, широко еще не вошедшие в повседневный быт (распашные платья для женщин Центрального Дагестана, платья городского типа и т. д.). Новые, заимствованные формы одежды, выполняя престижно-показные функции, попадали вначале в одежду знати и состоятельных слоев населения, а уже оттуда с теми же функциями — в костюм простого народа. Что касается ритуальной праздничной одежды, то она проявляла в исследуемое время большую устойчивость в своих формах, чем нарядная одежда.

¹⁸ См.: Серов С. Я. Календарный праздник и его место в европейской культуре // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Ист. корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 47.

ОДЕЖДА ДИДОЙЦЕВ (XIX—начало XX в.)

Дидойцы (*цунтал* по-аварски, самоназвание — цезы) — одна из народностей Дагестана, родственная аварской группе, проживающая в высокогорье, на юго-западе края (нынешний Цунтинский район). В XIX в. (и, разумеется, задолго до этого) они были известны как союз Дидо, объединяющий жителей селений Дидо-Шантля, Дидо-Шапиха и Дидо-Асаха. Союз граничил на юге с Кхетией, на западе — с Тушетией, на северо-западе — с обществом Ункратль, на востоке — с капучинцами. Главные занятия — скотоводство (преимущественно овцеводство) и земледелие. К концу XIX в. в Дидо насчитывалось 972 двора¹, общая численность населения составляла 5056 человек².

Сырье для изготовления одежды в основном давало животноводство (шерсть, кожа, шкура). Материал для одежды, ее готовые виды, а также украшения приобретались нередко и на внутренних и внешних рынках. Особенно большое значение имели торгово-экономические связи дидойцев с народами Закавказья, особенно с Грузией.

Мужская одежда

В XIX в. основными предметами мужской одежды были рубаха, штаны, папаха и шуба. Обувь — кожаная и шерстяная вязаная.

Рубаха *гед* шилась туникообразного покроя, расширяющейся книзу. Рукава делались вшивными, длинными, закрывающими часть кисти при опущенной руке. Воротничка не было, шейный вырез обкладывался планочкой. Грудной вырез делался вертикальным, застегивающимся на 2—3 пуговицы. К спинке пришивали подкладку, чтобы рубаха меньше загрязнялась и дольше носилась.

Другая разновидность *гед* имела суженный книзу у запястья рукав, что достигалось специальной застрочкой. У этих рубах подкладка зачастую пришивалась и спереди, до нижней линии груди. По мнениям информаторов, покрой рукавов такой рубахи был позаимствован у грузин.

¹ Дагестанская область: Свод стат. данных, извлеч. из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893 г.

² ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

Наконец, третья разновидность рубахи отличалась от предыдущей формой грудного выреза. Он проходил не посередине, а сбоку, напоминая русскую косоворотку. Такая рубаха по ширине была одинаковой в плечах и в подоле (т. е. боковые клинья не вшивались). Последнюю форму С. С. Агаширинова считает наиболее древней для аварцев вообще³.

Первый вид рубахи был распространен у дидойцев в XIX—30-х гг. XX в. повсеместно. К концу XIX в. рукава ее иногда делались на манжетах, появился небольшой стоячий воротничок. Второй вид бытовал преимущественно в Дидо-Асах, третий — в Дидо-Шуратль.

Информаторы из многих аулов Дидо рассказывают, что рубаху с длинными, узкими рукавами и, как правило, без грудного выреза в старину дидойки вязали из темных шерстяных ниток. В паре с вязаными же штанами такая рубаха была очень удобной и практичной повседневной одеждой дидойцев до второй половины XIX в. О такой одежде пишет Е. Шиллинг: «Старая местная мужская одежда — шерстяная рубаха и такие же штаны. Иногда и рубаха и штаны вязались вместе и получалось нечто похожее на комбинезон»⁴.

Все перечисленные виды рубах стали иногда играть роль нижних лишь к концу XIX в. До этого рубаха была повседневной верхней одеждой мужчин.

Описанную одежду шили чаще всего из бязи или из привозного белого плотного материала *гвичли*, реже — из местной шерстяной ткани, еще реже — из шерстяной покупной ткани.

Таким образом, рубаха дидойцев мало чем отличалась от рубах других народностей Дагестана: андийской *квану*, ботлихской *жила*, тиндальской *квачи*, аварской *горде*, даргинской *хлева*, кумыкской *гейлек*, лакской *груква* и т. д.⁵

Штаны *гэекьу*, *гелълъу* шили из местных или грузинских тканей, а во второй половине XIX в. — из бязи, полотна и другого сравнительно дешевого и прочного материала. До конца XIX в. дидойцы нижних штанов не носили, *гелълъу* служили им повседневной верхней одеждой и шились поэтому из материала темных тонов. Кроме того, как мы уже отмечали, в первой половине XIX в. в паре с вязаной шерстяной рубахой носились и вязаные же шерстяные штаны. Для пошива штанов сначала выкраивались обе штанины, которые затем сшивались вместе с помощью ластовиц. Держались штаны не на поясе, а на бедрах с помощью вздержки.

³ Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 217.

⁴ Шиллинг Е. Народы андо-цезской группы // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37. Л. 26.

⁵ Сергеева Г. А. Об одежде аварской группы народов Дагестана (по полевым материалам экспедиций 1959—1960 гг.) // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. (Материалы к Кавказскому историко-этнограф. атласу). М., 1971. В. 1. С. 225—232; Материальная культура аварцев. С. 216; Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана XIX—нач. XX в. М., 1981. С. 36—37; Булатова А. Г. Лакцы. (XIX—нач. XX вв.): Историко-этнограф. очерки. Махачкала, 1971. С. 112.

Носили иногда дидойцы штаны и без ластовиц. Считается, что покрой таких штанов заимствован из Грузии (Дидо-Асах). Нижняя заушенная часть штанов заправлялась в вязаные сапоги или носки. Разреза спереди штаны не имели. Со второй половины XIX в. среди дидойцев стали бытовать и штаны несколько измененного покроя: с передним разрезом, на пуговицах, без ластовиц, с боковыми карманами. Покрой этот был заимствован у грузин и у русских. К концу XIX—началу XX вв. этот тип штанов стал преобладающим.

По сведениям информаторов, кое-кто из дидойцев в первой половине XIX в. носил кожаные штаны. Для пошива их овечья или козья овчина обрабатывалась таким образом, чтобы удалить всю шерсть, после чего шкура подвергалась процессу мягчения. На пошив штанов взрослого мужчины шло 3—4 шкуры. Сшивали шкуры друг с другом не нитками, а кожаными шнурками, продетыми в заранее сделанные отверстия.

Вплоть до конца XIX в. дидойцы носили овчинную рубаху и штаны. На то и другое уходило до пяти овечьих или козьих шкур. Такую одежду в основном носили мужчины, а в селениях Хаматли, Тляцуда и других — женщины и дети. Густая шерсть перед раскроем этой одежды подстригалась.

Кое-где у дидойцев овчинные рубахи и штаны сохранились до начала XX в. Так, исследовавший цезов в 1910 г. А. К. Сержпутовский писал: «Мужчины зимой и летом неизменно носят короткую рубашку и узкие штаны из овчины»⁶.

Овчинные штаны шили и соседние с дидойцами народности, в частности аварцы Чародинского и Тлярятинского обществ. О распространенности такой же одежды в XVIII в. в обществах Чамалал, Багулал, Карата, Ахвах пишут З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Авторы предполагают, что этот тип одежды был широко распространен по всему Горному Дагестану вплоть до конца XVIII в.⁷

Поверх рубахи мужчины надевали бешмет *куртай*. Шился он чаще всего из дмотканного сукна темного тона, на подкладке, иногда одежда эта утеплялась ватой или шерстью. Спереди, сверху донизу он имел разрез, застегивающийся на суконные пуговицы или крючки от воротника до линии талии. Сзади и по бокам вшивались клинья широкими концами вниз (шесть клиньев). Длинной бешмет был чуть ниже колен, шился отрезным по талии, с длинными широкими рукавами. Небольшой воротничок плотно облегал шею (ширина его — 3—4 см). Одежда могла иметь спереди, по бокам, на линии груди нашивные карманы.

Очень редко, в единичных случаях, мужчины поверх рубахи (реже — поверх куртай) носили черкеску *чуклов*.

С последних десятилетий XX в. мужчины, в особенности моло-

дые люди, иногда стали носить так называемую «кавказскую рубаху». Она была длиннее и шире традиционной рубахи, чаще всего имела нашивные нагрудные карманы. Длинные, зауженные к концу рукава застегивались на 3—4 пуговицы. Небольшой стоячий воротник и грудной вырез, обложенный планочкой, застегивались на 8—10 пуговиц. Эта рубаха была однотипна с подобными же рубахами аварцев, даргинцев, лакцев и т. д.

Куртай, чуклов и кавказская рубаха носились с поясом *ашуни*. Слева на поясе носился зачехленный нож местного изготовления *такъ* длиной от 25 до 50 см и шириной до 5—6 см. Особенности ножа — редко встречающееся в Дагестане для подобного оружия одностороннее лезвие. Часто *такъ* носился в паре с большим *мачла* или малым *белъай* кинжалом. До второй половины XIX в. с кинжалом, пистолетом и шашкой мужчина-цез почти не расставался. После окончания Кавказской войны оружия на цезах стало гораздо меньше. «Редко кто (из вышедших к приезжим цезов. — С. Л.) имел при себе ружье, шашку или пистолет, — читаем мы у Н. И. Воронова, — только у каждого на поясе висел кинжал в простых, без особых украшений ножнах»⁸. На поясе же мог носить и кiset с табаком⁹.

Рис. 1. Мужчина в шубе *кIалакIач*

Самой распространенной наплечной теплой одеждой цезов-мужчин была овчинная шуба *боко*, имевшая несколько разновидностей.

Шуба *кIалакIач* шилась короткой, длиной ниже колен. Рукава делались длинными и широкими. Небольшой воротник плотно облегал шею. Пуговиц и крючков шуба не имела. При работе или ходьбе она подпоясывалась плетеной шерстяной веревкой или (если позволяли обстоятельства) полы ее придерживались рукой. Борта *кIалакIач* были не прямыми, а скошенными под углом 35—40°. По спине от ворота до талии проходил шов. Шуба эта была приталенной, расширяющейся книзу: от пояса широкими концами вниз вшивалось четыре клина. Рукава ее и полы спереди оторачивались овчиной более высокого сорта шириной 15—20 см. На такую шубу уходило до пяти овчин. *КIалакIач* имела каждая дидойская семья. Она была широко распространена до 30-х гг. XX в.; в единичных случаях ее носят и сейчас.

⁸ Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 13.

⁹ Данилина К. Г. Дидо (Цеза). 1926 // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 71. Л. 39.

⁶ Сержпутовский А. К. Поездка в Нагорный Дагестан. П., 1917. С. 285.

⁷ Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Женская народная одежда аварцев // КСИЭ. М., 1953. Вып. XVIII. С. 15—16.

Второй вид шубы — гьумук, гьумук-боко (заимствована персидско, у лакцев) — это шуба с ложными рукавами и воротником в форме пелерины, получившая широкое распространение у дагестанских горцев: аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, табасаранцев и т. д. О таких шубах писал Н. Дубровин: «Многие большую часть года, не исключая и летних месяцев, носят овчинные шубы с откидными воротниками вроде длинного капюшона нашей шинели, и с рукавами, доходящими до земли, но столь узкими, в особенности в концах, что в них могут войти только два—три пальца»¹⁰. О такой же шубе у аварцев упоминает и З. А. Никольская¹¹. В такой шубе мужчина старшего и среднего возраста

Рис. 2. Мужчина в шубе лабачан

сидел на годекане, посещал родственников и односельчан и пр. По сравнению с *к'алак'лач*, *гьумук боко* была меньше распространена, но носилась повсеместно тоже до 30-х годов.

Третья разновидность шуб *аццунос боко* была меньше распространена, но носилась повсеместно тоже до 30-х годов.

Третья разновидность шуб *аццунос боко* бытовала в основном до конца XIX в. в Дидо-Шаитль. У остальных дидойцев она встречалась единичными экземплярами. Покрой этой шубы напоминал собой *к'алак'лач*. Отличительные признаки: рукава от нижней части до 40 см оторочены крепким материалом темных тонов; воротник лишь чуть намечался (3—4 см); по бокам, чуть ниже талии, делались вместительные врезные карманы. В отличие от *к'алак'лач* и *гьумук боко*, *аццунос боко* застегивалась на 3—4 крючка. Такую шубу носила преимущественно молодежь.

Четвертая разновидность шуб *лабачан* бытовала тоже до конца XIX в., в основном в Дидо-Асах. У остальных дидойцев, так же как и *аццунос боко*, она встречалась очень редко. Шуба шилась длинной, почти до пят, рукавов не имела (шуба-накидка), не имела она также пуговиц. Большой откидной воротник опускался

ниже талии в виде пелерины. Шуба шилась без клиньев, лишь немного расклешенной книзу.

Все виды шуб кроились мужчинами, а шились, как правило, женщинами.

По сведениям информаторов, ссылающихся на рассказы своих предков, в старину (ориентировочно — до первых десятилетий XIX в.) дидойцы шили из овчин своеобразные плащи-накидки *клои*. Для ее изготовления сшивали вместе 4—5 обработанных овчин таким образом, что получалось полотно шириной 75—80 см и длиной до 1,5 м.

Теплой верхней одеждой дидойцам служил также тип войлочного пальто *кочура*. В XIX—нач. XX в. оно бытовало у всех дидойцев, чаще всего — в Дидо-Шаитль. Преимущественно это была одежда пастухов и чабанов. На ее пошив шел кусок войлочного полотнища длиной около 3 м. Его перегибали пополам, задняя часть служила спинкой, передняя образовывала собою полы. Другая разновидность *кочура* отличалась от первого варианта отсутствием воротника и наличием прорезных карманов. Эта разновидность бытовала в основном в Дидо-Асах.

Зимней одеждой служили мужчинам и овчинные либо матерчатые безрукавки *кулгизат пошту*. «Безрукавки — элемент одежды позднего проникновения, — пишет С. С. Агаширинова. — Они в среде аварцев стали появляться после присоединения Дагестана к России...»¹²

Поверх всех перечисленных выше видов одежды (кроме шуб) дидойцы зачастую одевали бурку. Это преимущественно одежда чабанов и путников.

Головными уборами дидойцев были овчинные папахи *клуки*, сшитые так же, как и у других дагестанцев.

Самой распространенной папачой в XIX в. во всем Дидо была папача полусферическая. Ее носили мужчины всех возрастов. В начале XX в. в «...серых лохматых папачах, что мотаются ключьями по лицу...», в «...огромных лохматых шапках из белой овчины...» наблюдал дидойцев Е. Марков¹³. Кроме того, в некоторых аулах дидойцев бытовали папахи в форме усеченного конуса. На протяжении XIX в. второй вид папахи эволюционировал в сторону уменьшения ее высоты. На папачи шли обычно лучшие сорта овчины. «Овчины с барашком выделяются хорошо и идут на папачи» — замечает, в частности, А. К. Сержпутовский¹⁴.

Ночью или в семейном кругу днем среднее и старшее поколение мужчин пользовалось так называемой ночной шапочкой. Дидойцы, за исключением кидеринцев, называли ее *тахъи*; у кидеринцев этот головной убор назывался *кьакъа*. Шилась шапка из

¹² Материальная культура аварцев. С. 54.

¹³ Марков Е. Очерки Кавказа: Картины кавказ. жизни, природы и истории. 2-е изд. СПб.; М., 1904. С. 434, 445.

¹⁴ Сержпутовский А. К. Указ. соч. С. 285.

¹⁰ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. I. С. 547.

¹¹ Никольская З. А. Аварцы // Народы Дагестана: Сб. ст. М., 1955. С. 38.

куска качественной овчины мехом внутрь так, чтобы она свободно облегла голову.

Все виды головных уборов, за исключением покупаемых в Закавказье или у приезжих торговцев, дидойцы-мужчины шили сами.

Во второй половине XIX в. у мужчин стали появляться и овчинные рукавицы *retlikъой*.

Самой распространенной обувью дидойцев в XIX в. (впрочем, как и в более ранний период) была обувь вязаная, на толстой вязаной же подошве, по силуэту напоминающая сапоги *гедоби* (ед. число — *гедо*). Вот как описывает ее Н. И. Воронов. «...обувь шерстяная, вроде наших чулок и туфлей,— обувь оригинальная и приготавливаемая на месте дидойскими женщинами. Это преимущественно вязаные из белой шерсти башмаки с красными и синими строчками или стрелками, твердого вязанья, с тупыми и скошенными носками, без кожаных подошв и без носков. ...В соседней к Дидо Капуче тоже преобладает шерстяная обувь домашнего же приготовления; но здесь она полосатее, цветнее дидойской и с носками остроконечными, загнутыми кверху»¹⁵. Интересно отметить, что название *гедоби* применялось к обуви, несколько раз бывшей в починке. Свершено новые, не бывшие в употреблении вязаные сапоги назывались *шоруби*. Не носили *гелоби* или носили немногие в Дидо-Шаитле, особенно в северной его части (с. Сагада, Тлясуда и др.). Здесь мужчины предпочитали носить кожаную обувь¹⁶.

На вязание *гедоби* уходило много времени. Так, К. Г. Данилина свидетельствует, что одну пару такой обуви женщина изготовляла за месяц¹⁷.

Рис. 3. Вязаная обувь

Вязаная обувь известна и другим народам Дагестана, в частности — народам Южного Дагестана¹⁸.

¹⁵ Воронов Н. И. Указ. соч. С. 13.

¹⁶ О вязаной обуви подробней см.: Сергеева Г. А. Вязаная обувь народов Горного Дагестана // КЭС. М., 1984. Вып. 8.

¹⁷ Данилина К. Г. Указ. соч. С. 39.

¹⁸ Булатова А. Г. Национальная одежда лезгин. XIX—начало XX в. // Хозяйство, материальная культура и быт у народов Дагестана в XIX—начале

XX в. Махачкала, 1977. С. 96. Её же. Национальная одежда дагестанских цехуров в XIX—XX вв. // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 128.

В аулах Иланеви (шауринцы) в XIX в. большее распространение получили легкие полусапожки на твердой подошве *колбон*. Верх и невысокие голенища (чуть выше щиколоток) делали из сыромятной овечьей или козлиной кожи. И голенище, и верх кроились из одного куска материала. Сзади, у пятки, через специальные отверстия пропускался кожаный шнурок, завязывающийся спереди. Эта разновидность обуви, встречаемая изредка и у остальных дидойцев, утеплялась сеном и в основном носилась с носками *цинтай*.

Другой тип обуви, изготовленной из сыромятной овечьей (реже козьей) кожи, был известен под названием *гумура*. Этот вид бытовал в XIX—нач. XX в. почти у всех дидойцев. *Гумура* шили из одной заготовки, поэтому швы проходили у носка и у пятки, носки его были чуть загнутыми вверх. Специально подошва к *гумура* не пришивалась. Носилась эта обувь с носками или обмотками *чир*, *мухарби*, а также и с ноговицами *дулугъаби*. Дидойцы общества Мокок (аулы Мокок, Бериль, Хеботли и др.) *гумура* почти не носили. Обычные *гумура*, известные в этнографической литературе под названием «чарыки», повсеместно носились мужчинами чаще.

Более распространена была у дидойцев другая кожаная обувь — *тлерухла*. Она изготовлялась следующим образом: кусок овечьей или козьей кожи кроился так, чтобы он мог облежать подошву, пятку и часть стопы. После этого вся передняя (верхняя) часть заготовки через специально проделанные отверстия переплеталась кожаным шнурком таким образом, чтобы плетение закрывало часть стопы до подъема. Обувь также могла носиться с носками, ноговицами и обмотками. *Тлерухла* дидойцы стали носить с 50—60-х гг. XIX в.

В первой половине XIX в. среди дидойцев достаточно широкое распространение получила и обувь на деревянной подошве *пашмакъ*. Главным ареалом ее распространения было Дидо-Асах, бытовала она и в Дидо-Шуратль и меньше всего — в Дидо-Шаитль. Это была обувь, широко распространенная по всему Дагестану.

Сапоги с мягкой подошвой *масхлу* изготовлялись из кожи мелкого рогатого скота. Нижняя часть, закрывающая всю стопу, шилась отдельно, отдельно же шилось и голенище, а затем то и другое сшивалось вместе. Эта обувь носилась главным образом летом. В непогоду она одевалась вместе с башмаками. В такой обуви мужчины работали дома, ходили по аулу и т. д.

В Дидо-Шаитль, в аулах Шаитль, Китури, Шаури, Сагада и др. в XIX в. бытовал вид обуви, малознакомый дидойцам других ущелий. Это была обувь типа описанного выше *гумура*, но с подошвой в виде сетки, образованной переплетением кожаных ремешков. Обувь эта, называемая *урхель*, утеплялась травой, носилась с нос-

ками, об мотками, поговницами. Населения Дидо-Асах и Дидо-Шуратль изредка тоже носило эту обувь, особенно удобна была она для пастухов, охотников и др., т. е. тех, кому приходилось преодолевать занесенные снегом тропы, крутые склоны и т. д. Единичные экземпляры *хурхель* можно видеть у дидойцев и в наши дни. Другую разновидность *хурхель* наблюдал у дидойцев Е. Марков. «Обувь у дидойцев,— пишет он, подбита двумя тупыми гвоздями из стали в вершок длины, как раз под средним выгибом ступни, кроме надежных гвоздей на каблуках»¹⁹.

Почти все виды обуви шились самими дидойцами-мужчинами (за исключением *гедоби*).

В 60—70-е гг. XIX в. кое-кто из дидойцев стал носить сапоги обычного образца *чакмай*, проникшие к ним из России и Грузии. Сапоги стоили дорого и были доступны единицам.

Во всех без исключения селениях и со всеми видами обуви мужчины носили носки *цинтай*. Больше всего были распространены орнаментированные носки (Дидо-Асах, Дидо-Шуратль и общество Мокок), реже — однотонные, белые, черные и коричневые (Дидо-Шантль). Кроме того, мококцы нередко носили белые носки с черными вкрапинами. Носки одевались круглый год, зимой и летом. Подбитые мягкой кожей, они служили дидойцу удобной и практичной домашней обувью. Мужские носки отличались от женских размерами, орнаментом женские — более пестрые), цветовой гаммой (в мужских орнаментированных носках преобладали те же цвета, что и в *гедоби* — красный, белый, черный; в женских, в дополнение к этому, — зеленый, желтый, оранжевый, синий).

Такие виды обуви, как *гумура*, *тлерухла*, *колбон*, *хурхель*, носились и с поговницами *дулугьаби*, и с обмотками *чир* (из овчины) или *мухарби* (из шерстяной материи).

Итак, традиционная мужская одежда дидойцев в основных своих чертах однотипна с одеждой других народов Дагестана. Это основное положение не исключает наличия в костюме дидойцев локальных вариантов и особенностей.

Женская одежда и украшения

В целом одежда женщин-дидоек отличалась сравнительным разнообразием. Отмечая своеобразие цезского костюма, Е. Марков писал: «Наряд дидойских женщин пахнет самыми отдаленными веками и глубоким Востоком»²⁰.

В XIX в. основными предметами женской одежды были: туникообразная платье-рубаха *кунта*, *гед*, узкие штаны *гелъльгу* *чухта* *чухту*, платок *къаз*, вязаные сапоги *гедоби*.

Главным видом верхней женской одежды в XIX в. была широкая и длинная туникообразная рубаха *гед*. На нее шло обычно до

4 м материи. Рубаха расширялась книзу посредством вставных клиньев, вшитых по бокам. Рукава ее с квадратными ластовицами были широкими и прямыми. Грудной вырез проходил по середине и застегивался на 2—3 пуговицы. Иногда у такой рубахи был небольшой узкий вороток. Подол рубахи подшивался каким-нибудь ярким материалом — красным, желтым, синим шириной в 5—6 см. Для нарядности ластовицы делались тоже из другой, более яркой ткани. Рукава для красоты иногда прострачивались. Очень часто для прочности спинку и грудь рубахи делали двойными. Нижняя рубашка как таковая стала носиться дидойками лишь после революции. Покрой ее оставался в целом таким же.

До конца XIX в. для женщин и девочек шили рубаху из подстриженной овчины — *хуну*, одеваемую на голое тело. Покрой ее, по данным информаторов, совпадал с покроем туникообразной матерчатой рубахи.

Рис. 4. Женщина в национальной одежде

Покрой женских штанов *гелъльгу* почти полностью копировал мужские. Штанины были длинными, закрывающими ногу до ступни, и узкими. Нижний край штанин дидойки ничем не украшали, так как чаще всего штаны носились заправленными в вязаные шерстяные носки или сапоги.

До начала XX в. дидойки носили также штаны ворсом внутрь — в холодное время года, а штаны из сыромятной, мягкой овечьей или козьей кожи летом. Побывавший у дидойцев летом 1910 г. А. К. Сергеевский пишет: «Женщины носят длинную почти до земли овчинную рубаху с широкими рукавами, узкие овчинные штаны...»²¹ Таким образом, изредка, может быть в единичных случаях, дидойки еще в начале XX в. носили овчинную пательную одежду. Кроме того, дидойки Дидо-Асах и общества Мокок нередко носили вязаные шерстяные штаны того же покроя.

В XIX в. в единичных случаях дидойки носили и матерчатые шаровары *пигу*, привозимые, вероятно, из Грузии и Азербайджана.

Во второй половине XIX в. среди дидоек бытовал еще один вид туникообразной рубахи — *кунта*. Наибольшее распространение оно получило в селениях, более или менее связанных с остальными дагестанцами: Кидеро, Шанть, Мокок, Шаури и др. Это обстоятельство позволяет говорить о *кунта* как об элементе более позднего происхождения²². *Кунта* шили из сукон местного произ-

¹⁹ Марков Е. Указ. соч. С. 429.

²⁰ Марков Е. Указ. соч. С. 441.

²¹ Сергеевский А. К. Указ. соч. С. 285.

²² Материальная культура аварцев. С. 232.

водства, но чаще из поступавших из России и Грузии тонкого сукна, шелка, ситца, сатина. Шилось платье на кокетке. Юбка его была сборенной или имела складки, рукава на манжетах — вшивные, широкими и длинными. Украшали платье узорным швом, а иногда нашивали по груди и на манжетах полосы из другого материала.

Верхним платьем дидоек, распространенным по всем селениям в XIX в., было и другое, тоже называвшееся *кунта*. Оно шилось отрезным по талии, с 6—8 складками до пояса, с присборенной юбкой. Вшивные рукава с ластовицами и без них делались без манжет, длинные и широкие. Воротничка не было. Прямой грудной вырез застегивался на 5—6 пуговиц. Украшалось платье чаще всего узорной строчкой. Еще одной разновидностью *кунта* было платье с облегающим лифом. Складки до талии в этом варианте отсутствовали. Эта одежда была наиболее распространена среди дидоек ушелья Илан-Хеви (Дидо-Шаитль) с конца XIX в.

В подавляющем большинстве случаев подол платья любого фасона окаймлялся широкой полосой (до 20—25 см) ткани яркой окраски: красной, желтой, зеленой²³.

Почти со всеми видами рубаш и платьев дидойки носили поясную матерчатую повязку *ашуни*. Она шилась из куска материи длиной до 3 м и шириной 70—80 см. В подавляющем большинстве случаев повязка была красного цвета. Некоторые старухи носили белые пояса. Материал для них подбирался легких, дешевых сортов: ситец, бязь, сатин и пр. Конец повязки на длину до 70 см делался в виде мешка. Дело в том, что по шариатским нормам ноги молящейся женщины должны быть совершенно прикрытыми и наличие такого мешка на поясе позволяло дидойке совершать намаз в любой обстановке: в гостях, в поле, на кутане и т. д. Интересно отметить, что мешок до сих пор шьется к поясу, хотя большинство дидоек уже давно не молится.

В XIX в. в отдельных случаях дидойки носили нарядное платье *кэбалай* типа кумыкского. «*Хабалай*» для аварцев является элементом позднего проникновения, — пишет С. С. Агаширинова. — Описанная одежда (*хабалай* — С. Л.) широкое распространение у аварцев получает лишь со второй половины XIX в. Она была заимствована ими у плоскостных кумыков»²⁴. Эти положения в полной мере относятся и к дидойцам. *Кэбалай* одевался дидойками и поверх *кунта*, и, в отличие от других аварцев²⁵, поверх *гед*. Такое платье дидойки сами не шили. Заказывали его по мере надобности у мастериц соседних народностей. Носили *кэбалай* девушки и молодые женщины.

До конца XIX в. дидойки ни шуб, ни пальто не носили. В холодное время года вся жизнь женщины протекала в хлопотах по

дому и хозяйству, теплая одежда для нее не предусматривалась. Единственной теплой плечевой одеждой дидойки была овчинная или матерчатая безрукавка, пропикшая к дидойцам, как уже указывалось, лишь во второй половине XIX в. Овчинные носили в основном пожилые женщины, матерчатые — молодые. Кроме того, в холодное время года женщины кутались в теплые шали и платки.

Лишь с самого конца XIX—начала XX века женщины изредка стали появляться в специально для них пошитых шубах типа *кла-лакляч* и *лабачан*. На это же время падают единичные случаи появления женского пальто европейского (русского) образца, приобретаемые дидойцами в России и Грузии. Ношение женщинами овчинных шуб и тем более пальто общественным мнением все еще осуждалось. Теплая зимняя одежда прочно вошла в быт дидойцев лишь после установления Советской власти.

Обувь женщин-дидоек была весьма разнообразной. Как и у мужчин, самой распространенной женской обувью в XIX в. были шерстяные вязаные сапоги с толстой вязаной же подошвой *гедоби*. Распространена была эта обувь даже в Дидо-Шаитле, где мужчины носили ее сравнительно редко. Женские *гедоби* по сравнению с мужскими были меньшими по размерам, ярче украшенными, с более высоким голенищем.

Женская обувь *масхлу* отличалась от мужской отсутствием голенищ и размерами. В непогоду *масхлу* одевались с башмаками и с *гумура*. Иногда эту обувь дидойки носили с обмотками *мухарби*.

Женские *гумура* также отличались от мужских только лишь размерами.

Рис. 5. Чухту

Мококские женщины (с. Мокок, Берих, Хеботль) и дидойки некоторых селений Дидо-Шаитля (Сагада, Митлода, Тлясуда) носили сапоги с укороченными голенищами и на твердой подошве — *кол-бон*. С ними тоже одевались шерстяные вязаные носки. Бытовала эта обувь в указанных районах до конца XIX в. В остальных частях Дидо она встречалась весьма редко.

Зимней обувью женщины в XIX—нач. XX в. иногда служили войлочные сапоги *бутнис шоруби*. Эта обувь состояла из трех отдельно заготавливаемых частей: голенища, части, закрывающей стопу, и подошвы. Подошва делалась из нескольких

²³ Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан летом 1898 г. // СМОМПК. 1902. Вып. 31. С. 240.

²⁴ Материальная культура аварцев. С. 236.

²⁵ Там же. С. 235.

слоев плотного войлока. Носки обуви были чуть загнутыми. Такой обувью чаще всего пользовались женщины Дидо-Асаха, но в общем по всему Дидо сравнительно редко.

Весьма распространенной во всех ущельях обувью женщин было еще два вида изделия из сыромятной кожи: *гумура* (отличавшиеся от описанных мужских более низкими бортами) и *тлерухла*. Покрой женских *тлерухла* от описанных уже нами мужских ничем не отличался. Носить их дидойки (да и дидойцы тоже) стали в 40-х—60-х годах XIX в. По всей вероятности, именно такую обувь К. Г. Данилина называет «туфлями-сандалиями из кожи»²⁶. По сравнению с *гумура тлерухла* считались более нарядной обувью.

Легкой летней обувью служили башмаки *пашмакъ*.

Основным головным убором дидойки была чухта *чухту*. В XIX в. дидойки носили сложную чухту, состоящую из трех частей: кожаного чепца в виде шлема, плотно облегающего голову, с пришитыми к нему кожаными лопастями, спускающимися по спине до пояса или вдоль щек до груди; матерчатого мешка, пришитого к чепцу; куска полотна, тоже притороченного к чепцу, длиной до пят. Тот же Е. Марков наблюдал подобные головные уборы у дидоек в начале XX в.: «Широкие темно-красные мантии из кумача покрывают сзади голову и все тело дидойки, одетую в темную синюю рубаху; мантии эти перехвачены складками на шее и спускаются до самых ног. Они выложены сплошными рядами старинных серебряных монет, расшиты серебром, оторочены разными подвесочками и бахромою в той части своей, которая покрывает голову...»²⁷. А вот как описывает такой же убор другой исследователь: кожаный чепец плотно сидит на голове и весь украшен серебром, монетами и бляхами; по вискам, закрывая уши и щеки, свисают длинные кожаные полосы, достигающие груди, тоже украшенные бляхами и монетами; сзади от убора опускается широкий ярко-красный плащ, доходящий по длине до нижнего края рубашки²⁸. Приблизительно такой же вариант головного убора дидойки описан и К. Ф. Ганом²⁹.

Своеобразна форма чухту селений общества Мокок. В отличие от уборов других селений Дидо чухту мококских женщин имел более сложный чепец. Он закрывал лоб до бровей, в передней части был сборен, верхняя часть обшивалась парчой или бархатом. В отличие от образцов головных женских уборов, о которых говорилось выше, у мококского чухту от чепца на спину спускалось широкое (40—50 см) кожаное полотнище, закрывающее затылок, шею и часть спины до лопаток. Мококские женщины реже остальных украшали чухту височными кольцами, предпочитая им крупные серебряные бляхи. Заметим, кстати, что при украшении голов-

ного убора годоберинки и ругуджинки тоже предпочитают бляхи височным кольцам³⁰.

Чухту носили все без исключения женщины, с 8—10 лет и до старости. Девочки, а иногда молодые женщины общества Мокок могли носить вместо чухту головную повязку на подкладке *чургъай*. Она шилась из кусков яркой (красной, желтой синей) материи с подкладкой из материала другой расцветки. Повязка плотно облегалась голову в виде чепца и завязывалась сзади.

Описанные выше головные уборы дидойки носили почти без изменений вплоть до начала XX в. Однако уже со второй половины XIX в. чухта дидоек видоизменяется и постепенно упрощается до вида обычного мешка-накосника.

Распространены были среди дидоек и большие платки *къирику* (средний размер 150 : 150 см): большие шелковые платки *ацугани къирику*, большие шерстяные платки *шалмос къирику*. Шерстяные платки местного производства носились двух типов: связанные на спицах и сотканые на станке. Связанных было гораздо меньше, но они считались более качественными и теплыми. Большинство шерстяных платков покупалось готовыми.

Маленькие платки назывались *регъини чургъай*. Они нашли самое широкое применение у дидоек, особенно во второй половине XIX в., с развитием торговых отношений. В зависимости от качества платка он мог служить женщине и рабочей, и повседневной, и праздничной частью одежды.

Маленький шелковый платок назывался *дарайс регъини чургъай*. Из этих платков наибольшее распространение получили платки Закавказья (Грузии и особенно Азербайджана) из тонкого шелка с набивным растительным орнаментом.

Маленькие шерстяные платки назывались у дидойцев *шалмас регъини чургъай*. Они были распространены больше малых шелковых. Большинство их тоже приобреталось в готовом виде у торговцев, но отдельные экземпляры изготавливались на месте, например в селении Мокок. Платок представлял собой сотканное шерстяное полотнище с пришитой шерстяной бахромой, окрашенное в темные тона.

Во второй половине XIX в., с усилением притока в Дагестан фабрично-заводских изделий, молодые женщины и девушки стали носить небольшие ситцевые, сатиновые и другие платочки, завязывая их поверх *чухту*. Дидойки называли их *пардачи*. Другое название такого же платочка *мечлокъой* (букв. «обвязывающий шею») наглядно подтверждает традиционную манеру дидоек не завязывать платки, а набрасывать их на голову и плечи.

Во второй половине XIX в. у дидоек была своеобразная манера украшать небольшие шерстяные платки разноцветными лентами. За неимением фабричных шелковых дорогостоящих лент дидойки нередко заменяли их полосками ярких тканей, чаще всего красного и желтого цвета, реже — зеленого и синего. Ленты эти

²⁶ Данилина К. Г. Указ. соч. С. 38.

²⁷ Марков Е. Указ. соч. С. 441.

²⁸ Буш Н. А. По скалам Андийского Дагестана // Изв. РГО. 1905. Вып. XII. С. 273.

²⁹ Ган К. Ф. Указ. соч. С. 240.

³⁰ Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 23.

нашивались на платок вдоль бортов, иногда в 2—3 ряда. Такой головной убор *кIаз* носили девушки поверх *чухIту*. С присоединением Дагестана к России и усилением притока сравнительно дешевых фабричных тканей дидойки стали чаще изготавливать из такого материала головные уборы.

В Дидо-Шантль (Илан-Хеви) и обществе Мокок большие платки *чурзай* дидойки делали из марли, сложенной вдвое. Иногда такой платок красился в черный или темно-коричневый цвет.

Из бязи, ситца, сатина также изготавливались большие и малые платки. По желанию и возможностям платки делались любых размеров. Для получения больших платков полотнища фабричной материи сшивали по ширине в два или три раза. Так, К. Г. Ранилина описала виденные ею большие платки дидоек, сшитые из трех полотнищ ситца. Платки эти обрамлялись шерстяной пришивной бахромой³¹. Такие платки, изготовленные дидойками на местах, назывались *читы*.

В XIX в. у дидоек бытовало и покрывало. Вероятно, этот весьма распространенный раньше тип одежды к XIX в. стал вытесняться большими и малыми платками. Наибольшее распространение покрывало получило у дидоек общества Мокок.

Покрывало представляло собой длинное и широкое полотнище из самого разнообразного материала: домотканного или покупного сукна, закавказского и дагестанского шелка, из недорогих фабрично-заводских тканей (во второй половине XIX в.). На покрывало шли все доступные ткани, привозимые из России: ситец, сатин и чаще — полотно, бязь. Размеры его были большими. Для получения необходимых размеров полотнища ткани сшивали по ширине. Носили покрывало таким образом, чтобы край его, проходя под подбородком, прикрывал шею и грудь, а затем свободно свисал вдоль спины. В отличие от других, мококские женщины украшали покрывало серебряными бляхами или серебряной налобной повязкой. Подобное покрывало еще в 1926 г. описала у дидоек К. Г. Данилина. Она сообщает, что в ауле Мокок вместо платка носят большое покрывало, края которого закрывают плечи и спину. Этот головной убор украшался серебром³².

В исследуемое время женщины украшали себя и свои наряды всевозможными ювелирными изделиями³³. Вкратце перечислим их.

Украшение налобной части *чухту* серебряными монетами, литыми бляхами, плоскими фигурками животных и птиц.

Украшение височной и затылочной части *чухту* кольцами *рукIураби*, бляхами *калмаби* и подвесками *папатлино*.

Иногда *чухту* украшалось золотым и серебряным шитьем, канителью, галунами, пуговицами, серебряными цепочками *гугуди*.

В настоятельных домах общества Мокок женщины украшали монетами, бляхами и подвесками покрывала.

Серьги *рокIура*, *хIета* в виде больших (до 10 см в диаметре) и малых (до 3 см) медных колец; серьги в виде малых колец с подвесками из ромбиков, шариков, цепочек и их комбинаций; серьги в виде полумесяца *буццы* (серебро, реже золото); серебряные серьги с подвесками.

Кольца *башихъов*, перстни *агIураби*, браслеты *ака*: серебряные, реже медные, иногда с камнями (паста, стекло, коралл, янтарь, сердолик); литые, пластинчатые, витые.

Бусы *кIечIмаби* или *мука*: дутые серебряные, позолоченные, медные, янтарные, коралловые, сердоликовые; маленькие, большие, круглые, продолговатые; однородные и комбинированные.

Ожерелье из мелких монет; ожерелье из серебряной цепочки в несколько рядов.

Шейное украшение: его основа — небольшой ситцевый треугольник с карманчиком из красного лоскута и с пришитыми к нему мелкими монетами. Украшение пришивалось к воротничку³⁴.

Нагрудные украшения *тIутIуку*, *пары*, *гому*. Первое — набор монет, блях, фигурок и т. д., нашитых на кусок плотной материи или кожи; пришивалось к платью или подвешивалось к нему. Второе — серебряное украшение из нескольких рядов, звеньев медальонов, блях, брошей, соединенных между собой цепочками и шарнирами. *Гому* — украшение из камней и монет, расположенных в несколько рядов, иногда прямоугольником и обычно вперемежку.

Разновидности ожерелья: набор бус одинакового или разного размера — *гилу*; из дутых многогранных бус (серебряных, реже медных) в сочетании с коралловыми, янтарными, сердоликовыми бусами и монетами разного достоинства: *мечи*, *аршиву*.

Женские пояса серебряные или кожаные с серебряными бляхами — *ашуна*, *чадыра*.

Украшение платья типа *кIабалай*: серебряные застёжки *ануби*, серебряные пуговицы *геро*, подвески *сабав*.

Все перечисленные украшения дидойки стоили очень дорого, накапливались десятилетиями, передаваясь по наследству из поколения в поколение. «Эти сверкающие кусочки серебра, — пишет Е. Марков, — делались единственной наследственной драгоценностью семьи, украшая по очереди десятки женских поколений, чередующихся друг за другом, и должны были поэтому оберегаться пуше глаза, как святыня дома»³⁵.

Подводя общие итоги особенностям традиционной мужской и женской одежды дидойцев в XIX—начале XX в., можно отметить следующее.

Дидойцы как народность развивались в условиях тесных эконо-

³¹ Данилина К. Г. Указ. соч. С. 42.

³² Данилина К. Г. Указ. соч. С. 42.

³³ Сереева Г. А. Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX—начала XX в. // КЭС. 1980. Вып. VII.

³⁴ Данилина К. Г. Указ. соч. С. 40.

³⁵ Марков Е. Указ. соч. С. 251—252.

мических и политических контактов с другими народами Дагестана. Значительными были также традиционные торгово-экономические связи со странами Закавказья, особенно с Грузией. Близость характера социально-политических и культурно-экономических условий жизни различных народов предполагает, при сравнительно одинаковых природно-географических и естественно-климатических условиях, сходную материальную культуру. Поэтому одежда дидойцев — это (в основных чертах) одежда других горских народностей Дагестана и Кавказа. Известный советский этнограф С. А. Токарев указывает, что значительная этническая пестрота народов Дагестана не исключает «общего тона» их материальной культуры³⁶. На этом же положении концентрируют внимание и другие советские этнографы³⁷.

В условиях, когда господствующей формой хозяйства было хозяйство натуральное, основные материалы для одежды дидойцам давало животноводство.

С прекращением военных действий на Кавказе и окончательным присоединением Дагестана к России усилился приток сравнительно дешевых и качественных фабрично-заводских товаров, что не могло не повлиять на одежду дидойцев.

Особенности экономического и культурного развития, естественно-географические и природно-климатические условия жизни способствовали сложению у дидойцев локальных видов одежды, самобытных вариантов ее в целом или своеобразия отдельных частей. Так, мужчины-дидойцы носили овчинные плащи, неизвестные другим народностям Дагестана, оригинальна была также обувь *хурхель* с сетчатой подошвой. Женщины-дидойки иногда покрывали голову платком *чурзай*, сшитым из марли и мало известным другим дагестанкам. Дидойцы, помимо общекавказского оружия (кинжал, шашка, пистолет), носили на ремне ножи местного изготовления с односторонним лезвием *такъ*. У дидоек была своеобразная манера подшивать длинные полотнища к чепцу *чухлту*, известная в основном лишь женщинам Западного Дагестана. Преимущественно только в этом ареале до конца XIX в. были распространены кожаные головные уборы; только здесь до новейшего времени сохранилась нательная овчинная одежда (мужская и женская), вязаные штаны и рубаха, женские обмотки, мужское войлочное «пальто»; здесь же чаще, чем в остальном Дагестане, среди женских украшений встречаются зооморфные фигурки.

³⁶ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 236.

³⁷ Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 253; Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971. С. 124.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА ГУНЗИБЦЕВ XIX—НАЧАЛА XX в.

Гунзибцы (самоназвание — *гьунзал*) — небольшая по численности народность Дагестана, принадлежащая к аварской группе народностей, издревле живущая у подножия гор Большого Кавказского хребта, на территории, где проходит граница Цунтинского и Тляртинского районов.

Гунзибцы живут в горном Дагестане в пределах Цунтинского района компактно в пяти селениях — Тодоре, Родоре, Гьело, объединяющихся под общим названием Гунзиб, и в селениях Нахада и Гарбутль. Значительная часть гунзибцев в настоящее время проживают в селениях Комсомольское и Стальское Кизилюртовского района ДАССР и Тхилис-Цкаро Груз. ССР.

История и этнография, в том числе и материальная культура, гунзибцев до настоящего времени не были объектом специального исследования, если не считать скурых упоминаний о них в работах, посвященных другим народам¹. Имеющиеся архивные материалы по гунзибцам касаются преимущественно социально-экономических отношений и статистики населения и не содержат сведений об их этнической истории².

В предлагаемой статье мы предпринимаем попытку осветить одну из важнейших областей материальной культуры гунзибцев — традиционную одежду. Источником для ее написания послужил полевой этнографический материал, собранный нами в селениях гунзибцев — Тодор, Родор и Гьело и Стальское и Комсомольское в период экспедиции 1987 года.

Одежда, как и другие элементы культуры, отражает и естественно-географические, и исторические, и социально-экономические, и семейно-бытовые условия жизни народа. В ней находят отражение национальная самобытность народа, его культурные традиции, художественные вкусы. Одежда, по определению Г. А. Сергеевой, «является своего рода его (народа. — М. Р.) этнической меткой»³.

Основным материалом для изготовления одежды гунзибцев в прошлом служили продукты животноводства (овчина, кожа,

¹ Дагестанская область // КК на 1917 г. Тифлис, 1916. Отд. общ. III. С. 281.

² Посемейный список жителей Гунибского округа Анцухо-Капучинского наместства 1886. // ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 5. Д. 73. Л. 326—341.

³ Сергеева Г. А. Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука. 1978. С. 204.

шерсть). Поскольку в исследуемое время преобладало натуральное хозяйство, все необходимое для жизни, в том числе и одежду, гунзибцы изготовляли сами. Из шерсти выделывали сукно, войлок, бурки, из овчины — шубы, папахи и т. д., из кожи крупного и мелкого рогатого скота — обувь.

С включением Дагестана в общероссийский рынок, расширением связей с другими народами ассортимент тканей, употребляемых для изготовления одежды, значительно расширился за счет привозных фабричных тканей (в основном — ситца, бязи и др.). Однотонные темные ткани шли на изготовление верхней одежды (особенно представителей старшего поколения). Из тканей ярких расцветок шили одежду девушки и молодые женщины. Дорогие ткани типа харай, дарай, были доступны далеко не каждому гунзибцу. Их могли приобретать лишь состоятельная часть населения. Ткани фабричного производства проникали к гунзибцам в основном через Грузию, с которой, несмотря на трудности, связанные с горным рельефом (плохие пути сообщения, бездорожье, частые обвалы и т. д.), гунзибцы поддерживали постоянные связи. Связи эти, возникшие в основном на экономической почве (торговля, обмен, перегон скота на зимний период на территорию Грузии), отразились в известной мере и на одежде гунзибцев.

Традиционная мужская одежда гунзибцев, как и других народов Дагестана, была хорошо приспособлена к географическим и климатическим условиям края. По покрою, способам ношения, а во многих случаях и по названию она имела много общего с одеждой других горцев Дагестана и Кавказа, что обусловлено сходными естественно-географическими условиями, направлением хозяйства, исторически сложившимися взаимосвязями народов региона. Единство кавказского мужского костюма объясняется еще и тем, что «...именно мужчины пользовались всеми правами и привилегиями эпохи патриархально-феодалного времени, где царили обычаи и традиции отцовского единовластия, и поэтому могли больше, чем женщины, приобщаться к культуре соседних народов, смело заимствовать многие ее элементы, в том числе и одежду»⁴.

В то же время одежда гунзибцев имела свои специфические особенности, национальные нюансы, выражающиеся в покрое некоторых элементов одежды. Прежде всего это касалось мужских головных уборов и некоторых видов верхней одежды. Некоторые виды головных уборов отличала не только форма, но и материал. Так, для изготовления одного из самых распространенных видов головного убора гунзибцев *кус* наряду с кожей домашнего скота применялась кожа диких животных (тура, оленя и др.). Дело в том, что в хозяйстве гунзибцев, на территории которых были сосредоточены богатейшие в Дагестане лесные массивы, являющиеся местом обитания многих видов животного мира (оленя,

косули, медведя, волка и др.), значительное место занимала охота. Мясо некоторых видов животных (оленя, тура, частично медведя и др.) применялось в пищу, а из кожи изготовляли (наряду с кожей домашнего скота) обувь, шапки и пр.

Традиционный мужской костюм гунзибцев состоял из нижней рубахи, штанов, верхней одежды из войлока, черкески, шубы, бурки, папахи и обуви.

Нательная рубаха *пухун* была туникообразного покроя и имела много общего с рубахами других народов Дагестана⁵. Она состояла из полотнища (чаще всего из бязи или однотонного ситца) длиной около 250 см и шириной около 90 см, сложенного вдвое. По бокам вставлялись расширяющиеся книзу ластовицы. Спереди оставлялся небольшой (около 15—20 см) разрез, который у шеи застегивался на пуговицу. Воротник чаще всего окантовывался полоской ткани, а иногда делался стоячим. Длинные вшивные рукава у запястья окантовывались тонкой плоской ткани рубахи. По сведениям информаторов, нижняя рубаха появилась у гунзибцев лишь в начале второй половины XIX в.

Штаны *задех* шили из самодельного сукна темного цвета. *Задех* состоял из двух пришитых друг к другу штанин, между которыми для ширины шага вставлялась ластовица. Вверху делался рубец, в который продевался крученный шнурок из шерстяных ниток.

Достоверность бытования у гунзибцев в исследуемый период овчинных штанов вызывает у нас сомнения, основанные на расхождении сведений информаторов: одни указывают на их бытование в далеком прошлом, другие утверждают, что гунзибцам этот вид одежды не был известен. Мы склонны присоединиться к мнению первых по двум причинам: информаторы первого порядка — более старшего поколения, кроме того, сами условия местности (в первую очередь суровый климат) диктовали необходимость в этом виде одежды у гунзибцев.

Верхней одеждой основной части населения служил *кьони* — одежда весьма примитивного покроя, сшитая из войлока: белого цвета (для молодежи) и черного (для представителей старшего поколения). Для изготовления *кьони* кусок войлока длиной в 220—230 см и шириной 90—100 см складывали вдвое и ушивали по бокам. Затем вырезали прорез для головы. Спереди сверху до низу делался разрез, который стягивался у шеи тонкой полоской войлока или кожи. Рукава вточные, длинные и относительно широкие.

В качестве верхней одежды носили также *чухъай*, который имеет много общего с аварским *гунжат*, кумыкским *кьаптал*, даргинским *кьаптан*, или *милтона*, лакским *ккурту* и бешметами других народов Дагестана и Кавказа с некоторыми локальными раз-

⁴ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX—нач. XX в. М., Наука, 1978. С. 206.

⁵ Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960. С. 107; Агаширинова С. С. Национальная одежда лезгин в XIX—нач. XX в. // РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 2922.— 1960; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 216—217; Агулы. Махачкала, 1975. С. 141 и др.

личиями в деталях покроя и украшениях⁶. *Чухтай* шили из домо-тканного сукна темного цвета отрезным в талии сзади; перед — неотрезной, с облегающим лифом. По бокам и сзади вставлялись расширяющиеся книзу клинья. Рукава длинные, вшивные. От шеи до талии *чухтай* застегивался на пуговицы или тесемки из шнура. Воротник — стоячий и небольшой.

Состоятельные гунзибцы носили черкеску (*чухтай* — гунз.) общекавказского типа⁷. Черкеску шили из тонкого сукна темного цвета (черного, темно-синего, темно-коричневого). Верх отрезной, облегающий, нижняя часть состояла из 8—10 расширяющихся книзу клиньев. Рукава длинные (ниже кисти руки). К нижней части рукавов пришивался материал другого цвета, т. к. они обычно отворачивались. По обеим сторонам верхней части пришивались в ряд карманчики, куда вставлялись газыри. С черкеской носили узкий кожаный пояс с нашитыми на него серебряными украшениями (пластинками, подвесками и т. д.). Неотъемлемой частью пояса был кинжал *батай* в деревянной и кожаной оправе (у несостоятельной части) и серебряной (у богатых гунзибцев).

В качестве зимней одежды гунзибцы одевали овчинные шубы, широко распространенные по всему Дагестану с небольшими локальными особенностями в покрое.

Овчинные шубы гунзибцев встречались трех типов. Первый *гъамо* шили ниже колен с отрезной талией и чуть расширен книзу. Воротник и борта отделялись овчиной лучшего качества и контрастного цвета (к белой шубе пришивали черные воротник и борта, и наоборот — к черной шубе — белые воротник и борта).

Второй вид *клаглажо* шили длиной почти до пят. Для *клаглажо* выбирали овечьи шкурки с длинной шерстью и лучшего качества. Большой воротник и борта в отличие от *гъамо* отделялись шкурками одного с шубой цвета. Покрой — цельнокроеный, чуть расширяющийся книзу. Рукава, широкие в пройме и сильно зауженные книзу, доходили почти до шиколоток. Спереди шуба делалась открытой, но застежек не имела, а запаховалась и придерживалась руками (которые; как правило, не вдевались в рукава). Шуба *клаглажо* была незаменима в холодное время года. Она часто служила и в качестве одеяла, а иногда заменяла и одеяло, и матрац, и подушку (большие размеры этих шуб позволяли спать, закутавшись в нее). Гунзибцы, на территории которых наблюдались значительные перепады температуры между дневным

и ночным временем (теплая, а иногда и жаркая погода днем часто сменялась довольно низкой температурой в вечерние и особенно ночные часы), *клаглажо* одевали вечерами и в летнее время года. Практичность и удобство этих шуб в условиях суровой и продолжительной зимы в горах явились причиной распространения этого типа шубы почти у всех народов Дагестана с незначительной разницей в некоторых деталях покроя⁸.

Помимо *гъамо* и *клаглажо* гунзибцы одевали и *гъого* — короткие (чуть ниже пояса) шубы с длинными и узкими рукавами. *Гъамо* шили в основном из овчины белого цвета. Воротник (небольшой и узкий) обычно делали из овчины контрастного (черного) цвета. Борта в отличие от других шуб не отделялись шкурками, а застегивались на пуговицы из кожи; петли также делались из кожи. Этот вид шубы, насколько нам известно, не встречался у других народов Дагестана. Видимо, гунзибцам она заменяла широко распространенные у всех народов Дагестана овчинные и матерчатые безрукавки (гунзибцам они не были известны).

Гунзибцы пользовались также трапециевидной войлочной буркой общедагестанского типа, которая издревле была «неразлучным спутником горца при верховой езде и бивуачной жизни»⁹, т. к. была незаменима и в холод, и в жару, и в дождь.

Головными уборами служили папахи *тлоклол* из овечьих и оленьих шкур. Они отличались разнообразием и оригинальностью форм. Самым распространенным видом головного убора был *кус* — шапка оригинальной формы, не встречающаяся у других народов Дагестана. Для ее изготовления овечью или оленью кожу вырезали по специальной деревянной форме *кус* (откуда и название головного убора) в виде треугольника. 4—5 таких кусков сшивались вместе острыми концами вверх. Изнутри шапка подбивалась войлоком. *Кус* имела форму конуса. Этот вид головного убора мог быть и вязаным из шерстяной пряжи. Вязали обычно по форме вышеуказанных деревянных треугольников. Готовые куски (обычно 4—5) сшивались вместе, образуя, как и в кожаной шапке, конус. Носили ее без подкладки, т. к. сама по себе она была плотной и теплой.

Состоятельные гунзибцы приобретали *бухари* — папахи из так называемого бухарского каракуля черного или коричневого цвета. *Бухари* имела форму усеченного конуса. Верх покрывали кожей цвета папахи. Изнутри она подбивалась тонким слоем шерсти и материалом и простегивалась. Такая папаха могла быть и с матерчатым верхом. В этом случае она называлась *хурейшин*.

Среди представителей старшего поколения гунзибцев широко были распространены и полусферической формы колпаки из овчины, сшитые шерстью внутрь.

⁶ Материальная культура аварцев. С. 218; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. С. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 205; Далее: Материальная культура даргинцев. Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана и Чечни (По материалам Гос. ист. музея) // КЭС. М., 1976. Вып. VI. С. 180.

⁷ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 226; Материальная культура аварцев. С. 220; Материальная культура даргинцев. С. 207; Булатова А. Г. Лакцы: Историко-этногр. исслед. Махачкала, 1971. С. 114—115; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX—нач. XX в. С. 212—213 и др.

⁸ Материальная культура аварцев. С. 222; Материальная культура даргинцев. С. 207; Ихилов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 159; Булатова А. Г. Указ. соч. С. 113.

⁹ Краткий очерк кустарных промыслов на Кавказе // КК на 1901 год. Тифлис, 1900. С. 53.

Главным убором всадников иногда служил *бачлух* (башлык), бытовавший в XIX в. у всех народов Дагестана и Кавказа. Для башлыка кусок тонкого сукна (около 3 метров длины и 90 см ширины) складывали вдвое и ушивали с одной стороны. Получался убор в виде капюшона, который в непогоду одевали на голову, а в остальное время откидывали на спину.

Представители духовенства и люди, побывавшие в Мекке (хаджи), носили *чалму* — кусок белой ткани, который обматывали несколько раз вокруг головы.

Обувь гунизбцев, как и всех горцев Дагестана, была хорошо приспособлена к рельефу и климатическим условиям края. Хождение по горам, перегон скота на значительные расстояния, резкие перепады погоды требовали теплой и удобной обуви.

Распространенной формой обуви были калбани типа аварских *мачуял*, лезгинских *шаламар*, грузинских *каламани* и *бандули* и др.¹⁰ Их кроили из сыромятной кожи (домашнего скота или оленьей) в форме полуботинок с острым носком и застежками из кожаных ремешков, которые стягивались у щиколоток. С *калбани* в холодное время носили *дулах* — кусок самодельного сукна, который обматывали вокруг щиколоток.

К концу XIX в. у гунизбцев (в основном их состоятельной части) распространяются *мачуял* (легкая кожаная обувь с голенищем, плотно облегаящим ногу. *Мачуял* шили из тонкой, хорошо обработанной кожи, а для подошвы для прочности употребляли грубо обработанную бычью кожу *дабагъ*).

Самым распространенным и одним из древнейших видов национальной обуви гунизбцев являлись вязаные из шерстяной пряжи высокие (чуть ниже колен) носки-сапоги *гьякло*, известные и многим другим народам Дагестана и некоторым народам Кавказа, в частности грузинам. Мужские *гьякло* в отличие от женских вязывались из пряжи одного цвета (преимущественно белого) с редкими небольшими схематизированными узорами на тыльной части обуви. Носок — с косым срезом, а не загнутый, как у некоторых других народов (агулов, рутулов, некоторых народов аварской группы). Низ обшивался толстыми нитками до образования плотной подошвы. *Гьякло* носили во все времена года. Универсальность этого вида обуви объясняется ее практичностью: она была удобна для ходьбы по горам; толстая подошва предохраняла ноги от ушибов, от холода, не скользила на снегу. Удобство и практичность *гьякло* послужили причиной тому, что этот вид обуви довольно широко распространен у гунизбцев, проживающих в горной местности, и в наше время.

В грязь обували деревянные башмаки *пашмакъла*, известные многим восточным народам издревле. Их одевали также в мечеть, где обувь обязательно снимали во время молитвы. Для *пашмакъ-*

ла кусок дерева выдалбливали по форме ноги. Переднюю часть обуви делали загнутой, задняя оставлялась открытой.

При выполнении сельскохозяйственных работ (в основном при сенокосении и перегоне скота, т. е. в тех случаях, когда работа была связана с необходимостью хождения по труднопроходимым горным склонам), гунизбцы с обувью, в основном с *гьякло* и *калбани*, носили *гьяльцо* — подковы с двумя шипами, закрепив их на ноге кожаными или шерстяными шнурками. Подобные подковы мы видели у жителя селения Гьело Магомедова Имамагомеда. Видимо, они были известны и некоторым другим народам Дагестана. Вот что об этом пишет Н. Дубровин: «Где почва камениста, там дагестанцы носят обувь кожаную, нередко с подковами о двух или трех шипах, утвержденными впереди пятки, где же грунт мягкий, там носят вязаные шерстяные башмаки без подков и нередко вовсе без подошв»¹¹.

Женская одежда и украшения гунизбцев по покрою и элементам близки к дагестанским, особенно народов аварской группы. Традиционная одежда гунизбок в основном была однотипна для всех возрастных групп. Различия касались преимущественно качества материала одежды и цветовой гаммы, что отражало возрастные и социальные особенности населения.

Основные элементы женского костюма в исследуемое время составляли: 1) наплечная одежда: рубаха, платье; 2) поясная одежда: штаны; 3) головные уборы: чухту, вязаные платки; 4) обувь: вязаные носки и носки-сапоги.

Рубаха *эдус-пухун* у гунизбцев в основном однотипна для всех возрастных групп. Ее шили из полотна (в основном бязи и ситца) длиной в 300—320 см, сложенного вдвое. По бокам для увеличения ширины рубахи вставлялись расширяющиеся книзу клинья *хома*. Впереди от ворота делался вертикальный разрез длиной около 15 см. Рукава длинные, чуть суженные у запястья, окантовывались снизу полоской ткани рубахи. *Эдус-пухун* гунизбки одевали и в качестве верхней одежды, подпоясав кушаком — материалом длиной 1,5—2 м, отличавшимся цветом от материала рубахи.

Универсальным видом верхней женской одежды было платье-рубаха *кунта*, аналогичное аварскому *кунта* и платьям-рубахам других народов Дагестана с различиями в деталях покроя. *Кунта* шили из домотканного сукна, а позже, с проникновением в горные районы фабричных тканей, — из сатина, саржи, ситца, атласа и др. Его шили на кокетке со вшивными, длинными рукавами без манжет. Книзу платье расширялось за счет ластовиц *хома*, вставляемых по бокам, начиная с проймы рукавов. Ворот *боло* делался без стойки с вырезом спереди длиной около 15 см. *Кунта*, как и *эдус-пухун*, носили с кушаком.

Поясной одеждой служили *задех* (штаны), вывязанные на спицах из шерстяных ниток. *Задех* вывязывался целиком. Ширина

¹⁰ Материальная культура аварцев. С. 223; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 217; Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура грузин XIX—XX вв.; Традиции и инновации. М.: Наука, 1982. С. 63.

¹¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1871. Т. I. Кн. 1—3. С. 547.

шага достигалась за счет ромбовидной вставки, вывязываемой отдельно. Отдельно вязался также рубец, пришиваемый к верху *задех*. В рубец продевался крученный шерстяной шнурок. Вязаные штаны, по свидетельству гунизбок, были очень грубы и неудобны для ношения, но хорошо предохраняли от холода. С появлением фабричных тканей вязаные *задех* полностью вышли из употребления. Их заменили штаны, сшитые из фабричных тканей по традиционному покрою: плотно облегающие бедро, длинной до щиколоток, а позднее — готовое белье фабричного производства.

Гунизбские женщины носили в прошлом также узкие и длинные штаны из овечьих шкур, сшитые шерстью внутрь. По свидетельству Е. Шиллинга, эти штаны были известны и другим народам андо-цезской группы. Он пишет, что «у женщин тунокообразное платье-рубаха большею частью черное или синее, окаймленное по подолу красным, подпоясанное матерчатом (часто красным) скрученным в жгут поясом. *Шальвары* иногда из овечьей кожи»¹².

Специальной предназначенной для зимы верхней одежды у гунизбских женщин не было. В отличие от других горских женщин, в том числе и аварской группы народностей¹³, гунизбские женщины не носили овчинных шуб. Не носили они и распространенных по всему Дагестану безрукавок. В холодное время года гунизбки закутывались в огромные шерстяные платки, связанные на спицах из шерстяных (в основном белого цвета) ниток *мохар кълос клаз*. Под платком обязательно одевали *чухту* — головной убор горянок, который имел многочисленные локальные особенности во всех территориях с почти идентичным названием¹⁴. О древности бытования этого головного убора на территории Аварии свидетельствуют материалы Бежтинского могильника, датируемые VIII—XX вв., в котором обнаружен головной убор, схожий с аварской *чухтой* исследуемого периода. «По покрою он представлял собой колпак, скомбинированный из кожи и ткани, спускавшейся сзади на затылок. Колпак этот был сплошь покрыт бронзовыми украшениями, а также многочисленными бусинками (преимущественно сердоликовыми), шаровидными и пирамидальными, употреблявшимися в качестве подвесок»¹⁵.

Чухту гунизбок состоял из чепца, плотно облегающего голову, и пришитого к нему мешочка для волос. Длина мешочка могла быть разной в зависимости от длины волос, но не ниже пояса. К чепцу с обеих сторон пришивались тесемки, которыми обматы-

¹² Шиллинг Е. Народы андо-цезской группы // РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Д. 1612. Л. 26.

¹³ Материальная культура аварцев. С. 236—237; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 231.

¹⁴ Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков. С. 130; Материальная культура аварцев. С. 242—249; Материальная культура даргинцев. С. 226—232; Булатова А. Г. Народная одежда дагестанских лезгинков // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1977. С. 65; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 232.

¹⁵ Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 113; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 232.

вали подбородочную и теменную части головы. Материалы для *чухты* служили в основном ситец, сатин, крашенная бязь. Неотъемлемой частью *чухты* были украшения, в основном 2- и 5-копеечные монеты, пришиваемые в несколько рядов к теменной части. При этом крупные монеты пришивались ближе к лобной части, над ними — мелкие, затем опять крупные и т. д.

Обувью гунизбским женщинам служили вязаные шерстяные носки и носки-сапоги *цунда* и *гвакла*.

Цунда вязали из толстых шерстяных ниток разных цветов (желтого, красного, зеленого и т. д.). Женские *цунда* отличались от мужских разнообразием орнамента, выполненного на высоком художественном уровне, и тем, что их делали выше, до и ниже колен. Этот вид обуви широко распространен у всех народностей аварской группы с небольшими локальными особенностями, выражающимися в основном в форме носка. Так, на территории аварской группы народностей обувь с тупым носком представлена двумя разновидностями: вязаными носками-сапогами с косо срезанным сбоку носком (гунизбцы, генухцы, дидойцы, аварцы селения Чадоклоб, Чадола и др.) и с тупым округлым носком (багулалы, тиндалы). Свои варианты имела и обувь с острым носком: это обувь со слегка загнутым носком (бежтинцы), с более загнутым носком и подошвой с резко выступающими краями (аварцы Джурмудского общества, селения Генеклоб, Камилух Тляртинского района) и, наконец, обувь с резко загнутым внутрь острым высоким носком и на плотной подошве (аварцы селения Кутлаб Тляртинского района)¹⁶. Как отмечает Г. А. Сергеева, «каждый из намеченных вариантов вязаных сапог характеризовался суммой признаков (форма носка, орнамента, цветовая гамма и т. д.), которые нередко выполняли функции этнического определителя»¹⁷.

Пакья по форме и орнаментальным мотивам почти не отличались от *цунда*, но вывязывались из более тонких ниток и с относительно тонкой подошвой. Обычно их носили в теплое время года.

Неотъемлемой частью традиционного костюма гунизбок были многочисленные украшения — наручные, ушные, шейные, носимые с одеждой и пришиваемые к ней.

К ушным украшениям относились серьги *агбалальсо* самых разных форм: в виде колец с подвесками, в форме полумесяца, шарообразных подвесок и т. д.

Разнообразием форм и орнамента отличались браслеты *ага*. Их делали плоскими, с орнаментом, с чернью и т. д., браслеты могли быть узкими и широкими, с застежкой или без нее. Материалом для их изготовления в основном служило серебро, реже — золото, а иногда и простой металл.

¹⁶ Сергеева Г. А. Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. Махачкала, 1978. С. 243.

¹⁷ Там же.

Распространенным украшением всех возрастных групп (кроме детей младше 10 лет) были плоские, орнаментированные штрихами, полосками и пр. серебряные или металлические кольца *затлай*.

Особое место среди украшений гунзибок занимало нагрудное украшение *трут*, состоящее из куска ткани с подкладкой, на которой пришивались разные украшения в виде пластинок, шариков и т. д. Центральное место в нем занимала большая четырехугольная серебряная пластинка *кус*, украшенная камнями (драгоценными или простыми в зависимости от имущественного положения женщины) и различными мелкими украшениями. Длина *трут* могла быть до пояса или чуть выше. С этим украшением обязательно носили серебряные или позолоченные (редко золотые) пояса. У гунзибцев встречались два вида поясов: *мегеж* — плоский серебряный пояс с висящими украшениями и застежкой спереди и *цлану* — пояс из серебряных или золотых монет, соединенных между собой цепочками из металла пояса.

На шею гунзибки, особенно подросткового возраста, носили бусы из бусинки — *шуралис гъеру*.

Волосы гунзибские женщины заплетали в две косы и опускали в чухту. Специальные средства для волос гунзибки не применяли, хотя и ценили густые и красивые волосы как один из признаков красоты женщины. Косметику для лица гунзибки совсем не применяли.

Детская одежда. По сведениям информаторов, дети грудного возраста вплоть до конца XIX в. специальной одежды не имели. Их просто заворачивали в кусок ткани или старую одежду взрослых. Только когда они начинали ходить, шили одежду, куртки, штанишки, обувь, которая по покрою и формам представляла собой уменьшенную копию одежды для взрослых. До 3—4 лет одежда мальчика и девочки по покрою почти не отличалась. Иногда их отличал цвет: мальчикам шили или вязали одежду преимущественно белого цвета, девочкам — разноцветные.

Детская одежда состояла из вязаной на спицах куртки длиной ниже пояса с закругленным воротом. Рукава длинные, вшивные, чуть суженные книзу. Штаны дедали из овчины шерстью внутрь. Для детских штанов, в отличие от штанов для взрослых, шерсть с овчины частично стригли. Обувью служили вязаные носки-сапоги *улинда*. Девочки с 10-12-летнего возраста одевали *чухту*, мальчики — овчинные папахи такого же покроя, как и для взрослых. К одежде детей, особенно в возрасте до 3—4 лет, часто пришивали разные бляхи, амулеты, бусы (от сглаза, болезней и т. д.).

Свадебная одежда. Традиционный костюм невесты и жениха по покрою и формам не отличался от повседневного. Но гунзибцы (даже самые несостоятельные) старались сшить для невесты и жениха новую и лучшего качества одежду. В свадебный наряд невесты входили многочисленные украшения — кольца, серьги, браслеты, нагрудные украшения, монеты, пришиваемые к головному убору чухту. Поверх чухту одевали белый платок. Лицо и голову закутывали еще одним большим платком (белым). Закрывание

лица невесты у гунзибцев, как и других народов Дагестана, связано с соображениями магического порядка — «оберегание» невесты от «гибельных» влияний: сглаза, порчи, злых духов и пр.

Траурная одежда. Как и многие другие народы мусульманского Востока, гунзибцы облачали покойника в специальный саван — белый материал, который складывался вдвое и завязывался у головы и ног. Саванов могло быть от трех до семи. Траурной одежды как таковой у гунзибцев не было. Представители старшего поколения (мужчины и женщины) в знак траура одевали темную одежду обычного покроя, младшего поколения — повседневную одежду не слишком ярких расцветок.

Подытоживая вышеизложенный материал, можно сделать некоторые выводы, которые сводятся к следующему:

в своей основе традиционная одежда гунзибцев сходна с одеждой других народов Дагестана, особенно с одеждой аварской группы народностей, что свидетельствует об их исторически сложившейся этнической общности;

в формировании некоторых элементов одежды гунзибцев отражены длительные культурные и экономические связи с сопредельными народами, в частности, с грузинами;

в то же время одежда гунзибцев имеет некоторые локальные особенности, определяемые характером и условиями труда, эстетическими вкусами, природно-географическими условиями территории расселения, социальными и половозрастными различиями.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ ХВАРШИНОК В XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Одежда — один из элементов материальной культуры, отражающий характер трудовой деятельности народа, его культурные традиции и художественные вкусы; женская же одежда в Дагестане, как наиболее интересная и многовариантная, позволяла еще по фасону, способам ношения безошибочно определить и этническую принадлежность¹. Кроме того, в женской одежде более чем в мужской сказывались возрастные и социальные особенности, выраженные в цветной гамме, фасонах или в качестве тканей, из которых шили одежду.

Начиная описание традиционного костюма хваршинок², прежде всего следует отметить, что в литературе (дореволюционной и советской) о нем очень мало сведений, а те, что имеются, фрагментарны³.

Материалом для изготовления женской одежды в исследуемый период, прежде всего, служило домашнее сукно — *эну*, а позже, с появлением различных привозных фабричных тканей, — бязь (*боз*, *алуга*), ситец (*чит*), марлевка (*катанис*), сатин (*зрешун*). Более состоятельные могли приобрести атлас (особенно почитался клетчатый), бархат (*махмур*), шелк (*дарай*), парча (*зарбаб*), для отделки покупали ленты из грубого шелка (*хлемас дарай*), очень редко приобретали золотой галун (*члалу, чель*). В начале XX в. появился материал испаган, напоминавший плотный сатин с характерным рисунком *гъочлу испаган* (испаганская птичка).

Предпочтительным цветом в одежде пожилых женщин был темный (черный, коричневый, темно-синий). Из ярких — желтых, зеленых, пестрых тканей шили одежду девушки и молодые женщи-

ны. Обязательным в одежде женщин всех возрастов был элемент красного цвета.

В XIX—начале XX в. одним из основных элементов женского костюма хваршинки было платье-рубаха *кунта*. *Кунта* до середины XIX века являлась и нательной и верхней одеждой женщины в теплое время года. Она имела туникообразный покрой, расшнуряющийся книзу за счет клиньев, вшитых с двух боков, прямые надставленные для удлинения рукава (без ластовиц) и вертикальный разрез на груди. Для прочности верхнюю часть платья-рубahi делали на подкладке, вырез горловины окантовывался. Застегивалось платье на деревянную пуговицу *цлето*, к вороту обычно сосватанные девушки, прикрывая вырез, пришивали серебряный рубль и 5 копеек (*шагъи*), подол с внутренней стороны⁴ подшивали полосой красной материи шириной 5—6 см, платье-рубahu подпоясывали 3-метровым красным матерчатым поясом в два оборота.

Подобный покрой создавал впечатление бесформенности, и для того, чтобы платье-рубаха у рукавов как-то поддерживалось, верх схватывали обручем (*гешаца*), сплетенным из шерстяной разноцветной пряжи. Его складывали восьмеркой и надевали так, чтобы на спине образовался крест. Шили платье-рубahi из домашнего сукна (*эну*) или дешевых фабричных тканей. *Кунта*, сшитая из домашнего сукна, с появлением фабричных тканей стала называться *чотле*. Самым ранним вариантом этого платья было, по видимому, платье из овчины (*хону*)⁵ такого же покроя, которое надевали мехом внутрь на голое тело. Одежда подобного типа бытовала и у других народностей, относящихся к аварской группе (чамалалов, багулалов, каратинов, ахвахцев)⁶. К исследуемому времени *хону* встречалось крайне редко.

В целом, в селах хваршинского сельского общества *кунта* по покрою были почти одинаковыми, хотя и отличались в деталях. Описанное платье-рубahu носили в с. Хварши, Хонохе. В с. Хойни *кунта* по вороту, по верху рукавов, по подолу и по линии лифа украшали монетами, серебряными бляхами. Кроме того, в с. Хойни к исследуемому периоду поверх *кунта* те, кто имел возможность, надевали *хабало* с широкими расклешенными рукавами, к которым по низу были пришиты серебряные монеты, а по лифу *хабало* обшивали парчой. Носили его с поясом шириной 8—10 см из красного атласа с густо нашитыми на него серебряными монетами. Назывался пояс *утла оцолъу*, завязывался он сзади. *Хабало* напоминали *архалык цахурок* и *рутулок*⁷, но рукава были длин-

¹ Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. М.: Наука, 1981. С. 5.

² Хваршины — один из малых народов, относящийся к аваро-андо-дидойской языковой группе и населяющий Западный Дагестан. Хваршинский союз сельских общин состоял из шести населенных пунктов (Хварши, Хонох, Сантлада, Квантлада, Инхоквари и Хвойни), которые в настоящее время входят в состав Цумадинского района.

³ Завадский А. М. Отчет о поездке вверх по Андийскому Койсу // ИКОРГО. Тифлис, 1903. XVI, № 5. С. 22; Сергеева Г. А. Этнографические наблюдения у хваршин. // Новое в этнографии и антропологии: (Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1973 г.). М., 1975. С. 72—75. Её же. Вязаная обувь народов Горного Дагестана. // КЭС. М.: Наука, 1984. VIII. С. 130—131.

⁴ При выполнении различных работ подол спереди приподнимали и затыкали за пояс, таким образом красная кайма на подоле с внутренней стороны была на виду.

⁵ У Сергеевой Г. А. это платье называется иначе. См. Сергеева Г. А. Указ. соч. С. 72.

⁶ Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Женская народная одежда аварцев // КСИЭ, 1953. Вып. VIII. С. 15—16; Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 73.

⁷ Булатова А. Г. Национальная одежда дагестанских цахуров // ДЭС. Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 132, 133.

нее и шире, да и само *хабало* было длинным. *Хабало* (*хабалай*) для аварцев является элементом позднего проникновения и, как считают исследователи, воспринят от населения кумыкской плоскости, а оттуда в конце XIX в. проник в высокогорье. Примечательно, что этот вид платья бытовал только в с. Хойни. Это село некоторое время входило в состав Эчединского наибства⁸.

С конца XIX в. туникообразные платья-рубахи почти все женщины, кроме старух, стали носить как нательное платье, а поверх *кунта* иногда стали надевать (как свидетельствует полевой материал) молодые жнащины платье с кокеткой (*цалъазагъа лъижиклу* — суженное в плечах), а девушки — отрезное платье, при-сборенное или в складку (*болъосе лъижиклу*). Обязательным для всех видов платья считался красный матерчатый пояс (*оцолъу*), представлявший собой полотнище (до 3 м), которое перетягивало талию женщины дважды и завязывалось так, чтобы концы его спускались спереди или сбоку⁹. Красный матерчатый пояс на платье являлся этнической чертой одежды многих аваро-андо-дийских народностей¹⁰.

Исследователи считают, что матерчатый пояс неотъемлемая часть как будничного, так и выходного костюма горянок, платье которых имело в старину туникообразный покрой, хотя к исследуемому времени у многих народов нагорного Дагестана и вышел из употребления¹¹. Причем он имел определенные утилитарные функции — выполнял роль карманов; за поясом женщина хранила также мелкие вещи. Матерчатый пояс не был узколокальным явлением в Дагестане. Аналогичные пояса известны и в других областях Кавказа (Грузии, Армении)¹². На древность происхождения матерчатого пояса указывает и тот факт, что он используется в обрядовых действиях¹³. Об этом свидетельствует и среднеазиатский материал — в Средней Азии женщина подвязывалась кушаком в знак траура¹⁴, что является несомненным признаком древности происхождения пояса.

Зимой женщины поверх кунта носили овчинные шубы. Имели распространение два вида женских шуб — *хуну* и *к'алак'лач*. *Хуну* напоминало по покрою овчинное туникообразное платье *хуно* и так же подвязывалось матерчатым кушаком, но в отличие от него было распашным. *К'алак'лач* же повторял мужскую шубу-накидку с ложными рукавами с тем же названием, но был чуть уже и короче мужской шубы. Позже шубу *хуну* до талии стали засте-

⁸ Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 4; Обзор Дагестанской области за 1908 г. Темир-Хан-Шура, 1909. С. 3.

⁹ Сергеева Г. А. Указ. соч. С. 72.

¹⁰ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 126.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Там же. С. 73.

¹³ Мусаева М. К. Обряд «кушаха». Свадебные обычаи и обряды хваршин в XIX—нач. XX в. // Тез. докл. научн. сес., посвящ. итогам экспедиции. исследов. Ин-та ИЯЛ в 1984—1985 гг. Махачкала, 1986. С. 29.

¹⁴ Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма: Самарканд (2-я пол. XIX—нач. XX в.) М.: Наука, 1982. С. 63—64.

гивать на удлиненные деревянные пуговицы и воздушные петельки. Эта шуба, возможно, древнее по происхождению, т. к. она повторяет очень распространенное старинное овчинное платье, об этом свидетельствует и название *хуну-уно*.

Вторым основанием элементом одежды являлись штаны — *гъелъу*. Женские штаны мало чем отличались от мужских, разве только длиной — женские *гъелъу* доходили до пят. Они были прямыми и очень широкими (за счет квадратного клипа-*к'вац'ла*) в верхней части, где делался рубец, в который продевался узкий гашник, связанный из крепких шерстяных, иногда из шелковых ниток. На концах гашника делались кисточки. Этим поясом штаны стягивались на бедрах. Низ штанов обязательно украшался тремя полосами из зеленого, красного, черного цветов *хлемас-дарал* (грубого шелка). Штаны, бытовавшие у хваршин, во всех селах, кроме с. Хойни, не отличались по покрою. В с. Хойни штаны были уже и у пояса обязательно красными.

Штаны, распространенные у хваршин, исследователи относят к типу узких штанов с широким шагом. Они были в XIX—нач. XX в. распространены почти повсеместно¹⁵. Шили их, в зависимости от возраста, темных и светлых тонов. Состоятельные старались шить из более дорогих тканей (шелка, бархата), причем только ту часть, которая выглядывала из-под платья. Делалось это из экономических соображений, к тому же верхнюю часть старались шить из крепкой ткани. В теплое время года штаны носили на выпуск, а зимой заправляли в зимнюю обувь. И если у мужчин со временем фасон штанов подвергался изменению, женские штаны, как, впрочем, и другие элементы одежды, подвергались модным веяниям слабо и у пожилых женщин сохранялись вплоть до середины XX в. в неизменном виде.

Из обуви самой распространенной у хваршин, как и у некоторых народов Дагестана¹⁶, являлась шерстяная вязаная обувь (*гъогъеба рочиба*), которая предназначалась как для дома, так и для улицы. Достоинства этой обуви в условиях каменистой горной местности отмечены многими путешественниками и исследователями¹⁷. Эти вязаные сапожки отличались своеобразной войлочной простеганной плотной шерстяной ниткой подошвой, подошва по ступне обшивалась особым швом, что создавало впечатление окантовки. Голенища делались довольно высокими и ор-

¹⁵ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 74.

¹⁶ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 69; Сергеева Г. А. Вязаная обувь народов Горного Дагестана. С. 106; Её же. Материалы по одежде аварок Тляртинского района Дагестанской АССР // Итоги полевых работ ИЭ в 1971. М., 1972. С. 81, 82; Булатова А. Г. Национальная одежда дагестанских цахуров. С. 128, 136; Её же. Народная одежда дагестанских лезгинок // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1977. С. 67—68; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX—нач. XX в. М., 1978. С. 217, 234.

¹⁷ Буш Н. А. По скалам Андийского Нагорья // ИРГО. 1905. Т. 41. Вып. 3; Марков Е. Очерки Кавказа. СПб., 1887. С. 435, 456; Дубровин Н. История войны и владычества на Кавказе. СПб. 1871. Т. I. Кн. 1—3. С. 547.

наментировались мелким и темным геометрическим рисунком¹⁸ по белому полю сапога. Только для невест вязались *гьогьеба рочиба* из ярких шерстяных ниток и окантовка-шов делался из красной или белой шерстяной пряжи.

Имели распространение также *рочиба* дидойского типа с усеченным носком¹⁹. Другим видом распространенной обуви являлись войлочные сапожки — *бутнис мачиба*. Эти сапожки доходили до икр. Подошвой служил простеганный в несколько слоев войлок или грубо выделанная кожа из шкуры крупного рогатого скота (*дабагъ*). *Дабагъ* отличался особой прочностью. У нарядной войлочной обуви передняя нижняя половина голенища отделялась шерстяной строчкой, создающей геометрический орнамент²⁰. Иногда сапожки украшались рядом мелких серебряных монет.

Из кожаной обуви наиболее распространенной считалась обувь из сыромятной кожи (*тлом*). Она была более доступна широким слоям населения, к тому же очень проста в изготовлении. У хваршин имеется несколько разновидностей обуви из сыромятной кожи. К зимней обуви относятся *хъурхъель*, которые по фасону напоминают грузинские (мохевские) бандули²¹. *Хъурхъель* так же считалась дорожной обувью; в зимнее время, отправляясь в путь, её обували с теплыми носками, а чтобы легче было идти по снегу, подвязывали к подошве на веревках (как коньки) специальные металлические приспособления в виде шипов — *гъоцебо*. Упоминание о таких шипах на обуви дагестанца имеется и у Н. Дубровина²². Шили *хъурхъель* из коровьей или воловьей кожи. Обувь представляла собой полуботы со швом спереди, поверху продевалась веревка, которая спереди завязывалась, подошва была сделана в виде переплетенных ремней, что делалось, возможно, для удобства ходьбы по снегу. Внутрь, перед тем как надеть, вкладывали для тепла стельку, сделанную из осенней травы (*клури*). В шутку эту обувь называли обувью без мерки, т. е. безразмерной, и носили ее и женщины и мужчины.

Некоторые имели возможность приобретать обувь из кожи хорошей выделки. Нарядными считались женские кожаные сапожки *чикмарба* с загнутым вверх носком. Подошвой, которая забивалась деревянными гвоздями, служил *дабагъ*; у подъема сапожки обшивались серебряными монетами, каблучок мог быть и высоким (3—4 см) в этом случае их называли «*чикмарба гьудеба голу*» (сапожки с каблучком).

Нарядной обувью у женщин считались также *мачуял*, которые носились с вязаными цветными носками (*цлин тлакъеба, шотаби*,

с. Хвойни). Напоминали они известные «губденки»²³. Шили их из сафьяна или кожи хорошей выделки, очень часто украшали яркой аппликацией, иногда комбинировали. Зимой могли носить с нарядными вязаными носками или поверх *мачуял* надевали войлочные сапожки.

Большое распространение имела у хваршин деревянная обувь *хъваркинеба* без задников. Изготавливали их местные мастера, напоминали они современные сабо со слегка загнутыми вверх носками, подошвой служили деревянные колодки, а верх обычно бывал из кожи, которая закреплялась при помощи деревянных гвоздей. Их обычно носили в дождливые дни поверх шерстяных носок, сапог *мачуял*.

Интересно, что деревянная обувь хваршин несколько отличается от общеаварских деревянных башмаков *цулал хьитал*²⁴ напоминает более распространенные на плоскости башмаки²⁵. Здесь сказываются, возможно, тесные (односторонние) связи с Азербайджаном (Белоканы, Закаталы), но собственное название говорит о том, что эта обувь имеет древнее происхождение, скорее, заимствован фасон.

К концу XIX—началу XX в. повсеместно в высокогорные общества стала проникать фабричная обувь (галoши, ботинки, полуботинки), которую не все могли приобрести, что обусловило столь широкое бытование обуви местно изготовления вплоть до конца I-й четверти XX в. Многие виды обуви, особенно вязаная (*гьогьеба рочиба*), бытуют в наши дни в качестве зимней домашней обуви.

В целом женская обувь хваршин отличалась достаточным многообразием — и повседневная, и нарядная, и дорожная. Говоря о фасонах, можно провести широкие аналогии с обувью других народов Дагестана, во многих случаях отличаются только названия. Обувь хваршин имела также много общего с обувью народов Южного Дагестана, Азербайджана, Грузии. В этом сказываются обменные связи с Азербайджаном, Грузией.

Наиболее интересными и разнообразными в женской одежде народов Дагестана являются головные уборы²⁶. Археологические находки позволяют говорить о том, что сохранившиеся до начала XX в. головные уборы были генетически связаны с древнейшими головными уборами и по форме и по назначению²⁷.

²³ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 68.

²⁴ Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 223, 241.

²⁵ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 72.

²⁶ Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 19; Сергеева Г. А. Женские головные уборы народов аварской группы Дагестана // Полевые исслед. Ин-та этнографии 1977 г. М.: Наука, 1979. С. 111—118; Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 93—106.

²⁷ Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок в Аварии). Махачкала, 1963. С. 113, 114, 121, Котович В. Г. Археологические работы в Горном Дагестане // МАД. Т. 2. С. 283. Махачкала, 1961.

¹⁸ Сергеева Г. А. Вязаная обувь народов Дагестана. С. 130—131.

¹⁹ Завадский А. М. Указ. соч. С. 22; Сергеева Г. А. Этнографические наблюдения у хваршин. С. 73.

²⁰ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 69.

²¹ Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М.: Наука, 1982.

²² Дубровин Н. Указ. соч. С. 547.

У хваршин бытовали два вида *чухту* и платок. Первая — *чухтурус* была по покрою аналогична тиндинской *чухту*, представлявшей собой чепец, сшитый в сборочку на лбу²⁸ и с кожаной планочкой (*рижо*)²⁹ на темени для удержания крученых височных колец (*магъиба чухтурус*). Эти кольца были несомкнутые и с утолщениями на концах. Количество их зависело от возраста и состоятельности. Люди пожилые пришивали одно кольцо, а молодые — от 2 до 5. Пришивались кольца так: вначале большое, затем меньше, как бы одно в другом. Сзади удлиненная часть не зашивалась, а просто свисала, как русская фата. Отличалась она от тиндинской только тем, что ее не делали комбинированной и предпочитали однотонные яркие материи, к тому же *чухтурус* не имела характерного для тиндинской и багулалской *чухту* кармашка для хранения мелких женских вещей³⁰, этот кармашек им заменял матерчатый пояс и нашейное украшение *бикъвас захъоса*, которое представляло собой футляр из серебра. Налобная часть также украшалась монетами.

К исследуемому времени только в с. Хойни не бытовала *чухтурус* с височными кольцами. Здесь носили обычное аварское *чухту*³¹ наосник с чепцом (*калъу*), шили его преимущественно из материала темных тонов, по низу отделявали широкой красной полосой. Такие же наосники в других селах Хваршинского союза сельских обществ носили молодые женщины и девушки, правда, здесь они имели более яркие тона, могли быть и набивными, но обязательно отделялись красной полосой. По всей видимости, второй вид *чухту* был более поздним заимствованием, т. к. исследователи считают, что мешкообразная *чухту* до проникновения в горы первоначально имела ограниченную область бытования — горинный Дагестан³².

Поверх *чухту* одевали квадратный платок *клази*. Вначале бытовали *алукас клази* (бязевые платки) размером 4×4, которые надевали, сложив по диагонали, концы платка закидывали влево, один конец через шею перекидывали на правое плечо. Позже платки стал меньше 2×2 и появились марлевые платки (*катанас клази*). Зимой носили платки из домашнего сукна (*энус клази*). Дорогие восточные шелковые, шерстяные платки могли приобретать не все, и их бытование было ограниченным. Большой размер бязевых платков (4×4) наводит на мысль, что у хваршин имели распространение бытовавшие у многих народов Дагестана и мусульманского Востока покрывала, известные у аварцев под названием *муцлу клаз*³³; платки у хваршин, возможно, являлись измен-

ным вариантом подобных покрывал, тем более что платки надевались поверх покрывал³⁴.

Обрядовая одежда мало чем отличалась от повседневной. В качестве траура носили ту же одежду, что и каждый день. Только платок у подбородка закалывали или зашивали и спускали концы вниз. Вдова должна была носить во время траура, который продолжался в течение 4 месяцев и 3 дней, шубу *кIалакIач* с подрезанными ложными рукавами. (Существовала даже поговорка относительно коротких рукавов: «Что у тебя рукава, как у вдовьей шубы?»)

В свадебной одежде только материал был ярче, да украшений больше. Для невесты *чухтурус* шили из очень яркого материала (красного, фиолетового, желтого). *КIаз* просто накидывали и угол сзади украшали серебряными монетами. Лицо закрывали светлой тонкой материей — *пардав*, которую пристегивали к чепцу подаренными женихом застежками *лехикIдоба* (нарядные крючки). Обувью для невест служили чакмарба с каблуком, украшенные серебряными монетами. Первоначально невеста бывала одета в туникообразное платье-рубаху из яркого материала, рукава по линии плеч и по рукаву были отделаны галуном. На груди висело нагрудное украшение *титино*³⁵, у ворота обязательно висели две монеты; подол платья был отделан шелковой строчкой, а те, кто не мог приобрести шелковые нитки, цветной шерстяной пряжей делали вышивку — цветные ромбики. Позже невестам стали шить платья по возможности в складку, рукав от плеча, ворот и кокетку (причем кокетка могла быть и имитированной) украшали галуном (*чIало, чIель*), рукава делались шире и обычно без манжет, такие рукава назывались *кусуба*. Вышивкой и строчкой украшали только платье в сборку.

Наибольшей популярностью у хваршин, как, впрочем, и у других народов Дагестана³⁶, пользовались монеты различного достоинства: ими обшивались и ворот, и подол, и рукава. Из них был собран нагрудник *титино*: на черную подкладку (напоминающую верхнюю часть современного фартука), приспособленную к тому, чтобы его надевали на шею, густо пришивали монеты разного достоинства, — первые ряды из рублей, следующие из монет 50-копеечного достоинства и т. д. Нагрудник доходил иногда до пояса.

Распространенным нашейным украшением было *осус було*. Это украшение представляло собой ожерелье, сделанное из тонкой серебряной пластинки шириной 3—4 см., от которой, как лучи, отходили плотные удивительного плетения цепочки (6—8 см) с полными шариками на концах. Пластинка была украшена черным рисунком между круглыми сквозными дырами диаметром в 1—1,5 см. Мы уже говорили о распространенном украшении

²⁸ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 100.

²⁹ Сергеева Г. А. Этнографические наблюдения у хваршин. С. 72.

³⁰ Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 23.

³¹ Материальная культура аварцев. С. 243.

³² Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 103.

³³ Там же. С. 105.

³⁴ Материальная культура аварцев. С. 250.

³⁵ Сергеева Г. А. Этнографические наблюдения у хваршин. С. 73.

³⁶ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 108.

бикъвас закъоса, который вешался на шею и нес на себе функцию футляра для игл. Широко бытовали бусы *булъуба*, причем встречались бусы не только серебряные, но и деревянные. Бусины очень часто бывали сделаны в виде кистей рук (*лакъаба*). Если учесть, что обязательным украшением — талисманом от сглаза в детской одежде служил шарик из дерева, то, возможно деревянные бусы в форме кистей рук были одним из первых украшений, причем с определенной нагрузкой — служить оберегом. Об этом свидетельствует и форма бус, и то, что они сделаны из дерева. Возможно, их стали изготавливать из серебра гораздо позже. Кроме наших и нагрудных украшений, хваршинки носили различные наручные украшения и серьги.

Браслеты (*осис аке*, *осис ака*) были самых разнообразных видов — витые, пластинчатые, с сердоликовыми вставками, со вставками из цветных камней и в целом повторяли браслеты, известные в Аварии³⁷. Но один тип браслета обращает внимание своей оригинальностью. Этот браслет сделан из серебряной пластинки шириной в 2,5 см, которая на концах постепенно сужается, приобретая форму змеинных головок, которые, скрещиваясь, образуют застежку (как у современных кошелек). Пластинка украшена чернью и вставками из сердолика (*кличл*). Этот браслет по форме и по декору очень своеобразен. В аварских браслетах вставки отличались своей величиной, а здесь они мелкие да и застежка необычна. Старожилы утверждают, что такие браслеты бытуют с древних пор. Возможно, они развились из древнейших витых браслетов, концы которых напоминали головки змей, получивших распространение в Дагестане, так же как и на всем Кавказе, с VIII в. н. э.³⁸ На руках носили также кольца — *талахоса*, *талахъас*, причем обязательно, т. к. считалось, что кольцо очищает руки, которые подчас приходилось делать и грязную работу.

Серьги бытовали двух видов: *кличлилаби* (небольшие круглые сережки с трилистником или с небольшим утолщением у низа) и *башуба* — серьги покрупнее, с множеством подвесок на цепочках с полыми шариками на концах. Выше говорилось, что головной убор *чухтурус* также украшался несомкнутыми кольцами на висках, налобная часть, а порой и низ обшивались мелкими серебряными монетами.

Из-за того, что одежда подпоясывалась матерчатым поясом, пояса с серебряной отделкой не получили широкого распространения у хваршин. Зафиксированный пояс с нашитыми на красную матерью монетами, видимо, заимствован у тиндинцев, населявших с. Ччеда.

Описанная одежда является свидетельством общности материальной культуры хваршин, других народов андо-дидойской

группы и собственно аварцев, свидетельством этнокультурных контактов хваршин с их соседями тиндалами и дидойцами. При этом одежда имела определенные локальные черты, которые проявлялись в изучаемое время в различных компонентах костюма — в почитаемых материалах, цветовой гамме, фасоне обуви, элементах головного убора, в конструкции некоторых элементов одежды, в манере ношения костюма, характере украшений и т. д., что позволяло определять этническую принадлежность хваршин.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

³⁷ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 119; Материальная культура аварцев. С. 254.

³⁸ Сергеева Г. А. Этнографические наблюдения у хваршин. С. 75.

Материальная культура, формирующаяся в тесной взаимосвязи с естественно-географическими, природно-климатическими условиями окружающей среды, десятками невидимых нитей связана также со всеми сторонами этнической истории, хозяйства, культуры и быта народа. Этнография как отрасль исторической науки призвана изучать прежде всего единый во всей его многогранности, противоречивости и разносторонности процесс развития общества. Однако процесс этот не сводится только лишь к изменениям социальных отношений и классовой структуры. Он включает в себя и множество других компонентов, в частности динамику в области материальной культуры.

Материальная культура народов Дагестана имеет сложную и своеобразную с точки зрения этнографа историю развития.

В XIX в. феодальные отношения были господствующей формой социальных отношений, хотя степень феодализации различных частей края была неодинакова. Весьма ощутимы в общественной жизни оставались патриархальные пережитки. Их влияние на процесс дальнейшего развития определялись степенью сословно-классовой и имущественной дифференциации общества (т. е. в конечном счете — степенью, глубиной проникновения феодальных отношений). Понятно, что в этих условиях преобладание натуральных форм хозяйства или, в лучшем случае, полунатуральной его формы — основная характеристика экономики Дагестана изучаемого периода, что наложило главный отпечаток на своеобразие развития материальной культуры.

Последняя развивалась в едином общедагестанском русле, что является прямым следствием исторически традиционных культурно-экономических контактов, взаимосвязей и взаимовлияний многочисленных народов края. Подобные же взаимовлияния, в том числе и в сфере материальной культуры, наблюдались и между народами Дагестана, с одной стороны, и народами Закавказья и Северного Кавказа — с другой, что в частности характеризует весь край как единый культурно-исторический регион.

Особый интерес авторов сборника к этнографическим проблемам поселения можно объяснить тем, что они образуют систему расселения людей, что этнические процессы в той или иной среде во многом определяются особенностями территориального расположения взаимодействующих групп¹.

Поселения дагестанских народов прошли длительный путь раз-

вития от патронимических через тухумно-территориальные и территориально-тухумные к территориальным, что соответствовало условиям социально-экономического развития общества. Этими же условиями, усиленными природно-географической спецификой, объясняется исторически сложившийся стереотип в выборе места для поселения: оборонный фактор, близость сельскохозяйственных угодий и источника воды, соображения экономии полезной для хозяйственной деятельности площади и др. Каждый из факторов, еще раз подчеркивается авторами статей, имел первостепенное значение в зависимости от конкретной хозяйственно-экономической и политической обстановки. С общей идеей первого из факторов увязываются, в частности, военно-стратегические особенности отдельных строительных сооружений или их комплексов, во многом определяющие строительную культуру дагестанцев.

Подчеркнутое внимание в сборнике к одежде объясняется тем, что это — один из устойчивых элементов материальной культуры, отражающий этническую принадлежность и характеризующий художественно-эстетические ориентации и вкусы народа. Анализ такого компонента материальной культуры, как народная и праздничная одежда, дает возможность более глубокого изучения как этнографии отдельного народа, так и дагестанцев в целом в плане решения важнейшего вопроса: соотношения общего и особенного, повсеместного и этноспецифического.

Статьи сборника посвящены объектам той сферы культуры народа, для которой локальные различия особенно характерны.

Совокупность предлагаемых вниманию читателей статей поможет исследователям и всем интересующимся историей и этнографией Дагестана углубить познания об этнографии горного края, и в частности об отдельных его народах.

С. А. Лугуев

¹ См.: Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М., 1977. С. 137.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ

- Агаширинова С. С.* Поселения лезгин в XIX—XX веках // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1959. Т. VI.
- Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин в конце XIX—начале XX века. М.: Наука, 1978.
- Агларов М. А.* Поселение и жилище андийской группы народов в XIX—начале XX века // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. XVI. Сер. обществ. наук.
- Агларов М. А.* Андийская группа народностей в XIX в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1967.
- Агларов М. А.* Земледельческая округа «мегъ» в Аварии в XVIII—XIX вв. // Быт сельского населения Дагестана (XIX—нач. XX вв.). Махачкала, 1981.
- Агларов М. А.* Этнокультурные процессы в условиях множественности политических структур в Дагестане (до XX в.) // СЭ. 1984. № 4.
- Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.
- Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.
- Асиятилов С. Х.* Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в XIX—нач. XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. XVI. Сер. обществ. наук.
- Асиятилов С. Х.* Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX—нач. XX вв.). Махачкала, 1967.
- Ахмедов Ш. М., Булатова А. Г., Исламмагомедов А. И.* Агулы: (Сб. ст. по истории, хоз-ву и материал. культуре), Махачкала, 1975.
- Бабаев Д.* Селение Ахты // СМОМПК. Тифлис, 1893. В XVII. Отд. 1.
- Бакиханов А. К.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
- Бломквист Б. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1966. Т. XXXI.
- Болатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Наука, 1971.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Булатова А. Г.* Лакцы: (XIX—нач. XX вв.) Историко-этногр. очерки. Махачкала, 1971.
- Булатова А. Г.* Национальная одежда цахуров // Даг. этногр. сборник. Махачкала, 1974. 1.
- Булатова А. Г.* Народная одежда дагестанских лезгинок // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана. Махачкала, 1977.
- Буткевичус И. А., Терентьева Л. Н., Шлыгина Н. В.* Крестьянские поселения Прибалтики // СЭ. 1966. № 1.
- Буш Н. А.* По скалам Андийского Дагестана // ИРГО. 1905.
- Витов М. В.* О классификации поселений // СЭ. 1953. № 3.
- Волконский Н. А.* Окончательное покорение Восточного Кавказа // КС. Тифлис, 1879. Вып. 4.

- Ворнов Н. И.* Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис. 1868, вып. 1; 1870, вып. 3.
- Вучетич Н.* Поездка в Самурский округ // Зап. для чтения. М., 1869. Апр.-июль.
- Габиев Д.-М. С.* Эволюция лакского жилища (XVIII—XX вв.) // КЭС. М., 1969. Вып. 4.
- Гаджиева С. Ш.* Народное жилище каякентских кумыков // СЭ. 1953. № 3.
- Гаджиева С. Ш.* Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960.
- Гаджиева С. Ш.* Кумыки: Историко-этногр. исслед. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана XIX—нач. XX вв. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит. 1981.
- Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
- Ган К. Ф.* Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.) // СМОМПК. 1902, вып. 31.
- Ган К. Ф.* Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 года // ИКОРГО. 1901. Т. XV, № 4.
- Гене Ф. И.* Сведения о горном Дагестане. 1935—1936 гг. // ИГЭД Дагестанская область: Свод стат. данных, извлеч. из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.
- Данилина К. Г.* Дидо (Цеза). 1926 // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 71.
- Данилина К. Г.* Этнографическое обследование Дидо в 1928 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 7.
- Десимон А. Ф.* Исторические сведения о Самурском округе 1839 г. // ИГЭД.
- Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1, кн. 1.
- Зиссерман А. Э.* 25 лет на Кавказе (1842—1867). СПб., 1879. Ч. II.
- Известия грузинских летописей и историков о Херсоне, Осетии, Дидоэтии и России // СМОМПК, Тифлис, 1899. Вып. 26.
- Иоселиани П.* Путевые заметки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862.
- Исламмагомедов А. И.* Поселения аварцев в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. XII. Сер. ист.
- Исламмагомедов А. И.* Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1965. Т. XIV. Сер. ист.
- Исламмагомедов А. И.* Поселения и жилища цахуров в XIX—XX вв. // Даг. этногр. сборник. Махачкала, 1974. 1.
- История Дагестана: В 4 т. Т. 1. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1967.
- Ихлов М. М.* Народности лезгинской группы: Этногр. исслед. прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967.
- Калоев Б. А.* Поселение и жилище агулов // КСИЭ. М., 1966. Вып. 23.
- Кильчевская Э. В.* От изобразительности к орнаменту. М.: Наука, 1968.
- Кобычев В. П.* Типология кавказского народного жилища // VII. МКАЭН. М., 1964.
- Кобычев В. П.* Города, селения, жилища // Культура и быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1968.
- Кобычев В. П., Робакидзе А. И.* Основы типологии и картографирование жилища народов Кавказа // СЭ. 1967, № 2.

Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.

Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1917.

Комаров А. В. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. 1.

Костемеровский И. С. Салатавия // К., 1858, № 1.

Косачи М. О. Семейная община и патронимия. М.: Наука, 1963.

Крюков М. В. О некоторых общих принципах типологического исследования явлений культуры // СЭ. 1979, № 2.

Кузнецов Н. И. В дедрах Дагестана // ИРГО, 1913. Т. XI, вып. 1—3.

Лавров Л. П. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1: Надписи X—XVII вв. М.: Наука, 1966; То же: Ч. 2. Надписи XVIII—XX вв. М.: Наука, 1968.

Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1957.

Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1979.

Народы Дагестана. М.: Наука, 1955.

Никольская З. А. Из истории аварского жилища // СЭ. 1947, № 2.

Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Женская народная одежда аварцев // КСИЭ, М., 1953. Вып. 18.

Османов М. О. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1961. Т. IX.

Османов М. О. Поселение даргинцев в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1962. Т. X.

Панк Л. В. Ахты как экономический, политический и культурный центр лезгин Самурской долины // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2.

Промтов Ю. По горам и аулам Дагестана. Махачкала, 1941.

Робакидзе А. И. Поселение как источник изучения общественного быта // УП МКЛЭН. М., 1964.

Робакидзе А. И., Гегечкари Г. Г. Формы жилища и структура поселения горной Осетии // КЭС, Тбилиси, 197. Вып. 5.

Сергеева Г. А. Арчины. М.: Наука, 1967.

Сергеева Г. А. Об одежде аварской группы народов Дагестана: (по полевым материалам экспедиций 1959—1960 гг.) // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. (Материалы к Кавказ. историко-этногр. атласу). М.: Наука, 1971. Вып. 1.

Сергеева Г. А. Материалы по одежде аварок Тляртинского района Дагестанской АССР // Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г. М.: Наука, 1972.

Сергеева Г. А. Этнографические наблюдения у хваршин // Новое в этнографии и антропологии: Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1973 г. М.: Наука, 1957.

Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана и Чечни: По материалам Гос. ист. музея // КЭС. М., 1976. Вып. 6.

Сергеева Г. А. Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1978.

Сергеева Г. А. Женские головные уборы народов аварской группы Дагестана // Полевые исследования Ин-та этнографии 1977 г. М.: Наука, 1979.

Сергеева Г. А. Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX—начала XX века // КЭС. М., 1980. Вып. 7.

Сергеева Г. А. Вязаная обувь народов горного Дагестана // КЭС. М.: Наука, 1984. Вып. 8.

Сергеевский А. К. Поездка в Нагорный Дагестан. Пг., 1917.

Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД.

Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая пол. XIX—XX век. М.: Наука, 1983.

Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971.

Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Наука, 1977.

Советская этнография в условиях перестройки // СЭ. 1987. № 4.

Токарев С. А. Этнография народов СССР. М.: Наука, 1958.

Тульгинский Г. А., Светлов В. А. Логико-семантические основания классификации // Типы в культуре: Методолог. пробл. классификации, систематизации и типологии в социально-исторических и антропол. науках. Л.: Наука, 1979.

Феодалные отношения в Дагестане. XIX—нач. XX вв.: Архив. материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, глав. ред. вост. лит., 1969.

Хан-Магомедов С. О. Народное жилище Южного Дагестана // СЭ. 1951, № 1.

Хан-Магомедов С. О., Любимова Г. Н. Народная архитектура Южного Дагестана. М.: Наука, 1956.

Хан-Магомедов С. О. Архитектура цахуров // Архитект. наследство. 1961, № 13.

Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество. М.: Наука, 1969.

Харадзе Р., Робакидзе А. Мтиулетское село в прошлом. Тбилиси, 1965.

Шиллинг Е. Народы андо-цезской группы // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37.

Шиллинг Е. Женская народная одежда аварцев // КСИЭ. М., 1953, вып. 18.

Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 // ИГЭД.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1: Надписи X—XVII вв. / Тексты, пер., коммент., введ. и прилож. Л. И. Лаврова. М.: Наука, 1966; То же: ч. 2. Надписи XVIII—XX вв. М.: Наука, 1968.

Эркерт. Кавказ и его народы. Лейпциг, 1887 // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗКОРГО	— Записки Кавказского отдела Русского географического общества
ИГЭД	— История, география и этнография Дагестана
ИРГО	— Известия Русского географического общества
К	— газета «Кавказ»
КК	— Кавказский календарь
КОИРГО	— Кавказский отдел Русского географического общества
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КС	— Кавказский сборник
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН	— Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 1964 г.
РФ ИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагфиллиала АН СССР
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах
СЭ	— Советская этнография
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
ЦГА ДАССР	— Центральный государственный архив Дагестанской АССР

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
<i>Османов М. О.</i> Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии)	6
<i>Азизов С. А.</i> Территориальная локализация и экономическая организация южнодагестанского тухума в середине XIX — начале XX в.	23
<i>Рагимова Б. Р.</i> Поселения и сельская община самурских лезгин в конце XVIII—XIX в.	32
<i>Гаджиев Г. А.</i> Поселения чамалалов в XIX — начале XX в.	41
<i>Алимова Б. М.</i> Из истории поселений ботлихцев в XIX—нач. XX в.	56
<i>Магомедов Д. М.</i> Оборонительные сооружения жителей Юго-Западного Дагестана	66 ✓
<i>Исламмагомедов А. И.</i> Отопительные и печные сооружения у народов Дагестана в XIX в.	73 ✓
◆ <i>Булатова А. Г.</i> Праздничная одежда народов Горного Дагестана (XIX—нач. XX в.)	95 ✓
◆ <i>Луговой С. А.</i> Одежда дидойцев (XIX—начало XX в.)	116 ✓
★ <i>Ризаханова М. Ш.</i> Национальная одежда гунизбцев XIX—начала XX в.	133 ✓
★ <i>Мусаева М. К.</i> Одежда и украшения хваршинок в XIX—начале XX в.	144
Заключение	154
† Список литературы по теме	156
Список сокращений	160

Цена 80 коп.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
В XIX-- НАЧАЛЕ XX в.

Сборник статей

Редактор *Е. В. Спивак*
Художник *М. А. Хизроев*
Техн. редактор *Н. В. Жукова*

Н/К

Сдано в набор 8.08.88. Подписано в печать 20.09.88.
Формат 60×90^{1/16}. Печать высокая. Гарнитура «Литератур-
ная». Усл. п. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,9. Зак. 742.
Тираж 500 экз. Цена 80 коп.

Дагестанский филиал АН СССР
Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Типография Дагестанского филиала АН СССР
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10